

Это новая улица в подмосковном колхозе «Путь новой жизни». О том, как быстро и дешево построить удобный и вместительный дом на селе, читайте в номере.

Мансур ЯРУЛИН.

Фото М. Савина.

Ясный путь Мансура

В биографии этого двадцатишестилетнего человека все просто.

Когда настал срок, Мансур Ярулин был призван в армию. Его зачислили в пограничные войска и отправили на Дальний Восток... Шли месяцы. С ладоней исчезли твердые пуговки мозолей, кожа на руках очистилась от тех темных точек, по которым безошибочно узнают имеющих дело с металлом. Размеренные будни границы незаметно отсчитали три года, и настало время подумать, как строить жизнь дальше.

Для тех, кто пришел в армию прямо со школьной скамьи, этот вопрос не всегда решался просто. Но для Мансура он был ясен. Его провожали на службу с московского завода «Динамо», и у него было одно желание: чтобы его там же и встретили. На этом заводе вот уже не первый десяток лет работает его отец контролером в крепежном цехе, и сам Мансур получил хорошую рабочую квалификацию на «Динамо». Во второй раз пересек Ярулин всю страну, теперь уже с востока на запад. И однажды утром появился в заводском отделе кадров. У него было такое впечатление, что никто его здесь не забывал.

Слесарь Мансур Ярулин, комсомольский организатор первого аппаратного цеха, работает на сборке крановых контроллеров — механизмов, которые управляют движением и всеми манипуляциями мостовых кранов. Аппарат, по современным понятиям, не очень-то сложный. Но он требует от сборщика чистоты и культуры в работе. А если к тому же ты хочешь выполнять за смену две нормы, как делает это Мансур, нужна особая рабочая ловкость и способность быстро соображать.

Контроллеры, собираемые руками Ярулина, специальные. Они предназначаются для работы в условиях тропического климата, их отправляют в Индию и другие жаркие страны. В таком контроллере в отличие от обычного детали должны быть из цветного металла, не столь чувствительного к коррозии.

Мансур доволен своей работой, и в цехе довольны им. Только одна забота есть сейчас у него: надо учиться. Первым шагом будет, конечно, техникум при заводе...

Вот и вся биография. Она проста, потому что Мансур Ярулин идет ясным путем рабочего человека.

На первой странице обложки фото И. Туннеля.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК 8 (1653) 15 ФЕВРАЛЯ 1959 37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЗАДАНИЯ СЕМИЛЕТКИ БУДУТ ВЫПОЛНЕНЫ И ПЕРЕВЫПОЛНЕНЫ!

Делегаты вернулись домой!

Еще зима свирепствует и злится,
Наносит снегу горы-горбыли.
Свердловск —
Индустриальная столица
Моей уральской каменной земли.
Поют ветра —
Уральские сирены!
Урал, как блюминг, грохает с утра!
В рабочие прославленные смены
Вернулись делегаты-мастера,
Чтоб совершить,
Что высказано ими
Под сводами Московского Кремля...
Снег осыпает струями сухими
Таврового железа штабеля.
И все равно —
Зима им не помеха! —
Растут каркасы доменных печей!
И, широко раскатывая эхо,
Несется стали огненный ручей.
Уральцы-делегаты слово дали
Быть первыми в борьбе за коммунизм!
И это слово чувствуешь в металле
И в графике,
Что нам диктует жизнь!
В цехах заводов поселился прочно
Огонь коммунистических бригад.
«Мы семилетку выполним досрочно!» —
Так отвечает каждый агрегат.
Прокатный цех!
Большой иль малый штифель!..
Огни на пульте вспыхивают в ряд,
Да рычагов поблескивает никель.
Даешь стране сверхплановый прокат!
Своих заводов марку улучшая,
Опережая времени накал,
Успешно труд с учебой совмещая,
Живет коммунистический Урал!

Николай АГЕЕВ

Трудящиеся Советской страны проявляют огромный интерес к итогам работы XXI съезда КПСС. На снимке: делегат съезда слесарь Московского шинного завода А. М. Рыбакова рассказывает в цехе о работе съезда.

Фото Я. Рюмкина.

10 февраля товарищи Ф. Р. Козлов, А. И. Микоян, Н. С. Хрущев посетили Выставку достижений народного хозяйства СССР. В разделе «Строительство» они осмотрели выставку применения пластмасс в строительстве в Германской Демократической Республике.

На снимке: товарищи А. И. Микоян, Н. С. Хрущев, Ф. Р. Козлов и сопровождающий их председатель Госстроя СССР В. А. Кучеренко знакомятся с методами обработки пластмасс.

Фото И. Теренина.

МИР И ХЛЕБ

Янка БРЫЛЬ

Один из моих знакомых, западнобелорусский крестьянин, сказал недавно в разговоре о жизни и будущем:

— Мир и хлеб — вот что обеспечила нам Советская власть. И пусть кто-нибудь попробует отнять это у нас.

Эти простые слова можно было бы расшифровать и вдохновенной пламенной поэмой и красочным, мудрым, как сама жизнь, романом. Эти слова звучат в душе победной, радостной песней, когда мы наблюдаем изменения, происшедшие в нашей экономике и культуре за последние годы, когда думаем о международной политике нашей партии, когда знакомимся с грандиозными планами, которые нам предстоит осуществить в ближайшее семилетие.

Всемирно-историческое величие задач, поставленных перед нами XXI съездом КПСС, наше уверенное вступление в период развернутого строительства коммунистического общества каждый из нас, советских людей, воспринимает и в целом, в масштабах всей страны, и в приложении к условиям и возможностям своей республики, своего народа, своего города или поселка, своей профессии.

Как белорусу — сыну своего трудолюбивого, талантливого народа, как минчанину, мне хочется прежде всего видеть, какой будет моя республика, мой город через семь лет, что принесет нам ближайший год и даже месяц. И мне кажется, что у нас, в нашей республике, так жестоко пострадавшей в годы фашистской оккупации, в нашем городе, восставшем из пепла и развалин, у нас они особенно заметны — размах и напряжение борьбы за мир и хлеб, за большое счастье простого советского человека.

И в самом деле, Беларусь, которую в насмешку и с сердечной болью называли недавно — только 40 лет тому назад! — краем болот и лаптей, краем извечной нужды, неграмотности и тьмы, Советская Беларусь теперь идет в свое будущее гордой, поистине величественной поступью.

На месте захолустного Минска, своеобразного губернского Окурова, с его конкой и хибарками на кривых грязных улочках, с его винокуренной и мыловаренной «индустрией» построен прекрасный современный город с тенистыми бульварами и парками, с заводами-гигантами на ближних и далеких окраинах.

Да, у нас уже далеко не каждый минчанин может ответить, сколько заводов и фабрик построено в городе за послевоенный период, а перечень их продукции составит богатый список, который нельзя перечитывать без радостной улыбки. Большой, талантливый отряд ученых, деятелей литературы и искусства из года в год, изо дня в день приумножает сокровища нашей национальной культуры. Целая армия студентов выходит на наши великолепные проспекты в дни праздничных демонстраций.

Вслед за Минском растут и наращивают индустриальную мощь древние, как и он, и такие же захолустные в прошлом города на Днепре и Буге, на Немане, Двине и Соже: Могилев, Брест, Гродно, Витебск, Гомель...

На колхозных полях как и не бывало вовсе межей и полосок, еще совсем недавно, 20 лет назад, уродливо бороздивших живописные холмы и равнины Западной Белоруссии. Неутомимый и веселый белорусский труженик снимает рекордные урожаи хлеба, льна, картофеля, кукурузы. Успешно идет соревнование с Америкой — кто даст больше молока и мяса.

...Мы потрудились неплохо, но нам предстоит сделать значительно больше. Мы должны построить, и мы, безусловно, построим большую химию. Малоизвестный городской поселок Старобин вскоре прославится нашей белорусской калийной солью и минеральными удобрениями.

Уже начинается газификация ряда крупных городов республики. Торфопредприятия оснащаются новой техникой. Древний Полоцк, гордящийся именем Георгия Скарины, нашего первопечатника, обретет в ближайшие годы новую славу. Там уже строится мощный нефтеперерабатывающий завод. А там, где находился построенный пилсудчиками для борьбы с коммунизмом концлагерь «Картуз-Береза», там теперь вблизи одноименного города будет сооружена Березовская электростанция. Да, будет свет и счастье в домах недавних бедняков, ныне счастливых участников коммунистического строительства!

За ближайшее семилетие в моей республике будет выработано электроэнергии больше, чем за все прошедшие годы Советской власти. Сколько силы и красоты в этих словах!

Так же, как далеко известный белорусский лен, станет известным белорусский сахар. По-новому зацветет наша земля колхозными садами, обогатится тучными стадами высокопродуктивного скота. Могучая мелиоративная техника выйдет на осушку пресловутых полесских болот.

Не перечислишь всего, что скоро войдет в нашу жизнь! Завидная у нас участь, дорогие друзья!

Как писатель, я думаю в эти послесъездовские дни о тех грандиозных задачах, которые ставит перед нами, литераторами, жизнь, преображенная волей народа-созидателя, волей мудрой ленинской партии. Советский писатель — верный помощник партии в борьбе за светлое коммунистическое будущее, в борьбе за нового человека. Мы обязаны достойным образом прославить дела и подвиги героев, душевную красоту лучших людей нашего времени.

В новую жизнь, в новое будущее мы должны войти без надоевших до смертной тоски так называемых родимых пятен капитализма. Нельзя закрывать глаза на то, что наряду с хорошими, возвышенными делами, мечтами, чем мы по праву гордимся, за что нас любит все прогрессивное человечество, есть еще, к сожалению, немало и того, что порой порочит образ нашего современника. Бездушный, уродливый бюрократизм, беззастенчивый карьеризм и самое обыкновенное пьяное хамство, прикрывающееся то рваной хламидой «глубокомыслия», «романтического» нытья нигилистов и циников, то «западным» пижонством желторотых и пустоголовых бездельников...

Да, обо всем этом не хотелось бы говорить, но со всем этим нужно бороться!

Пафос созидания нового мы обязаны достойным образом подкреплять пафосом разоблачения старого, которое должно уйти из нашей жизни поскорей и безвозвратно.

На новой ступени всенародной борьбы за мир и хлеб мы, советские писатели, должны занять свое достойное место в рядах строителей коммунизма.

ВСЕГДА В РАЗВЕДКЕ

А. СТАРКОВ, К. ЧЕРЕВКОВ

После двадцать первого съезда партии встречались мы со многими ленинградцами. Беседовали о съезде, о семилетке. Люди разные. Мысли, личные планы тоже несхожие. Но они сливаются в единый поток, устремляются к единой цели.

Заехали к Ивану Петровичу Карташову, слесарю-изобретателю, конструкции которого широко известны машиностроителям. Хотелось узнать, чем он сейчас занят. День был воскресный, и Карташов любезно встретил нас на пороге своей новой квартиры. Но, услышав, чем интересуемся, закачал головой.

— Рановато мне хвастаться. Вот закончу тут одну штуку — будет о чем поговорить...

— Иван Петрович,— напомнил один из нас,— вы и в прошлый раз так говорили, и в позапрошлый.

— В позапрошлый? Когда это было? А, помню. Я тогда оптико-шлифовальное приспособление заканчивал. Вот оно,— показывает фотографию.— Машинка получилась как будто неплохая. Универсальная. Механизировала у нас почти все лекальные работы... А когда вы в прошлый раз приезжали, я над балансировочным станком трудился. Взгляните,— снова показывает снимок. — На электронике. Облегчил нам всю динамическую балансировку, да и не только нам. Привозят роторы и с «Электросилы», и с Металлического, и с «Русского дизеля». А на Невском заводе имени Ленина сами поставили такой станок. По моим чертежам. И в Сумах на Украине и в Каунасе. Ездил я туда, помогал... Так что, как видите, не обманывал я вас как в позапрошлый, так и в прошлый разы. То, что задумал, сделал. Не виноват же я, что вы приезжаете, когда у меня работа не закончена!..

— А мы не виноваты, что у вас одна работа сразу наплывает на другую...

Улыбнулся. Задумался. Перелистал лежащую перед ним тетрадку.

— Это верно. Одна мысль другую зовет, и та откликается... К съезду приготовил гидравлическое следящее устройство для фрезеровщиков. Видели, как они с криволинейными поверхностями мучаются? Попробуйте хотя бы часок покрутить одновременно обе ручки станка! А поставьте мое приспособление — и станок превращается в точно работающий копировальный полуавтомат. Вы его только наладьте, и он обработает самый сложный профиль...

Ненавижу ручной труд: пот, мозоли, — зло продолжал Карташов.— Вот мы на «Экономайзере» начинаем выпуск газовых турбин. Наисовершеннейшая техника, а лопатки для них собираются шлифовать вручную. Но лопаток ведь сотни, тысячи. И поверхность у каждой должна быть почти зеркальной. Есть у меня мыслишка: внести и тут механизацию. Есть уже и чертеж. Но работа не закончена, и о ней в следующий раз...

Интересно, куда в следующий раз забежит мысль этого беспокойного искателя? Опять, наверно, скажет: «Вот закончу — покажу».

Затем нам удалось побеседовать сразу с группой главных инженеров ленинградских заводов тяжелого машиностроения. Получилось это так. Мы приехали на завод имени Кирова, тот, что знаменит подъемными кранами. Мы собирались получить информацию о новом уникальном кране для шахт, который способен будет поднимать грузы с глубины пятисот метров. Но главного инженера не оказалось на месте.

— Юрий Петрович руководит сегодня передвижным семинаром,— сказала секретарша.— Он принимает коллег.

С недавней, оказывается, поры главные инженеры группы машиностроительных заводов решили собираться друг у друга на своеобразные семинары. Раз в месяц они съезжаются к одному из своих коллег, и тот водит их по заводу, знакомя с производством. Очень полезным оказался этот разговор, этот обмен опытом не в кабинете, не на совещании, а непосредственно у станка, у агрегата, у печи. Собираются люди с огромной практикой, с зорким глазом, чуткие к каждой новинке, понимающие друг друга с полуслова. Уже съезжались вот так на Кировский завод к Алексею Ивановичу Захарьину, на Ижорский — к Александру Александровичу Любченко. И что-то подмечали, что-то «перехватывали», что-то критиковали. Сегодня «передвижной семинар» ведет Юрий Петрович Суходольский, главный инженер завода имени Кирова.

Мы настигли «семинаристов» в кузнечном цехе. Они с любопытством разглядывали оригинальную установку для закалки крановых колес. Юрий Петрович с гордостью сообщал, что металл упрочняется нынче в пять раз. И способ нехитрый. Нагрев в печи, охлаждение водой, снова нагрев. Люди завода имени Кирова подглядели это в Днепропетровске. Главные инженеры, слушавшие своего коллегу Суходольского, записывали что-то у себя в блокноте. Надо полагать, что днепропетровская новинка быстро пойдет теперь в Ленинграде по рукам...

В тот же день на другом конце города токарь станкостроительного завода имени Свердлова Михаил Васильевич Бесчастнов, коммунист, руководитель бригады коммунистического труда, рассказывал нам тоже о замечательной новинке — о работе по единому наряду. Что это значит? А вот что. Прежде как было? Токарь точил какую-то деталь. Не закончил. Пришел сменщик. У него другое задание. Он снимает недоделанную деталь, ставит другую, свою. Уходит время на установку, на настройку. И только потому, что разные наряды. Теперь сменщик, принимая станок, продолжает начатую работу, доводит ее до конца. У обоих токарей единый наряд на работу, единая оплата, которую они делят пополам. Экономится время, труд. В системе единых нарядов с особой силой проступают черты коммунистического отношения к труду. Эта новинка ленинградцев прекрасна!

Ну, а вечером, оказавшись в тишайшем уголке города, на стрелке Васильевского острова, облюбованном наукой, мы попали в совершенно новый для нас мир, в мир полимеров, этих больших молекул, родоначальниц чудесных материалов будущего. Нас вводил в этот мир «укротитель» полимеров профессор Михаил Михайлович Котон, заведующий одной из лабораторий Института высокомолекулярных соединений.

Мы уже были, можно сказать, оглушены его захватывающим рассказом о совершенно неисчерпаемых возможностях применения полимеров в промышленности, о получении из них материалов «по заданному профилю» примерно так же, как конструктор создает по проектному заданию новый тип машин. Но нам предстояло еще удивляться и удивляться. Мы были представлены профессором его ближайшей помощнице кандидату химических наук М. Н. Савицкой, «хозяйке» изумительного полимера: смешанный с азотом и будучи введенным в почву, он «склеивает» ее верхний плодоносный слой, защищая его от выветривания и размывов. Но не только. Он еще и обогащает почву, делая ее значительно урожайней. Ох, как пригодится этот молодой полимер нашему сельскому хозяйству! Между прочим, и добытчики руды от него не откажутся...

Где бы вы ни были в эти дни в Ленинграде — всюду поиски. Ленинградцы всегда были разведчиками. А ныне, вдохновленные решениями двадцать первого съезда партии, ленинградцы и вовсе без устали будут искать и находить новые пути в промышленности, в науке.

Иван Петрович Карташов.

Два сменщика, работающие по единому наряду: М. В. Бесчастнов и А. М. Михайлов.

В лаборатории Института высокомолекулярных соединений. Кандидат химических наук М. Н. Савицкая.

Фото Б. Уткина.

Пусть тепло этой домны согревает дружбу двух наших великих и миролюбивых народов.

Н. С. Хрущев. Заключительное слово на XXI съезде КПСС.

Вадим КАССИС

Фото автора.

И. П. Фадеев (справа) и зональный инженер Аурора (слева).

ДРУЖБА, ПРОЧНАЯ, КАК МЕТАЛЛ

Если взглянуть на географическую карту Индии, то в самом центре огромного полуострова можно отыскать небольшую железнодорожную станцию Друг. Она лежит примерно на полпути между Калькуттой и Бомбеем. Бывало, скорые поезда останавливались у белокаменного станционного домика лишь на одну минутку, чтобы высадить нескольких случайных пассажиров. Ныне это место знают и часто упоминают во всех уголках индийского полуострова.

Название маленькой станции стало восприниматься как символ советско-индийской дружбы. В нескольких километрах от Друга, на месте деревушки Бхилаи, дымят трубы мощного металлургического завода. 26 декабря прошлого года там был уложен последний кирпич в домну № 1. А через месяц с небольшим, в ночь на 4 февраля, доменная печь Бхилайского металлургического завода дала первый чугун.

...По отполированным до блеска железным лестницам мы поднимаемся на самый верх домны № 1. На кронштейнах поручней видны сделанные мелом отметки. Сорок метров... Пятьдесят метров... Шестьдесят метров... Отсюда как на ладони видна грандиозная панорама строительной площадки. Справа дымит высоченная труба коксохимического комплекса. Слева — здание ТЭЦ с наклонным подъемником, цементный завод, остов мартеновских цехов. По дорогам бегут самосвалы, медленно ползут в бурой пыли бульдозеры, снуют люди. А еще дальше в сизой дымке раннего утра белеют аккуратные домики нового города Бхилайнагара. Там в тесной дружбе живут индийские рабочие, инженеры и советские специалисты — строители Бхилаи.

Руководитель работ доменного комплекса Иван Павлович Фадеев вспоминает первые дни строительства:

— Нечего скрывать, поначалу нам трудно пришлось в Бхилаи. Ко всему можно было быстро привыкнуть: к необычной для нас пище, к новым обычаям. А вот климат — особая статья. Жара доходила до 44 градусов. Мы вели монтаж домны под открытым небом, точнее сказать, под палящим солнцем. Металлические конструкции, как накаленная сковородка, да еще яркий свет, от которого не спасают глаз даже защитные очки. Но, как видите, и с этим освоились... — Иван Павлович широко повел рукой, словно приглашая нас убедиться, что все здесь стало для него обычным и близким.

Фадеев — один из славной когорты советских металлургов. В нашей стране он построил несколько доменных печей, воспитал сотни молодых рабочих и техников. За трудовые заслуги Иван Павлович награжден орденом Ленина.

К нам подходит корреспондент Чехословацкого радио Душан Руппельдт. Он приехал в Бхилаи, чтобы сделать репортаж о строителях завода. Руппельдт протягивает микрофон:

— Товарищ Фадеев, скажите, пожалуйста, нашим радиослушателям, где вы работали до Бхилаи.

Иван Павлович смущенно улыбается.

— Последнее время я работал главным инженером Днепродзержинскстроя. А во время Отечественной войны был на фронте, участвовал в освобождении Праги.

— Праги?! — восторженно кричит Душан Руппельдт и, позабыв о магнитофоне, заключает в свои объятия советского инженера.

Собравшиеся вокруг индийские рабочие горячо аплодируют этой дружеской встрече чеха и русского на земле Индии.

Знакомимся с советскими строителями Александром Гавришем, Эдуардом Кущевым, Василием Гаврищуком. Все они мастера своего дела, прошедшие большую школу на стройках металлургических заводов Советского Союза. И приятно было услышать высокую похвалу о наших соотечественниках из уст индийского рабочего Прасада, который сказал:

— Мы прежде слышали много хорошего о русских. А когда при-

Домна № 1, пущенная в ночь на 4 февраля 1959 года.

шлось пожить и поработать с ними рядом, убедились, что это действительно правда. Русские не брезгуют никакой черной работой и никогда не показывают своего превосходства. Скромность и трудолюбие — главное достоинство советских специалистов.

Через пролет эстакады видны работающие на головокружительной высоте монтажники.

— Там наш Коростылев руководит работами,— рассказывает Фадеев, указывая на человека в защитного цвета рубахе, распластавшегося на металлической перекладине высоко над землей.— О нем индийцы говорят: «Коростылев — первый покоритель высоты». Отчаянный парень, но с разумом,— заключает Фадеев.

Многие индийские рабочие, строители Бхилаи, останутся на заводе производить чугун и сталь.

Молодой индиец, инженер по турбинам Раман говорит о них с большой теплотой:

— В Индии, по существу, не было своих кадров металлургов. Советский Союз помогает нам не только в строительстве самого завода, но и в подготовке квалифицированных инженеров и техников. Многие мои товарищи прошли отличную практику на Магнитке, в Запорожье. Часть из них будет самостоятельно строить в нашей стране другие заводы, а часть — работать в Бхилаи. Я лично думаю остаться здесь...

В процессе сооружения доменной печи прошли практику и обучение шестнадцать индийских инженеров, тридцать шесть мастеров и триста тридцать огнеупорщиков Бхилаи.

В историю сооружения Бхилайского завода уже записаны многие события, передаваемые из уст в уста. Здесь помнят, как Александр Гавриш проработал больше суток, не выходя из будки башенного крана; как в порту Висакх Апатнам, куда поступают из Одессы грузы для Бхилаи, русский кран в соревновании победил американский. Вам расскажут и о школе Николая Хренова, где обучаются индийские сварщики, и о подвиге Нараяна Свами и нашего Шишмарева.

Это было в дни пуска малой кислородной станции. Нараян Свами, недавно вернувшийся из Советского Союза, должен был возглавить этот объект. Но, кроме него и советского специалиста Шишмарева, в Бхилаи не было людей этой профессии. График работы поджимал. Друзья посовещались и решили все-таки сдать объект в срок.

Несколько суток Нараян Свами и Шишмарев работали на станции не смыкая глаз. Здесь же, у механизмов, они обучали рабочих техническому обслуживанию и управлению станцией.

«Через Одесса-порт. Порт Висакх Апатнам в Бхилаи». Эта надпись хорошо известна каждому индийцу. Стоит она на всех контейнерах, ящиках, катушках с кабелем, упаковках с огнеупорным кирпичом. Более трехсот советских заводов-поставщиков выполняют заказы для Бхилаи. Но прежде чем отгрузить оборудование в Индию, узловые конструкции проходят контрольную сборку, что значительно убыстряет процесс монтажа.

— Мы не можем нарадоваться на советское оборудование,— говорит мне пожилой монтажник Саккур Сингх.— Все подогнано, как в хорошем детском конструкторе, только собирай...

По мере того как приближался день пуска, шестидесятичетырехтысячная армия строителей наращивала темпы. В кабинете главного инженера строительства завода В. Дымшица, который в свое время работал в Магнитогорске и Запорожье, на большой схеме каждый день появлялись новые отметки.

И вот знаменательный день 4 февраля, день официальной церемонии пуска завода. На литейном дворе собрались индийские и советские рабочие, инженеры. Президент Республики Индии Раджендра Прасад нажал кнопку, и из летки заискрился, побежал в ковши расплавленный поток чугуна — плод совместных усилий советских и индийских строителей.

В тот же день вечером прошла теплая, дружеская встреча индийских и советских специалистов и рабочих Бхилаи.

Выступая на этой встрече, президент Индии Раджендра Прасад отметил:

— Мне была предоставлена привилегия открыть первую очередь Бхилайского завода. Я сердечно поздравляю и благодарю русских за то, что они сделали и еще сделают.

Подчеркнув, что на заводе в Бхилаи царит энтузиазм, президент Индии сказал:

— Не мне говорить о технических достижениях. Проделанная работа сама говорит о них. Плоды вашего труда пойдут по всей стране. На этом заводе мы видим прекрасный результат плодотворного сотрудничества двух стран.

В это же время в Индии сооружаются еще два металлургических завода силами Англии и Западной Германии. Бхилайская стройка началась на год—полтора позднее, но первой выдала металл. Это итог братского сотрудничества советских и индийских инженеров и рабочих.

Президент Индии Раджендра Прасад на открытии металлургического завода в Бхилаи.

Фото Индийского информационного бюро.

Конференция молодежи стран Азии и Африки. На трибуне — глава советской делегации К. Муртазаев.

МОЛОДЕЖЬ АЗИИ И АФРИКИ ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИЗМА

И. БЕЛЯЕВ

На площадях и улицах Каира — большие щиты с изображением контуров двух великих континентов. На их фоне — юноша и девушка, символизирующие молодежь азиатских и африканских стран. Их руки на плечах друг друга, а взгляд устремлен вперед, в то светлое будущее, за которое они борются. Это эмблема первой Конференции молодежи стран Азии и Африки.

В Каир съехались представители различных молодежных организаций более 40 стран Азии и Африки. Самую большую делегацию прислали гостеприимные хозяева — молодежь египетского района ОАР. В ее составе — 78 человек. Самая маленькая делегация — из Занзибара: его представляет один человек. Не всем делегатам удалось прорваться на конференцию. Объявив конференцию «коммунистической затеей», английские и французские колониальные власти в Африке не дали паспортов и виз представителям молодежи Танганьики, Ньясаленда, обеих Родезий, Кении, Уганды, Экваториальной Африки и других стран. Правящие круги Японии дали визы только тем, кто с их точки зрения «благонадежен», но лишили возможности выехать в Каир делегатов прогрессивных молодежных организаций, представляющих интересы миллионов молодых японцев.

Для конференции был предоставлен район Гизы, один из самых красивых в Каире, где находится университет. Делегаты разместились в студенческих общежитиях, комиссии конференции работали в главном корпусе университета, пленарные заседания проходили в здании бывшего королевского сената, в самом центре города.

Уже в день открытия конференции ярко определилась та атмосфера, которая царила на ней до конца ее работ,— единодушное стремление делегатов способствовать

Общий вид пленарного заседания конференции.

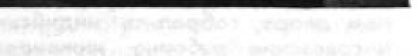
Делегаты Ганы в зале заседаний.

дальнейшему укреплению солидарности стран Азии и Африки в их великой битве за светлое будущее, за свободу, за жизнь.

В 10 часов утра 2 февраля в зале Каирского университета на трибуну поднимается глава Постоянного секретариата Совета солидарности стран Азии и Африки, известный египетский писатель Юсеф эс-Сибаи. Он сообщает делегатам и гостям о том, что в адрес конференции поступили многочисленные приветствия. Под бурные аплодисменты присутствующих зачитывается телеграмма Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева. Затем оглашаются приветственные послания от президента ОАР Гамаль Абдель Насера и главы правительства народного Вьетнама. Юсеф эс-Сибаи приглашает глав делегаций в почетный президиум конференции. Встреченный бурными аплодисментами, место в президиуме занимает руководитель делегации Советского Союза секретарь ЦК ВЛКСМ К. Муртазаев. По залу прокатываются овации, когда вслед за ним на сцену поднялся посланец героического Алжира. Тепло, сердечно были встречены главы делегаций стран Азии и Африки, народы которых борются за свободу и независимость.

3 февраля начались выступления глав делегаций. Юноша Абдель Мухсен Абу Мизар, представлявший делегацию Иордании, решительно заявил, что нынешнее иорданское правительство не представляет волю народа, а навязано ему американскими и английскими колонизаторами. Убийства, произвол, физические истязания — основные средства, с помощью которых управляет Иорданией король-предатель Хусейн, заявил оратор. Но иорданский народ не сдается, он борется против империализма, в его первых рядах стоит молодежь.

Бурными аплодисментами встретили делегаты и гости руководителя делегации Советского Союза К. Муртазаева.

— Самый факт присутствия в этом зале посланцев молодежи двух великих континентов,— говорит оратор,— свидетельствует о том, что они стали большой силой в общей борьбе народов за мир, против колониализма, за национальную независимость и прогресс. Наша конференция является продолжением славных традиций конференций Бандунга, Каира, Ташкента, Аккры. Мы рады приветствовать здесь представителей двух новых государств, родившихся после Каирской конференции,— республики Ирака и республики Гвинеи.

Закария Нимр, глава делегации Экваториальной Африки, рассказал о чудовищном произволе, чинимом французскими колонизаторами в этой стране. От имени молодежи арабского княжества Бахрейн Хусейн Касем резко осудил превращение Ирана в ракетную базу американских империалистов.

На спортивном фестивале в честь конференции молодежи.

Горячим желанием укрепить искренние дружеские связи иракской молодежи с молодежью других стран Азии и Африки была пронизана речь главы делегации молодежи Иракской республики. О героической борьбе своего народа рассказал делегат Кипра.

Один за другим на трибуну поднимались представители молодежи стран Азии и Африки. В их речах звучала непоколебимая решимость сделать все для того, чтобы их страны были свободны и независимы, чтобы связь и солидарность молодого поколения в этих странах стала могучей силой в борьбе против колониализма.

Среди делегатов конференции один обращал на себя особое внимание. С его лица не сходила застывшая гримаса, весьма отдаленно напоминавшая подобие улыбки. Еще накануне открытия конференции он шнырял среди делегатов, пытаясь выяснить позицию своих собеседников. Это был господин Сан — глава делегации Южного Вьетнама. У него было специальное задание: сбить с толку участников конференции, расколоть их единство и, если удастся, взорвать солидарность молодежи Азии и Африки. В самом начале конференции этот субъект провокационно предложил «разобраться» в самом «понятии солидарности народов Азии и Африки в борьбе против империализма». На заседании политического комитета он подверг сомнению законность участия в конференции делегации Советского Союза и тут же потребовал приглашения на конференцию... представителей Тайваня и Южной Кореи. Глава делегации Кении и представители других стран дали господину Сану должный отпор. Увидев, что его вылазка потерпела полный провал, он торжественно «покинул конференцию». В этой провокации представителя клики Нго Динь Дьема, как в зеркале, отразилась грубая, наглая тактика раскола народов Азии и Африки, к которой прибегают империалисты.

Стоит упомянуть еще об одной наглой вылазке. Я имею в виду поведение Накао и его друзей, представлявших на конференции реакционную японскую молодежную организацию. Они действовали тоньше, чем господин Сан. Высказываясь на словах за солидарность азиатской и африканской молодежи, на деле они выступили как пособники империализма. Например, на заседании политического комитета Накао предложил включить в проект резолюции слова о необходимости вести борьбу против империализма и... коммунизма. Естественно, что подобное «предложение» не могло встретить сочувствия среди членов комитета. Против него решительно выступили другие японские делегаты.

Накао и его друзья попытались повторить свою вылазку на пленарном заседании. Они шантажировали участников конференции «угрозой» покинуть ее, прибегли к фальсифицированному переводу слов главы японской делегации. Вставший со своего места делегат КНДР тут же уличил их во лжи. Накао и его друзьям ничего не оставалось, как покинуть зал заседаний. Так потерпела бесславное поражение вторая попытка пособников колониализма помешать успеху работы конференции.

8 февраля в большом зале Каирского университета состоялось торжественное закрытие конференции молодежи стран Азии и Африки. Под бурные аплодисменты всего зала председатель конференции Камаль эд-Дин Хусейн зачитывает декларацию конференции. Декларация звучит как торжественная клятва миллионов юношей и девушек двух великих континентов беспощадно бороться против колониализма, за свободу, мир, счастье.

— Мы хотим свободы и независимости. Мы хотим мира и безопасности. Мы хотим любви и дружбы. Мы хотим совместно работать, чтобы сделать наши народы и человечество счастливыми, и мы добьемся осуществления наших стремлений...

Горячие, долго не смолкающие аплодисменты покрывают последние слова декларации. Делегаты и гости встают со своих мест, вверх поднимается лес тесно сплетенных между собой рук — символ могущественной и нерушимой солидарности азиатских и африканских народов в борьбе против империализма, за свободу, мир и братство всех людей на земле.

Каир. 9 февраля

СТРАНА ГОТОВИТСЯ К ВЫБОРАМ

В новом округе

А. П. Колошин (справа) и прораб И. А. Пьянков на строительной площадке жилых домов для рабочих и служащих МЗАЛа.

Фото автора.

— Есть ли в Минске новые избирательные округа по выборам в местные Советы? — спросили мы председателя горсовета В. И. Шарапова.

— Не только в местные... Наша столица растет так быстро, что в ней появилось **пять новых округов по выборам в Верховный Совет БССР.**

Один из пяти — Кировский № 11.

Он расположен по обеим сторонам Долгобродской улицы, главной индустриальной магистрали Минска. За три **с половиной года выросли светлые корпуса электротехнического завода и завода запасных частей к тракторам. Возник здесь по воле XX съезда партии МЗАЛ — Минский завод автоматических линий. Это замечательное предприятие имеет, особенно в свете решений XXI съезда КПСС, большое народнохозяйственное значение.**

Автоматические линии и агрегатные станки с маркой МЗАЛа — это новейшая техника, которая освобождает человека от тяжелого физического труда, обеспечивает высокое качество продукции при огромной производительности.

И, как всегда, рядом со строгими промышленными корпусами появились школа и кинотеатр, столовая и детский сад, кварталы жилых домов.

Все здесь ново, все молодо! И куда ни глянешь — город наступает, выдвигая вперед башенные краны строек.

На площадке, где началось строительство дома для рабочих и служащих МЗАЛа, встретились мы с директором завода автоматических линий Александром Петровичем Колошиным. Это его единодушно выдвинули своим кандидатом в депутаты Верховного Совета республики избиратели нового округа. В разительных переменах этого района минчане видят большую долю инициативы, трудолюбия и хозяйской сметки Александра Петровича.

В. ПОНОМАРЕВ

ЛУЧШУЮ РАБОТНИЦУ АЛАТЫРСКОЙ ОБУВНОЙ ФАБРИКИ Веру Петровну Малышеву избиратели Алатырского округа, Чувашской АССР, выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР.

На снимке: В. П. Малышева со своей ученицей Женей Синичкиной.

Фото Ю. Ананьева.

КАНДИДАТ В ДЕПУТАТЫ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА УКРАИНЫ, потомственный горняк, бригадир проходчиков рудника имени К. Либкнехта в Криворожье Андрей Андреевич Денисенко славится образцовой организацией труда. Проходчики его бригады из месяца в месяц дают по 120—130 метров горных выработок, почти втрое перевыполняя нормы. За высокие показатели в работе А. А. Денисенко присвоено звание Героя Социалистического Труда.

На снимке: А. А. Денисенко в забое.

Фото С. Вильтмана.

ПРОДАВАТЬ ГАЗЕТЫ В ВАГОНАХ ТРАМВАЯ БЕЗ ПРОДАВЦОВ предложили работники первого депо Трамвайно-троллейбусного треста Риги. Ящик с газетами был установлен в вагоне № 221 11-го маршрута, связывающего центр города с парком культуры и отдыха. За один день было продано более 300 газет. Сейчас такие ящики установлены в 10 вагонах на 4 линиях.

Фото И. Семина.

УСПЕШНО НАЧАЛИ ГОД РЫБАКИ ТРАУЛЕРА «КАМЧАТКА». Большая заслуга в перевыполнении январского плана принадлежит Алексею Степановичу Фомину.

В Петропавловске-Камчатском мастер лова А. С. Фомин выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР.

Фото Ю. Муравина (ТАСС).

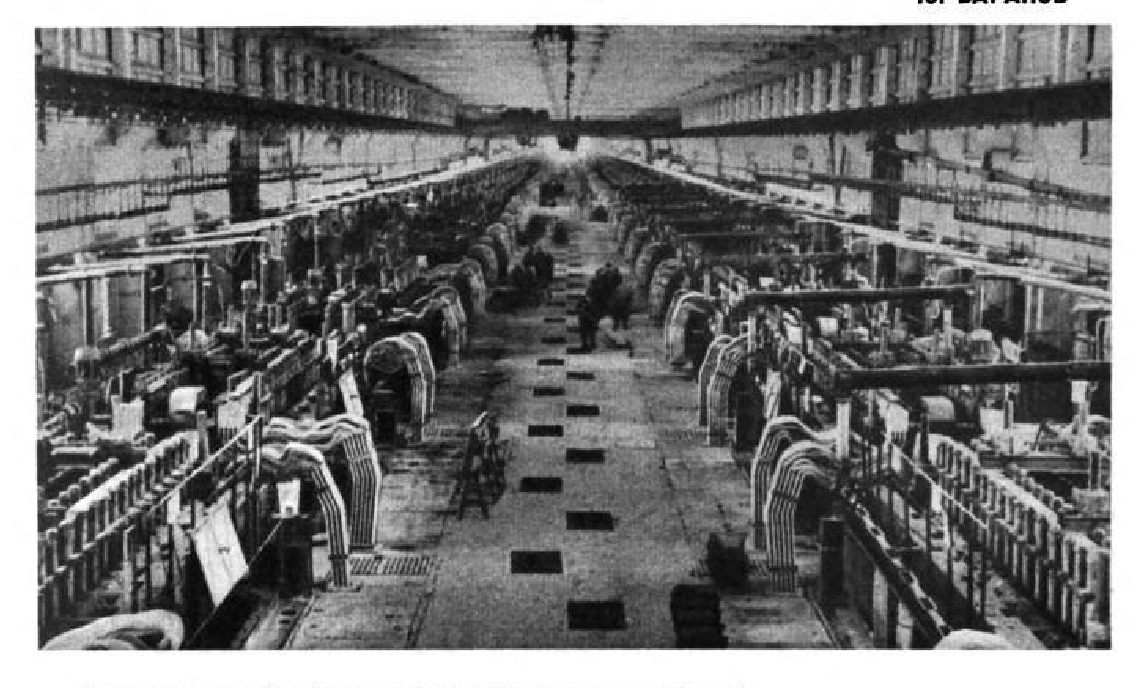
В СТАЛИНГРАДЕ, НА ВЫСОКОМ БЕРЕГУ МЕЧЕТКИ, поднялись огромные корпуса нового, самого мощного в стране алюминиевого завода. Соревнуясь в честь XXI съезда партии, коллектив строителей добился выдающихся успехов: к съезду выдан первый металл.

Технологический процесс здесь организован так, что на выплавку одной тонны алюминия будет тратиться значительно меньше электроэнергии, чем на других заводах.

Все это позволит значительно снизить себестоимость алюминия, увеличить выработку на одного рабочего.

На снимке: корпус № 2 электролизного цеха Сталинградского алюминиевого завода.

В. СМЕТАННИКОВ, Ю. БАРАНОВ

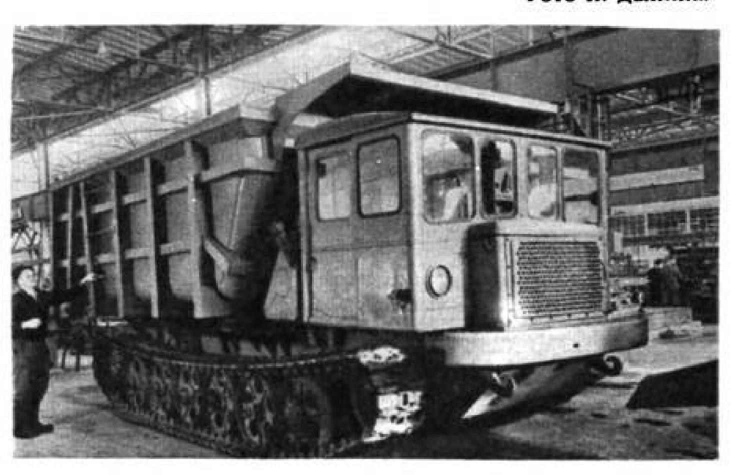

В ЯРОСЛАВЛЕ ВСТУПИЛА В СТРОЙ ВТОРАЯ ОЧЕРЕДЬ ПОЛИГРАФИЧЕСКОГО КОМБИНАТА. Предприятие выпускает до 30 тысяч книг в сутки. Полиграфический комбинат обслуживает издательства «Советская Россия», «Физкультура и спорт», «Знание» и многие редакции.

На снимке: швейный участок переплетного цеха.

Фото И. Дынина.

НОВЫЙ ГУСЕНИЧНЫЙ ТРАНСПОРТНЫЙ САМОСВАЛЬНЫЙ ТРАКТОР «ТСТ-130» создал коллектив конструкторов Алтайского тракторного завода имени М. И. Калинина. Машина предназначена для перевозки сыпучих грузов в условиях бездорожья. На тракторе установлен двигатель мощностью 130 лошадиных сил. Грузоподъемность трактора — 15 тонн.

Завод приступает к выпуску головной партии 10 самосвальных тракторов.

Фото В. Николаева.

МУЗЕЙ ВЬЕТНАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ открылся в Ханое. В 30 залах музея собраны документы о национально-освободительном движении в Индокитае.

На снимке: премьер-министр ДРВ Фам Ван Донг осматривает экспозицию музея.

Фото Вьетнамского информационного агентства.

ТЕЛЕВИЗОР НА ШАХТЕ «ЦЕНТРАЛЬНАЯ» в Кривом Роге служит для контроля за выгрузкой руды.

На снимке: машинист подъемника шахты И. Ф. Касай у пульта управления, оснащенного телевизионной установкой.

Фото Н. Наумова и Ю. Трушина.

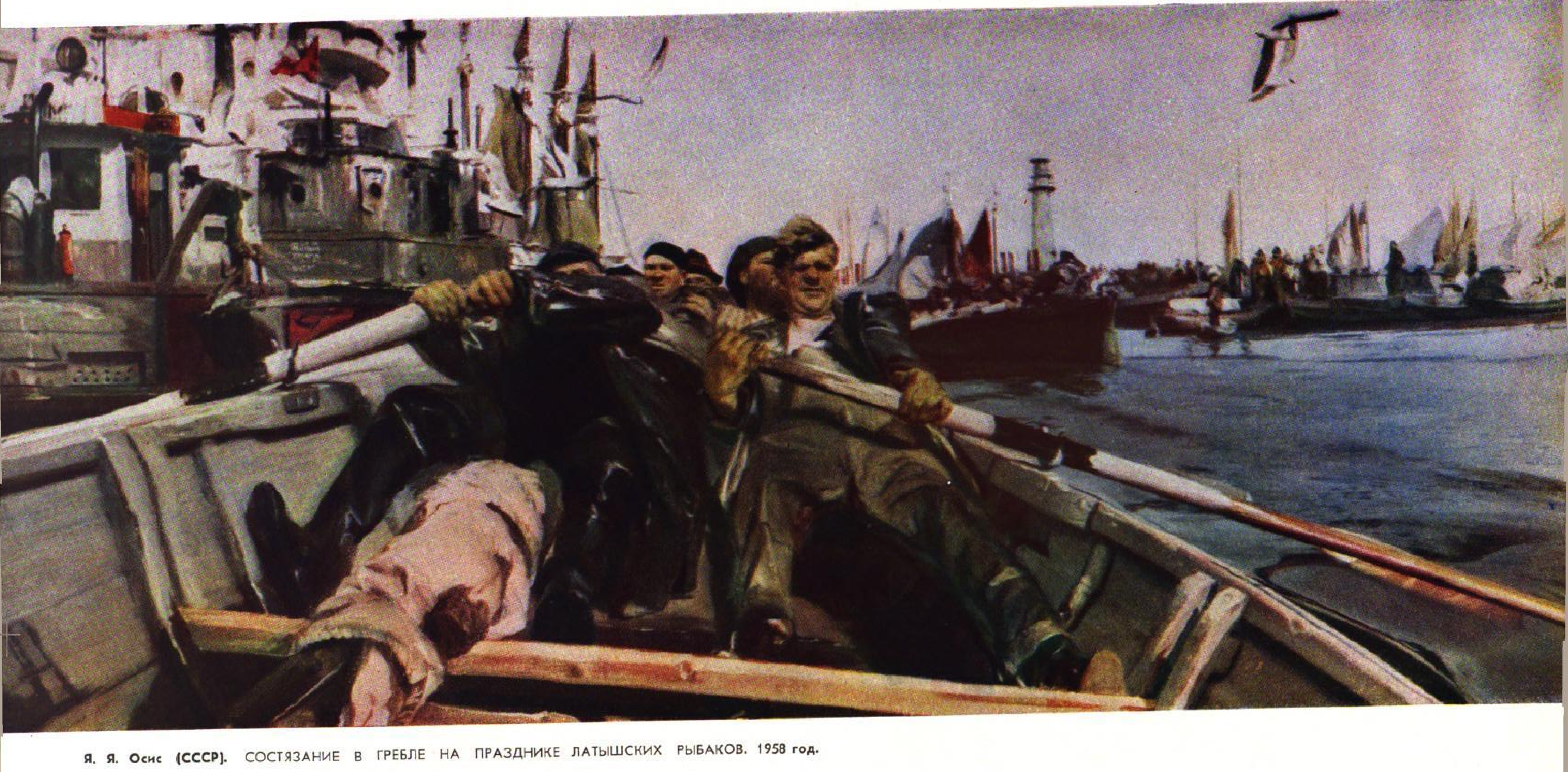
ПЕРВЫЙ В ЭСТОНИИ ЖЕНСКИЙ ЭСТРАДНЫЙ ОРКЕСТР с успехом выступает в Таллине. В оркестре играют курсанты республиканской школы культурно-просветительных работников.

Руководит оркестром преподаватель школы Эйк Тойви.

Фото С. Розенфельда.

Т. Т. Салахов (СССР). НА ВАХТУ. 1957 год.

Я. Я. Осис (СССР). СОСТЯЗАНИЕ В ГРЕБЛЕ НА ПРАЗДНИКЕ ЛАТЫШСКИХ РЫБАКОВ. 1958 год.

ДЛЯ ВАС, ЖИТЕЛИ СЕЛА!

Как быстро и дешево построить удобный, вместительный дом на селе?

Сегодня мы рассказываем о двух образцах.

Первый — проект инженеров С. Е. и Н. Е. Леонтьевых. Он уже осуществлен в Подмосковье, а после декабрьского Пленума ЦК КПСС, на котором выступал инженер С. Е. Леонтьев, этим проектом заинтересовались в колхозах и совхозах многих областей страны.

Второй образец — опыт братской Болгарии, который уже применяется на юге.

Рассказывая сегодня об этих образцах, «Огонек» начинает разговор о сельском жилищном строительстве.

Это важнейший вопрос.

В наступившем семилетии — так решил XXI съезд партии — силами колхозников и сельской интеллигенции будет построено около семи миллионов жилых домов. Большое жилищное строительство развернут на свои средства колхозы, совхозы и РТС. Какими будут эти дома? Будут ли они удобны, вместительны, дешевы — вот о чем надо задуматься, вступая в семилетку.

Каждый колхозник, рабочий совхоза, сельский интеллигент хочет жить в хорошем доме. Но для этого мало одного желания. Надо иметь подходящие строительные материалы, и надо уметь строить. К сожалению, этим умением обладают далеко не все сельские застройщики. Как часто на деревенских улицах вырастают новые дома, возведенные по старинке,— неудобные, тесные и дорогие. В селах под Новгородом можно увидеть избы — огромные, толстостенные, но... из одной комнаты: в 1958 году люди строились так, как это делали их предки в шестнадцатом веке... В безлесных районах юга можно порой встретить деревянные дома — люди строили их из дорогого привозного леса, хотя рядом лежала глина...

А планировка сел! Как много еще проигрывает деревня оттого, что в планировке не участвуют архитекторы!

Мы рассказываем сегодня об отличном проекте С. Е. и Н. Е. Леонтьевых, но и он не может быть стандартом для всех. Велика страна! То, что подходит для безлесного юга, не годится для таежных районов. В одном месте удобно строить дома из самана, в другом — из камышита... Вот почему так полезен, так необходим сейчас широчайший обмен строительным опытом.

Быстро, удобно, дешево

В. ПОЛЫНИН

Фото И. Тункеля.

Даже диссертация написана в защиту древнего обычая строить русские деревенские избы в три выходящих на улицу окна, с горницей и светелкой, с необъятной печью, на которой можно спать и в которой можно, застелив предварительно соломой под, париться, с крыльцом сбоку, хлевом впритык и символом малоземелья — худосочным палисадником.

У автора диссертации, спору нет, был богатый материал для того, чтобы обосновать целесообразность испытанной временем планировки крестьянского жилья: ведь не случайно и в новой, зажиточной деревне порой строятся все те же, пусть каменные и добротные, но по-старинному полутемные избы. Но уже пришло время по-новому строить дома для сельских жителей.

На декабрьском Пленуме ЦК КПСС этой теме посвятил свое выступление Сергей Евтихиевич Леонтьев, начальник управления местной промышленности Мособлисполкома. Он рассказал о сборных домах, которые строятся для новой деревни на заводах местной промышленности Подмосковья.

После выступления С. Е. Леонтьева к нему подходили участники пленума с просьбой дать им чертежи нового дома. Оказалось, что именно о таком сборном доме мечтают не только на целинных землях Казахстана, но и в промышленных районах Урала.

Войдем в один из таких домов, в котором живет бригадир комплексной бригады колхоза «Путь новой жизни», Кунцевского района, Московской области, Алексей Арифулин.

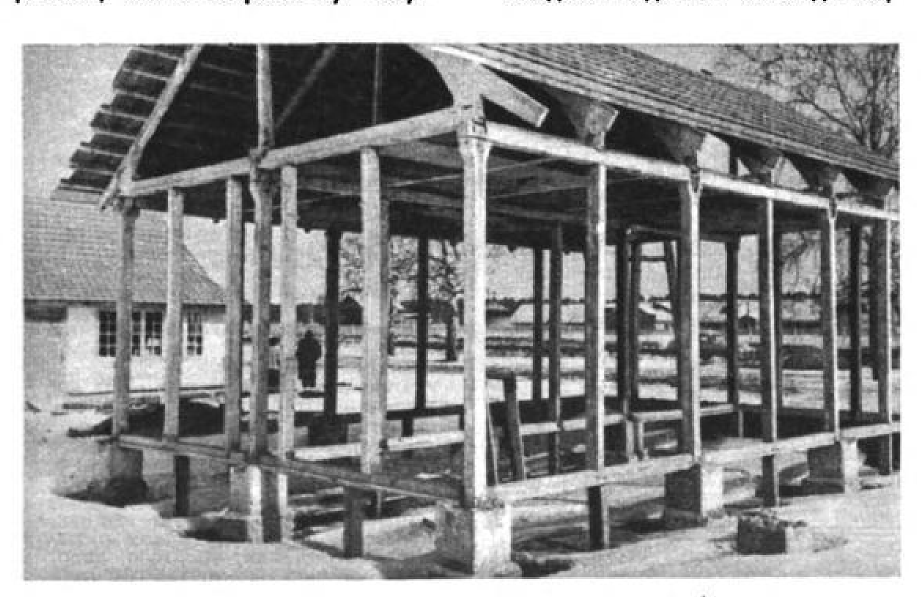
Издали дом не похож на избу. Он оштукатурен и покрашен в желтый, нарядный цвет. На главную улицу смотрят два широких окна. Слева терраса. Крыша яркокрасная, черепичная.

— Нам возражали противники черепицы,— рассказывает автор проекта Сергей Евтихиевич Леонтьев.— Черепица хотя вечный, но дорогой материал, и под нее надо ставить более прочные стропила. Но черепица делается из глины, а глина есть всюду.

Входим в дом. Из сеней ведут двери на террасу, в кладовку и в комнаты. Во всех трех комнатах, хотя на улице тридцатиградусный мороз, тепло. Так же тепло в кухне, душевой, прихожей, уборной.

— Секрет в центральном отоплении,— поясняют авторы.— Одной печью столько комнат не обогреешь. Несколько печей ставить невыгодно. И мы поставили вот эту маленькую железную печурку на кухне. На ней готовится еда, ее теплом одновременно обогревается весь дом, хотя емкость труб и радиаторов центрального отопления всего десять ведер.

Теплая вода центрального отопления используется также для душа. Печку можно топить углем, дровами, торфяным и угольным брикетом — чем угодно. Расход

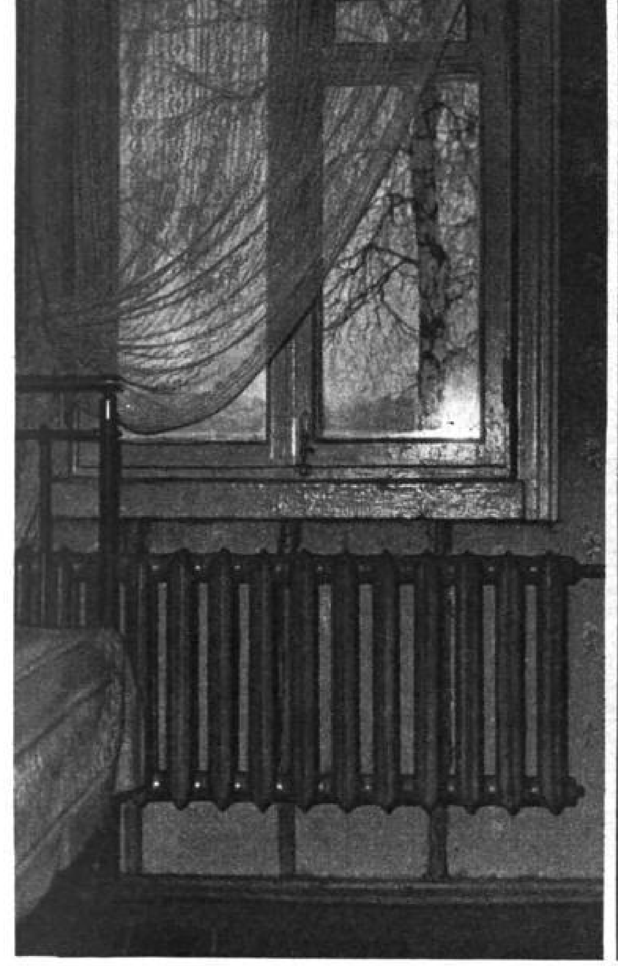

Сначала собирается железобетонный каркас.

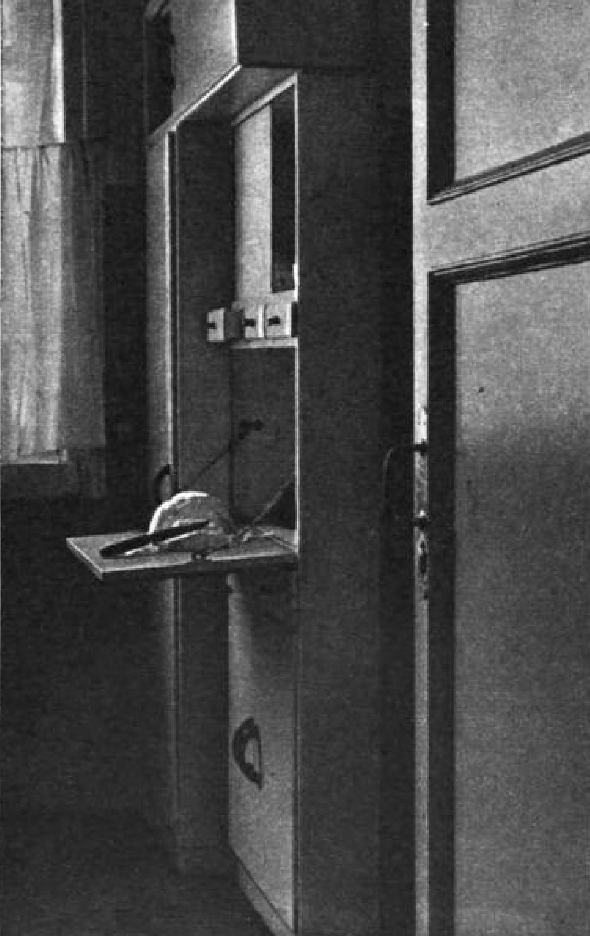

Затем он обкладывается утеплителем, например камышитом.

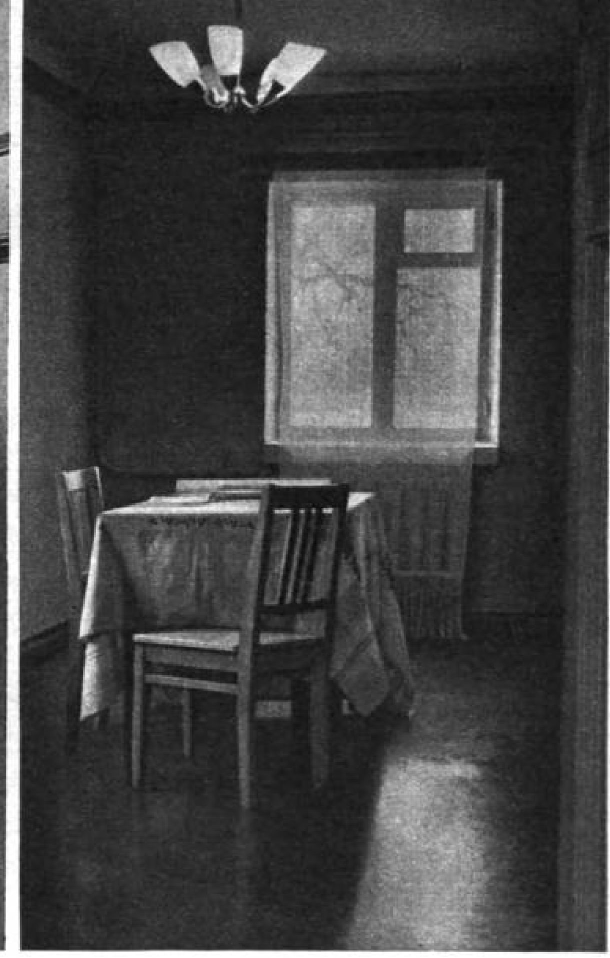
Фото С. Леонтьева.

Радиатор отопления.

Шкаф входит в комплект деталей сборного дома.

Столовая.

топлива — ведро угля на сутки в сильный мороз.

В кухне — встроенный в стену шкаф для посуды и продуктов. Все пять окон дома хотя и не очень большие, но светлые благодаря особой конструкции оконных рам. Кстати, на рамы идет мало дерева.

Малый расход дерева — главная особенность сборного дома. Основанием его является железобетонный каркас, который гарантирует долговечность. Из трех с половиной кубометров железобетона изготовляются все балки, стойки, стропила. Стены можно ставить из различных утеплителей: из камышита, как это сделано в доме Арифулина, из соломита, фибролита или любого местного материала, облицовывая их штукатуркой изнутри и снаружи. Их можно класть в четверть кирпича, можно делать с внутренней засыпкой шлаком. Даже пол в одном из домов сделан не деревянный, а земляной, утрамбованный, покрытый слоем шлака и цементной стяжкой, а сверху — линолеумом. Угадать, что пол земляной, невозможно: в доме тепло. А дерево идет только на оконные рамы, двери, обрешетку под черепицу и кухонный шкаф.

Отсутствие канализационной системы труб ничуть не сказывается на санитарном состоянии дома. Хотя санитарный узел и расположен в здании, а не во дворе, но особая конструкция и применение вместо воды небольшого количества торфа обеспечивают гигиеничность.

Нет нужды подробно описывать теплый, светлый, добротный, комфортабельный, нарядный и вместе с тем дешевый и долговечный дом, в котором мы побывали. Общее впечатление таково, что вы посетили не сельский дом, а просторную, уютную городскую квартиру.

Дом, спроектированный, по существу, любителями-энтузиастами, какими являются инженеры братья Сергей Евтихиевич и Николай Евтихиевич Леонтьевы, уже построен. Больше того, заводы Подмосковья уже начали изготовление деталей подобных домов. Практически приступили к внедрению леонтьевского проекта в жизнь и строители Казахстана.

Популярность проекта Леонтьевых понятна: их дом отвечает трем главным требованиям: первое — он строится из местных материалов; второе — в нем предусмотрены максимальные удобства; третье, и главное,— он сравнительно дешев.

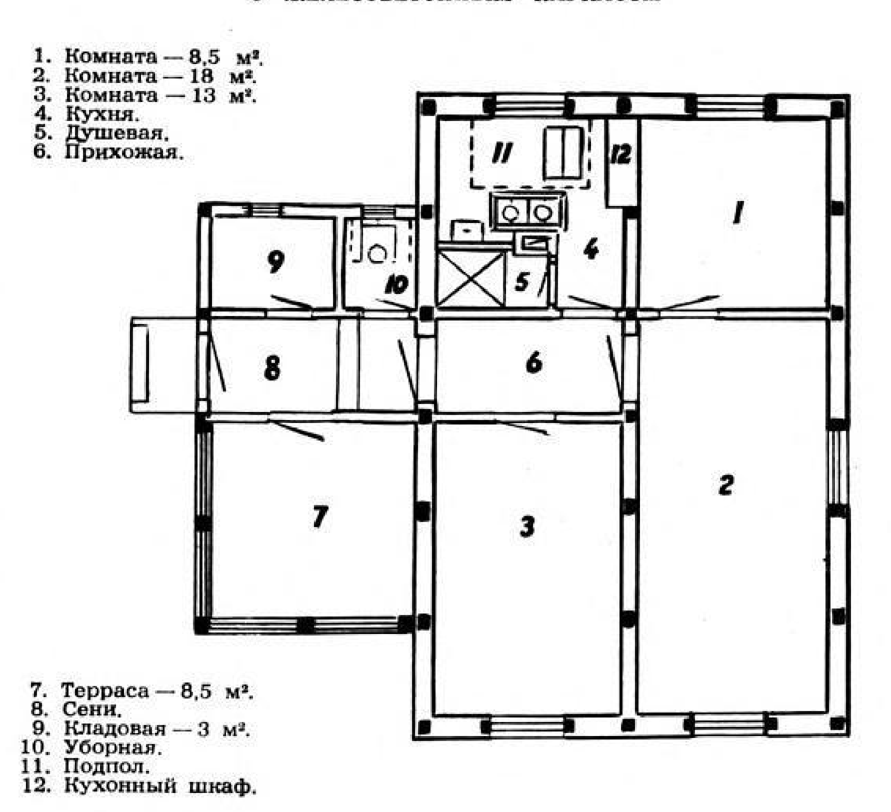
Когда мы покинули гостеприимного бригадира Арифулина, то увидели, что рядом с его домом строится другой. Одна из мощных строительных организаций возводила жилой дом колхозника из огромных железобетонных плит. Оригинальная конструкция: каждая плита — готовая стена! Красиво!

— А нас такой вариант не устраивал,— сказали строители арифулинского дома.— Во-первых, железобетона требуется в десять раз больше. Во-вторых, чтобы такую плиту поднять, нужен мощный кран, а много ли их в наших деревнях? Потому самая тяжелая деталь нашего сборного дома весит всего девяносто килограммов. Наш дом могут собрать четверо малоквалифицированных рабочих. Нас ругали, что мы ретрограды и выступаем против индустриализации сельского строительства. Но мы хотим, чтобы будущий хозяин нашего дома смог купить все необходимые детали на заводе, привезти их в свою деревню на нескольких автомобилях и с помощью двух — трех друзей, пользуясь подробным описанием и руководством, своими руками собрать весь дом и даже закончить его отделку.

По нашему мнению, механизировать строительство сельских домов надо на заводе, изготовляющем готовые детали, а не на строительной площадке в селе, где из-за малого фронта работ эти механизмы будут неизбежно простаивать. Конечно, было бы лучше и в конечном счете дешевле, если бы всю строительную работу осуществляла мощная организация. Но таких пока на селе нет. Взгляните, какие мы возвели хорошие коровники, птичьи дворы, силосные башни, а избы до сих пор строятся по старинке, материалы расходуются неумело и расточительно.

Сейчас авторы проекта осуществляют свои новые замыслы. Надо еще больше удешевить стоимость дома, наладить производство встроенной в стены мебели для новых домов. Авторам проекта не удалось придумать для своего детища оригинального, броского имени. Чтобы их проект не затерялся среди многих сотен других, ему присвоили название «ЖБКЛ-5»: железобетонный, каркасный, легкий, вариант пятый.

ПЛАН ТРЕХКОМНАТНОГО ЖИЛОГО ДОМА С ЖЕЛЕЗОБЕТОННЫМ КАРКАСОМ

1. Комната — 8,5 м².
2. Комната — 18 м².
3. Комната — 13 м².
4. Кухня.
5. Душевая.
6. Прихожая.
7. Терраса — 8,5 м².
8. Сени.
9. Кладовая — 3 м².
10. Уборная.
11. Подпол.
12. Кухонный шкаф.

РАСХОД ОСНОВНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ТРЕХКОМНАТНОГО СБОРНОГО ДОМА «ЖБКЛ-5» С ЖИЛОЙ ПЛОЩАДЬЮ В 38 КВАДРАТНЫХ МЕТРОВ

Железобетон — 3,5 кубического метра.
Пиломатериалы — 6 кубических метров.
Кирпич — 800 штук.
Утеплитель (из камыша, или соломы, или стружки, или шлака) — 25 кубических метров.
Черепица—90 квадратных метров.
Штукатурка (сухая или мокрая) — 200 квадратных метров.
Стоимость комплекта деталей, включая железобетонный каркас, утеплитель, черепицу, плиту и радиаторы отопления, уборную, дверные и оконные блоки,— 15 430 рублей.

ЛЮБОВЬ И ДОМ

В. ИВАНОВ,

начальник Главного управления по строительству в колхозах Министерства сельского хозяйства РСФСР

На декабрьском Пленуме Центрального Комитета КПСС товарищ Н. С. Хрущев отметил целесообразность использования опыта наших болгарских друзей в сельском строительстве.

В. Д. Иванов, начальник Главного управления по строительству в колхозах Министерства сельского хозяйства РСФСР, в беседе с нашим корреспондентом рассказал о болгарском опыте и о том, как уже в настоящее время многие наши колхозные строители успешно его применяют.

Новый дом Ивана Минева, члена трудового кооперативного земледельческого хозяйства села Видбол.

— Кирпичик, который вы видите на этом письменном столе, привезен из Народной Республики Болгарии,— сказал В. Д. Иванов.— Он изготовлен в селе Алфатор, Силистринской околии, Русенского округа.

Марка «85»! Для людей знающих это говорит о многом и прежде всего о крепости. Кирпич сделан не на заводе, а руками крестьян, но он может быть смело применен и при сооружении многоэтажных городских зданий. Взглянув на него сейчас, хочется немного отвлечься от темы нашей беседы и поговорить о поэзии и о любви. При чем тут поэзия и любовь? А вот послушайте...

В числе других работников сельского хозяйства довелось и мне побывать в Народной Республике Болгарии. Повсюду в селах мы встречали красивые кирпичные дома, ничем не отличающиеся от городских. В каждом доме три — четыре комнаты, не считая кухни, кладовой и других хозяйственных помещений, расположенных в цокольном этаже. Полезной площади в новом доме — от шестидесяти до восьмидесяти пяти квадратных метров.

Сколько кирпича требуется, чтоб воздвигнуть такой дом, мы, строители, довольно быстро подсчитали, а вот где берут его крестьяне,—на этот вопрос ответить было трудно. Ни в пути, ни на остановках кирпичные заводы не попадались. «Значит, из города привозят?» «Нет»,— ответили нам. Но откуда тогда эти здания? Не сами же они поднимаются из земли! «Вы почти угадали,— весело ответил нам первый секретарь Русенского окружкома Коммунистической партии Болгарии Пенчо Кубадински,— именно из земли! С глины все и начинается... У нас в Болгарии, когда парень делает девушке предложение, говорят: «Скоро глину будут вместе жечь». И это надо понимать буквально. Прежде чем обвенчаться, молодые изготовят своими руками столько кирпича, сколько понадобится на строительство дома. Затем с помощью родни, друзей, членов правления трудового кооперативного земледельческого хозяйства молодые строят дом. На высоком шесте подвешивается ценный подарок. Шест должен быть немного выше будущей крыши. Подарок предназначен тому, кто больше всех потрудился на стройке, и он его получит, когда на крышу будет положена последняя красная черепица. И тогда наступает самое торжественное: молодые в своем новом доме справляют свадьбу».

Теперь-то, думаю, вы согласитесь, что этот кирпичик имеет прямое отношение к любви. Но я не поэт, вернемся к теме нашей беседы. Прежде чем продолжить, замечу, что наши председатели колхозов, узнав об этом благородном обычае, тут же пообещали, вернувшись из Болгарии, внедрить его среди молодежи своих сел. Стали припоминать, сколько за осень справлено свадеб в русских деревнях и сколько, следовательно, можно будет изготовить кирпича... А планы у всех обширнейшие! Достаточно напомнить, что в предстоящем семилетии предполагается силами колхозников и сельской интеллигенции построить на селе около семи миллионов жилых домов! Забегая вперед, добавлю, что член нашей делегации Виктор Федорович Соханев, председатель колхоза имени XX съезда КПСС, Азовского района, Ростовской области, недавно сообщил мне, что полмиллиона штук кирпича по болгарскому способу они у себя в артели уже изготовили. Председатель Борковского сельсовета, Шацкого района, Рязанской области, М. И. Щербаков настолько увлекся новым делом, что, приехав из Болгарии, сам возглавил в колхозе «Новый быт» бригаду, отыскал пригодную глину, подготовил нужный инструмент и в первые же два месяца дал сто тысяч штук кирпича.

Все это очень отрадно. Думаю, наши болгарские друзья тоже будут довольны, узнав, как горячо подхватывают советские люди их опыт; безусловно, обрадуется и Пенчо Кубадински. Несколько раз повторял он мне, что страсть к стройке надо прививать с малых лет. Пенчо принимал участие в строительстве молодого болгарского города Димитровграда. Одно время стройка испытывала недостаток в кирпиче, и тогда Кубадински нашел выход: послал коротенькие письма землякам и попросил приехать на стройку. Долго ждать не пришлось. Приехали шестьсот человек со своим инструментом, за сезон они изготовили... двадцать пять миллионов штук кирпича!

Так вот, дорогой товарищ Кубадински, у нас в Ростовской области отдел народного образования вместе с управлением по строительству обучил в колхозах сто двадцать учащихся старших классов формовке и обжигу. Вся продукция — два с половиной миллиона штук кирпича — пошла на ремонт школ и строительство учебных мастерских. Не сомневаюсь, что эти школьники, как только подрастут, первыми позаимствуют обычай ваших молодых людей и свои свадьбы справят в домах, сложенных из кирпича собственного обжига.

В чем главное преимущество болгарского способа строительства на селе?

Совсем недавно один председатель колхоза, показывая мне новые колхозные постройки, сказал: «Об одном прошу вас: не спрашивайте, где мы доставали черепицу и кирпич». В поездах все еще встречаются ходоки; они едут с одного края советской земли в другой, чтоб раздобыть лес для колхоза. Я уже не говорю о том, что и районные и областные организации завалены многочисленными заявками на материалы. Так вот, болгарские крестьяне не пишут заявок, не посылают ходоков. Все необходимое для строительства делают у себя дома.

Внимательно присматриваясь к сельским стройкам в Болгарии, мы заметили, что кирпич часто обжигают там же, где будет воздвигнут новый дом. Удобно, подумали мы, но не вносит ли это хаоса в планировку села? Нет, не вносит! Строительство на селе ведется с той же строгостью, что и в столице. Каждое село имеет генеральный план, и отклоняться от него никому не дано. Разрешение на строительство дает техническая служба районного народного совета, и только после оформления протокола застройщику отводится участок. Мало того, крестьяне знают своих архитекторов, инженеров. Эти люди проектируют их села, улицы, дома. Не раз приходилось слышать, как крестьяне в шутку называют село по фамилии архитектора — Кожухаровкой, выражая этим свои симпатии архитектору Федору Кожухарову; Михайловкой — по фамилии архитектора Никола Михайлова. Это мы видели в районе Родопских гор.

Усадьбу — от пяти до десяти сотых гектара — болгары используют под цветники, небольшие сады, а остальная земля, предназначенная для личного пользования, находится в общем полевом массиве кооператива. Плотность застройки позволяет уменьшать затраты на прокладку водопровода, электрификацию, облегчает устройство дорог, создает компактность и своеобразный уют на улицах.

Товарищ Н. С. Хрущев советует при использовании болгарского опыта в сельском строительстве учитывать наши особенности, дающие колхозам возможность широко применить механизацию. Что для этого делается?

Во-первых, мы стали смелее думать о замене леса огнестойкими материалами, и прежде всего сборным железобетоном. В колхозах Московской, Пензенской, Ленинградской, Саратовской, Белгородской, Ростовской, Липецкой областей это уже учли. Там идет сборка первых сельских сооружений из железобетона, приготовленного руками колхозников в простейших полевых условиях. А в Саратовской области железобетонные детали монтируют стогометателями. На уборке эти машины используются один — два месяца, а остальное время простаивают. Строители нашли им хорошее применение.

У всех горячее желание воздвигнуть как можно больше красивых и добротных домов на селе. А их предстоит построить в селах РСФСР только в нынешнем году более полумиллиона.

Рассказ об одном

Евгений РУДНЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

В это утро, на зорьке, легкий туман стоял недвижимо в безветрии над рекой. И так же недвижимы были свесившие над водой свои длинные, как космы волос, ветви горбатые ивы, похожие на задремавших стоя старух.

Какая-то неприметная глазу живность егозила у кромки берега, пуская пузырики; квакнула, прочищая горло, в тине у камышей лягушка; плеснула, резвясь, на самой середке реки большая рыбина.

За тем крутым берегом, заросшим высоченными соснами вперемежку с березами, всходило солнце. Выше, над пеленой тумана, все розовело и розовело; подул настоянный на свеженакошенной траве вей-ветерок, и вот туман, как дымок от костра, стало разносить в стороны, и тут открылась взгляду река во всей своей ненаглядной красе, и далеко на излучине объявился белым пятнышком крохотный, как игрушка детская, пароход.

Старый рыбак, сняв кепку, вытер рукавом с лысины пот, оглядел внука и, весь сияя, сказал:

— Благодать-то какая, Петяй! Век бы тут и сидеть, лучше не надо. Вот он где, истинный мир душе!..

Был он кряжист и не узок в плечах, этот в былое время известный на всю округу кузнец, но время содрало с темени волосы, побелило бороду, смоляную когда-то, притушило блеск глаз, отняло силу. Только и осталось, что сидеть-посиживать с удочкой на бережку.

Чуть-чуть развиднело, когда вышли по рыбацкому милому делу из дому, что остался верстах в трех отсюда, дед с внуком, прихватив с собой нужную снасть, еды кой-какой да самосаду в кисете. Хотя и рвал по утрам стариковскую грудь лютый кашель, а как обойдешься без утешительной самокрутки, когда, бывает, во время лова не клюет, да и все!..

Мать Петяя, укладывая еду в походную сумку, наказывала: «Вы, папаня, поглядистее с Петькой-то, ни на шаг не отпускайте от себя огольца!..» А в глазах ее было столько нежности, столько любви, что не больно и верилось, что это она вчера утром поясом с пряжкой, оставшимся от покойного мужа, отхлестала за что-то Петяя...

А солнце уже подымалось над высокими соснами, над полями, над речкой. Чайки, пронзительно крича, носились над ее гладью, охотясь за рыбой. Левее места рыбалки, в полуверсте, была переправа; кто-то невидимый за береговыми ивами зычно кричал:

— Эй, паро-ом!.. Паром, черт, дава-а-ай!..

Зов этот разносился далеко окрест и, наверное, распугивал рыбу: случается, и от этого не клюет. А в общем, было бы и грешно уж очень-то обижаться: добыча, поплескивающая в ведре, состояла из девяти окуньков, двух плотвичек и толстого линя, который, стоя поперек ведра, невозмутимо пошевеливал плавниками, будто с ним ничего вовсе и не приключилось.

Изредка, отрываясь от поплавков, старик оглядывал берег, находил внука невдалеке и успокаивался, по уши занятый любимым делом. Внуку же были чужды эти, пока ему малопонятные радости: ну, крючок, ну, удочка, ну, попалась какая-нибудь рыбка,— мать тайком от деда рыбью мелочь обычно скармливала коту...

У Петяя радости были свои. Закатав, как и дед, штаны до колен, стоя в воде, он лихо бросал в реку плоские голыши, припасенные им для этого случая за пазухой и в карманах. И уж так было весело, высунув в лукавом азарте кончик языка, целиться в плавучее, ярко слепящее солнце: метко брошенный камень взметал веером воду, частицы расколотого светила расплывались в стороны, но успокаивалась вода, и — чудо! — солнце как ни в чем не бывало принималось опять за свое: дразня мальчишку, приплясывать, как и дедовы поплавки, на зыбкой волне.

Так они, старый да малый, и радовались каждый по-своему отличному летнему утру, и течь бы этому дню утешному и дальше без бед, если бы не намок, выпав из рук старого рыбака, коробок... Да, спичечный коробок, без которого не запалишь самокрутки. Тут, кстати, кончился клев: солнце в небе уже поднялось высоко, и дед, собрав свою снасть и покликав внука, направился к переправе.

Всего с неделю пошел через реку — взамен допотопного, с тросом — новый паром из двух пустотелых железных лодок-понтонов, меж которыми помещался катер-буксир. И вот уж что-то стряслось там, и мотор не работал.

В ожидании, когда починят его, кой-какой народишко накопился тут, у причала. Подкатил на трехколесной мотоколяске, покрытой пылью районных дорог, инвалид с сизым шрамом наискосок лица, с порошинками, въевшимися в подбородок и щеки... Подъехала с пустыми молочными бидонами тетка, сытая, завидного здоровья, с такими толстыми икрами, что голенища сапог ей пришлось сзади слегка подпороть ножом; лошадь, впряженная в телегу, старая, приземистая, ходившая натужно боками, была в смешной соломенной шляпе... Приплелся какой-то худой, в веснушках, не поймешь, молодой или старый, работник «районного масштаба», может, из сельпо, а может, из РТС. Прищурившись, поглядел через реку, как двое парней возятся с мотором, уселся молча на бережку, закурил дешевую папироску... Пришел, видать, турист: с рюкзаком на спине, с термосом на ремешке через плечо. Был он высок, лет пятидесяти с небольшим, но в духе времени одет по-молодежному: спортивная курточка с накладными карманами, с «молнией», узенькие, с широкими обшлагами брючки. На голове у него был синий берет с куцым хвостиком на макушке.

Поодаль, на бугре, сидела компания из трех человек: два безусых парня, оба кудрявые, оба в выгоревших солдатских гимнастерках и добротных, с кирзовыми голенищами сапогах, третий — пожилой, похожий на цыгана, в старом мешковатом городском пиджаке, в потрепанной военной фуражке. Несмотря на лето, обут он был в чесанки, обшитые кожей. Под горбатым носом у него топорщились черные усы; лиловый от бритья и в порезах подбородок был крут и казался тяжелым.

В отличие от своих товарищей, которые сидели тихо, сложив по-девичьи на коленях большие, рабочие руки, черноусый что-то жевал, сильно двигая челюстями, и сердито глядел на ту сторону, как и все, ожидая, когда же там кончат возню с мотором.

Рядом лежали поперечная и лучковая пилы, топоры в самодельных чехлах и туго набитые вещевые мешки.

Все повернули головы, когда рыбак с внуком подошли к переправе и старик, снимая кепку, сказал:

— Бывайте здоровы, товарищи мужики. Не обессудьте, за спичками я... Был у меня коробок — подмок...

Закурив, он присел около черноусого. Тот без особого интереса поглядел в ведро, где вяло плескалась рыба. Спросил грубым голосом, словно каркнул:

— Как клев?

Старик, по суеверной рыбацкой привычке преуменьшать добычу, заговорил нищенским тоном:

— Да где там клев!.. Всего и улова-то на один котелок ухи!

— Ну, коли так,— сказал черноусый,— тогда угощай табаком.

Он сделал из ладони щиток от солнца, поглядел через реку:

— Идолы, разрази их как следует быть!.. И чего у них, у чертей, там с моторкой?..

— Далеко ли собрались, граждане? — спросил старый рыбак.

Черноусый, вынув цигарку, сплюнул и — с усмешкой:

— В секрете не держим. По большим дорогам бродим. Ищем, чего не теряли. В надёже, авось, найдем!..

— В разбойничках, что ли? — засмеялся рыбак.

— Ну! Откуда они ноне, разбойники-то, когда всех купцов поизничтожили с корнем... Мы не разбойники! — И черноусый смешливо повел бровями.— Однако с топориком дружим.

— Это, стало быть, как понимать?

— А так, плотники мы. Срубы ставим и все такое подобное.

— А из какого колхозу?

— На кой он сдался? Мы народ вольный! — горделиво сказал черноусый.— Живем, как в песне поется: по морям, по волнам, нынче здесь — завтра к вам.

— Значит, вроде птиц перелетных? — спросил инвалид из коляски.— Может, как кукушки, и гнезд не вьете?

— Зачем не вьем! Всё как следует быть: и жена и робятишки у иного, даже бабка глухая на печке — поищи, так найдется. А что касаемо колхоза, так фалификация у нас не та, чтобы в нем работать. Да мы сызмальства плотники. Слыхал, как про нас говорят: если б не клин да мох, плотник бы сдох.

И тут вдруг, повернувшись в телеге всем своим сильным телом, так что забренчали, стукаясь друг о друга, пустые бидоны, в разговор вступила молочница.

— Эх вы, ходики разнесчастные! — сказала она с азартом и не очень понятной для окружающих злостью.— Я их ходиками прозываю, мужиков этих летучих, которые за долгим рублем по земле гоняются, а к колхозу, к деревне своей родимой — задом!..

Черноусый покосился на нее и беззлобно:

— Митингу быдто не объявляли, так чего же ты без сроку лезешь? Поди, молочишкомто своим приторговываешь, а туда же!

— Своим! — закричала молочница и, оглядев всех, добавила уже с гордостью: — А ты как думал? Конечно, своим! Колхозное оно, молоко-то,— значит, общее, значит, мое!

Турист достал из нагрудного кармана истертый блокнот, авторучку и что-то начал записывать. Потом, ни к кому не обращаясь в отдельности, странно сказал:

— Когда каждый, подчиняясь слепому и жадному инстинкту стяжательства, тянет лишь к себе, то на ум приходит крыловская басня о лебеде, раке и щуке. Впрочем, в басне воз так и остался на месте, да и мотивы у тех, кто хотел его сдвинуть, были иные.

Все уставились на говорящего, а черноусый, недружелюбно его оглядев, из-под бровей метнул в него подозрительный взгляд:

— В книжечку пишете, гражданин писатель? Перышко, оно, конешно, будет полегше топорика!

— Да, я пишу,— просто сказал человек в берете, открывая в улыбке две полоски неживых, синеватых зубов.— Я журналист...

Он неожиданно повернулся к молочнице:

— Спасибо вам, женщина! За то спасибо, что вы так просто и верно все поставили на свое место.

Он показал авторучкой на черноусого и с явной жалостью добавил:

— Не-е-ет, он не может сказать: «Мой сруб»,— он наемник, у него каждый раз новый хозяин, и единственное его богатство — топор, которому он поклоняется с фанатизмом истого дервиша!..

Непонятная его речь, однако, каким-то образом доходила до каждого: молочница раскраснелась от похвалы, молодые парни поглядывали то друг на друга, то на своего вожака. И тут сделал шаг вперед тот, веснушчатый и худой, не то из РТС, не то из сельпо, и все подивились, что у этого тщедушного человека оказался сочный бас.

— Они и к нам приходили, в совхоз.— Он повел плечом в сторону плотников.— Подряжались сарай новый ставить. Я там в счетоводах. Такую цену загнули — святых выноси!..

Черноусый, негодуя и мрачнея лицом,— ничего себе окончился столь весело, вроде как шутками начатый разговор! — поднялся с земли. Его загорелое, цыганское лицо выражало злость и обиду.

— Да что мы, в самделе, разбойники, что ли? Не крадем, не воруем, чай, заработанное едим... Опять же насчет цены.— Он повернулся к совхозному счетоводу: — Ежели дорого, не нанимай, поищи дешевше, мы разве неволим?.. А что касаемо колхоза, то что тут сказать: али свет клином сошелся на ём? Каждый как может: что ни колесо, то свои путя.

И может, на этом и закончился бы разговор, если б в своей коляске не заворочался инвалид. Из-за бугорчатого, как узловатая веревка, шрама, идущего от лба через бровь и нос на левую щеку, трудно было понять, улыбается инвалид или сердится, и только когда заговорил он, сипло и жарко, стало ясно: сердится.

— Конечно, в тюрьму тебя волочь пока, может, и не за что: не убил, не украл... А только я тебе, мужик, вот что скажу. Посадить бы тебя на клочок земли, да так, чтобы ни лошади — уж о тракторе нет и речи,— ни плуга, ни семян отборных, одни мозоли на руках да тупая мотыга... Вот бы я на тебя тогда посмотрел, какие бы ты на том клочке убогом фрукты-ананасы развел!..

— Не плети, таких краев ноне нету,— отозвался с усмешечкой черноусый.— Не стращай!..

— Ну, не знаю, где ты воевал со своим топоришком,— загорелся инвалид.— Только я-то обе ноги потерял аккурат за то, чтобы на клочках тех иная жизнь произрастала для человека... Так жалеть ли мне о ногах?

— Врешь, жалеешь!..— дразня, с ухмылкой сказал черноусый.— Еще как, наверное... А это, слышь-ка, не ты в электричках лазарято поешь? Дескать, сочувствуйте, братья-сестры, по мере сил-возможностей, я, небось, кровь-то за вас проливал...

Побагровев от гнева, инвалид затрясся в своей коляске, которая под ним пошла ходуном.

— А ты видал, видал меня в попрошайках?! — закричал он обидчику.— Усатов ты брехло! Седины бы своей не срамил!

Он быстро нагнулся, нашарил на дне коляски и высоко поднял туго перевязанную пачку книг; по его от волнения не очень связным словам выходило, что он не то учится сам, не то чему-то учит других.

Видя, что начавшийся спор переходит за ту черту, когда уже начинается ссора, человек в берете счел нужным вмешаться.

— Я верю,— сказал он кротко, но убежденно,— что каждому в конце своей жизни придется представить отчет: как жил, что делал?.. Добро ли сеял, как сеют в землю сортовое зерно на радость людям, или по недостатку любви к ним взрастил на своей ниве один лишь чертополох?

Черноусый сощурил глаза и будто про себя размышляя:

— По обличью вроде не поп, а слова самые что ни на есть проповедные. Опять, значит, адом и раем простой народ-то смущаете? Как, бывало, и встарь?.. Дескать, по заслугам и честь: кому райский мед в уста, а кому тычок в зубы да на адскую сковородку?.. Ошибочку дозволяете себе, гражданин писатель. В боге мы да-а-авно изверились, а ежели какие иконки терпим в углах, так это заместо паутины, пущай их висят. И эту вашу поповскую булгахтерию, стало быть, надо бросить. Там,— он показал на небо,— пусто, как в дырявом кармане. Так что и ответ нам держать вроде не перед кем — то-то счастье!..

— И все-таки вам придется держать ответ.

Непременно! Только вы меня неправильно поняли.

И человек в берете обернулся в ту сторону реки, где рыбацкий внук, не обращая внимания на скучных взрослых, швырял свои камушки в плавучее солнце.

— Вот кто его спросит у вас, этот ответ. Тот, кто придет нам на смену. И я не завидую вам!..

Почувствовав, что на него смотрят, Петяй обернулся и с детским задором всех оглядел. Голубая, чисто стиранная рубашка облегала крепенькое тело мальчонки, взращенного на свежем воздухе деревенского раздолья. От маленьких босых ног до не успевшей еще загореть круглой мордахи, на которой искрились весельем глаза, вихрастый этот парнишка казался таким же здесь близким всему и родным, как песок на дне реки, ивы на берегу, рыба, играющая безмятежно на солнце.

И тут наконец с того берега отчалил паром. Отчалил и медленно стал приближаться; было заметно, как у днищ зеленых понтонов поблескивают маленькие, похожие на рыбьи чешуйки и на свежие щепки волны. На настиле парома высилась недавно подошедшая к тому берегу грузовая машина, трехтонка. Прислонясь спиной к радиатору, подбоченясь, расставив ноги в пыльных брезентовых сапогах, стоял с папиросочкой в углу рта хозяин машины — небезызвестный регулировщикам подмосковных шоссе лихач-шофер совхоза «Красные зори» Федька Хмель, загорелый, статный, красивый, с очень счастливым лицом.

И было отчего!

...Когда под колеса машины, выехавшей час назад из города, покорно легло шоссе, Федька запел, касаясь баранки с той завидной легкостью, даже грацией, которой одаривает человека только упорный труд. У каждого в груди своя песня, даже если и голоса-то всего на грош. Один отдает ее миру в радости от долгожданного, наконец-то пришедшего счастья, другой — в беде, когда охота выплакать горе. Третий поет просто так: оттого, что молод, что стоит лето, много горячего, ласкающего тело и душу солнца, а дорога радушно разматывает перед тобой свои километры; трехтонка же до того отлажена и послушна, что хоть руки снимай с баранки: сама куда надо пойдет!.. Так неужто не только от этого всю дорогу сегодня распевал Федька Хмель?

...Три недели назад на московской окраине, у колонки, где изредка заправлял он свою машину, увидел Федор вместо знакомой пожилой и сварливой тети Натальи новенькую, с румянцем, как маков цвет, молодую красавицу. Этот румянец немножко и не шел к ее светлым, чуть в рыжину волосам, и Федька Хмель не смог удержаться от шутки:

— Правила, гражданочка, нарушаете! — Он показал на большой плакат у колонки «За курение — под суд!».— Щечки-то надо бы дома оставлять, на комоде. Опаснее спичек они!

Новенькая — ну хоть бы словечко! Тогда Федька Хмель, отдавая талоны, попридержал их маленько в пальцах и уперся взглядом в глаза красавицы. Она сдвинула густые, вразлет брови, скороговоркой бросила что-то вроде:

— Ну-ну, не балуй, некогда мне тут с вами с каждым лясы точить! — И выдернула у него талоны.

И усмехнулась, но не обидно. И Федька Хмель подумал, что будь он, ей-богу, чуточку посмелей, то тут же, не сходя с места, узнал бы, как ее звать. Мог бы — и не узнал...

И что ему вдруг такое втемяшилось в голову, с этой девчонкой? Да ведь как!.. Лицом исхудал, есть стал вполсилы, а уж нарушений разных по службе — хоть пруд пруди; в довершение ко всему у него чуть не отобрали права. Любовь...

Три недели минуло с тех самых пор, и на что только не шел Федька Хмель, чтобы именно его посылали из совхоза в город. Но сколько ни ездил, у колонки была все та же неласковая тетя Наталья, а новенькая... Точно ее и не было здесь никогда. И вот наконец сегодня он снова увидел ее!

В его истосковавшихся глазах горела такая радость, что даже девушка заподозрила что-то неладное и, пожав плечами, в смущении отвернулась. Бесцеремонный с иными женщинами, подчас даже грубый, Федор в эту вторую встречу настолько был не похож на себя, так растерялся, что забыл закрыть пробкой бак. Как ему не хотелось уезжать от колонки!.. А когда он все же отъехал и, открыв дверцу, посмотрел назад, ему показалось, что девушка улыбается. Еще немножко терпения, и она махнет ему вслед рукой...

С тем выражением счастья на лице, которое всегда выделяет человека среди людей, уже переживших счастье или еще не испытавших его, Федор дождался, когда паром подошел к причалу, картинно покрасовался на виду у всех, затем медленно полез в кабину. Он опустился на сиденье с таким значительным видом, точно это был самолет, и легко и плавно, хвастаясь своей властью над машиной, повел ее, тяжелую, полную металлических бочек с горючим, на берег.

Еще вчера поутру Федька Хмель заподозрил, что с тормозами неладно; механик был в недолгой отлучке, возиться без него не хотелось. Прикинул в уме: на улице сухота, дождей нет вторую неделю, подъемов больших на пути не предвидится. И Федька Хмель, погладив машину по капоту, как гладят по холке лошадь, решил: ладно, доедем! Завернув из города в совхозный гараж за горючим, чтобы ехать в поле, Федька еще раз осмотрел тормоза и опять понадеялся: авось, как-нибудь...

Дорога от причала шла по пригорку, усеянному мелкой щебенкой. Был он не очень крут, и все же машина преодолела его с трудом: чересчур тяжела была кладь,— а взобравшись наверх, приостановилась, словно раздумывая, и вдруг покатилась обратно.

...Федька Хмель метнулся к окну кабины, выглянул, навалился всем телом на педали, до отказа выжал рукоятку тормоза — все было зря: урча, завывая, машина сползала к реке.

Наполовину высунувшись из кабины, Федька увидел, как все стоящие у причала тронулись с мест, замахали руками... И тут вдруг его ударило в сердце: сзади, шагах в трех от берега, спиной к сползавшей машине стоял мальчонка и швырял в реку камни.

Всю мощь своих мышц, все сердце и мозг вложил Федька Хмель в последние усилия рук: казалось, еще немного — и из-под посиневших ногтей брызнет черная кровь... Машина скатилась с пригорка, тяжко ударилась о свайный столб, уцелевший от старого места причала, и сразу же гул человеческих голосов обрушился на Федьку Хмеля горным обвалом.

...Опрокинув ведерко с рыбой, весь трясясь от горя, ловя растопыренными пальцами воздух, бежал к машине старый рыбак. Сбегались остальные: молочница, багроволицая, точно обварили ее крутым кипятком; журналист в берете, для чего-то на ходу срывающий с плеч свой рюкзак; инвалид, мгновенно вылезший из коляски и теперь поспешающий на своих обрубках к страшному месту; счетовод совхоза с белым лицом; голубоглазые плотники...

Старый рыбак добежал и, как пополам переломился, рухнул на землю, крича что-то бессвязное, протягивая в исступлении руки к внуку.

Мальчонку вытащили из-под машины, положили бережно на траву; он был недвижим, маленький, бледный, жалкий...

Федька Хмель, ежась от внезапно подувшего с реки ледяного ветра, хотя, кроме него, никто этого не почувствовал, обводил всех страдающими глазами; у него дергались почерневшие губы... Хотелось, чтобы его выслушали, хотелось, чтобы поверили... А чему? Чему тут верить, когда он один во всем виноват!

Плакала, громко всхлипывая, не стыдясь, вытирая концом головного платка рот и глаза, молочница; инвалид, опершись кулаками в землю, вдавив их в нее, хмуро смотрел на машину; у человека в берете все морщины как-то сразу выступили на омраченном лице. Голубоглазые плотники, не зная, что делать, растерянно поглядывали друг на друга; понуро, опустив руки, стояли мотористы и счетовод из совхоза. И только один черноусый бригадир, сидя поодаль, продолжал — по внешнему виду спокойно — дымить цигаркой, сплевывая себе под ноги. Наконец он докурил, подошел вразвалку к машине.

— Капут мальчонке? Али дышит еще? Чего же это ты малоаккуратный какой? — обратился он к Федьке с легкой укоризной в тоне, будто не о жизни человеческой, а о пустяке шла тут речь.

Черноусый крякнул, вынул из кармана сухарь и со смаком, громко зажевал. Его компаньоны переглянулись; один из них, который казался постарше, с досадой сильно ударил по руке своего бригадира. Откуда-то у тихого парня вдруг взялись и бешеные глаза и голос, зычный и гневный, способный, наверное, долететь даже до того, дальнего берега:

— Кончай жевать, ну!..

Теперь они оба с ненавистью смотрели на черноусого, и взгляды их говорили без слов,

что они давно уж не любят и не уважают его за то, что он помыкает ими, считает их «деревенщиной» и безбожно обворовывает при дележе. И что с этого, может быть, дня — как знать! — покинут они своего бригадира с его жадностью, черствостью и презрением к людям.

Человек в берете, обняв рыбака за плечи, попытался уговорить его встать с земли. Тот к нему поднял залитое горючей слезой лицо:

— Не уберег я внучонка... Дочь наказывала... Один он у нас... Мир душе... Не уберег!.. Ох, да как же я теперь буду?!. Как домой возвернусь?.. Убить меня надо, лопоухого сукина сына, в реке утопить!..

Он снова припал головой к земле, причитая и плача.

Деревянно ставя негнущиеся ноги, спотыкаясь — а ведь никто не толкал его в спину! — Федька Хмель подошел к берегу, тупо уставился на воду. Невдалеке лежало опрокинутое ведро рыбака; валялась уже уснувшая рыбья мелочь, лишь один толстый линь судорожно чертил по земле хвостом и все разевал и разевал в смертной истоме рот... И от этого рта Федька Хмель не мог отвести глаз...

Все расступились, когда он медленно подошел к рыбаку и вдруг упал перед ним на колени, громко ударившись голенищами сапог о щебенку.

— Бей меня, отец, смертным боем бей! — отчаянно сказал Федька.— Мой недогляд, не отрекаюсь... Чего уж, кругом виноватый!.. — В его голосе были слезы, тоска.— Все равно на этом треклятом месте покончилась моя жизнь!..

Рыбак медленно поднял взор на Федьку; ветер с реки шевелил его седую бороду; глаза, запавшие глубоко под брови, были тусклы, пусты... Вдруг они полыхнули безумием: каждая клеточка его лица пришла в движение, каждая черточка, морщинка — и все внезапно окаменело.

...Его крепко схватили за руки, когда он могучим рывком — казалось, что для страшного мщения вернулась к нему былая сила — поднял над головой Федьки Хмеля свои железные кулаки. Теперь выпученные белки глаз старика были в кровавых прожилках, рот оскалился, обнажив остатки прокуренных, редких зубов. Крепче других держал рыбака журналист; голос его ломался, дрожал:

— Слушайте, старик... Не надо этого делать... Придите в себя!

Тут не выдержал черноусый. Веки его под взъерошенными бровями сощурились так, что от напряжения затрепетали толстые и тупые, как обкусанные, ресницы. Заглядывая с непонятной ненавистью журналисту в лицо, подчеркивая каждое слово, спросил, как коловоротом пробуравил:

— Я извиняюсь, вы мясо потребляете в пищу или травку-муравку жрете одну? Бают, был писатель такой, Лев Толстов: мясо не ел и всех к бескровью призывал.

Он вплотную подступил к рыбаку и властно, как отдают приказы:

— Не слухай его, пысаря этого в узких портках!.. Вдарь, вдарь парня разок промеж глаз!.. Так, чтобы отметина у него осталась по гроб его жизни...

Если давеча он был совершенно спокоен, упрекая Федьку Хмеля в «малоаккуратности», то теперь он страшно разгорячился, в возбуждении топтался на своих коротких ногах: похоже было, что ему самому не терпится «вдарить разок».

Сильный удар кулаком в грудь заставил черноусого отшатнуться. Глядя на него снизу вверх, упрятывая — от греха подальше — свои трясущиеся руки за спину, инвалид сказал тихо, но в голосе его была ярость:

— Уйди, уйди, говорю! Для чего человеку злость святая дана? Для того, чтобы он ею врага разил. Понял, врага!.. Виновен он,— инвалид метнул подбородком в сторону Федьки Хмеля,— будем его судить. По за-кону! А тебе, я вижу, лишь бы кровь, а какая она — человечья, куриная ли,— все едино. Что ты есть за человек и откуда ты только взялся?

Молочница, быстро приблизившись к черноусому, подняла для пощечины руку, но не ударила — только сорвала с него военную фуражку.

— Ирод!.. Смеет еще головной убор солдатский носить на башке!..

Теперь все смотрели на черноусого, и он, пятясь от этих людей, бормоча что-то, запахивал полы своего пиджака, как бы укрываясь от ветра.

Ох, и до чего же все ненавистно смотрели на черноусого!

А вокруг опять была все та же горькая тишина. Совсем рядышком в траве мирно трудился кузнечик; громкий и странный звук его стрекотания, с чем-то мешаясь, напоминал отдаленную стрельбу пулемета. И тут вдруг представилось, что это и не кузнечик вовсе и уж, конечно, не пулемет, а где-то, скорее всего по шоссе и сюда, на малом газу идет мотоцикл.

И верно ведь, это был мотоцикл, управляемый девушкой, которая с первого взгляда, несмотря на косынку в крупную клетку, всем показалась парнем: узкая полоска пыли на верхней губе похожа была на усы. Выключив газ, она лихо скатилась вниз, прямо к машине, и остановилась, оглядывая всех, молоденькая, в полинявшей пестренькой кофте и синих шароварах; из-под косынки на лоб выбивалась рыженькая челка волос. Пригнувшись, девушка взглянула в круглое зеркальце на руле своего самоката и голой рукой стерла «усы».

— Эй, что тут у вас? — начальственно спросила она, всех растолкала, быстро склонилась над мальчиком и звонко воскликнула: — Он живой, ничего страшного не произошло!

Все бросились к ней.

Люди почтительно смотрели, как она осторожно, со знанием дела ощупывала ноги, потом руки мальчонки, живот и ребра, как потом приподняв пострадавшему голову, терпеливо старалась разжать его губы, чтобы влить

ему кофе из термоса журналиста. Тот наклонился над ней:

— Скажите, доктор, это не очень опасно?.. Он будет жить?

Девушка улыбнулась, с удивлением перевела взгляд с его седой головы на спортивную курточку и особенно внимательно посмотрела на узкие брюки с широкими обшлагами.

— Будет, конечно. Когда его толкнула в спину машина, он, падая, ударился затылком. По-моему, небольшое сотрясение мозга...

Инвалид потянулся своими руками к рукам девушки, но постеснялся, не взял; мучительно морщась, он старался изобразить на своем изуродованном лице приветливую улыбку; сказал горячо:

— От всех нас, доктор, большая вам благодарность и низкий поклон!

Обводя всех радостным взглядом — а слезы текли и текли по морщинам лица,— старик, сидя около внука, бережно вытирал какой-то тряпицей его щеки и лоб... И тут Петяй приоткрыл глаза...

Все, сгрудившись здесь, как-то даже забыли о Федьке Хмеле, который сейчас стоял в стороне и с напряжением, не отрываясь, смотрел на девушку в синих штанах... И как же была она похожа на ту, у бензоколонки!.. Нет, не успела она увернуться или хотя бы вытянуть для защиты руки: Федька подскочил, подхватил ее — ох, и легонькая же! — на руки и с силой, не иначе, чтобы долетела она до небес, подбросил, поймал и прижал к себе; косынка слетела с волос девушки, и они, распавшись на тонкие прядки, смешно заметались по спине и плечам.

Он кружил и кружил ее, нянчил в руках, вдруг очумело-дерзко поцеловал в щеку раз и другой.

— Доктор, доктор! — кричал Федька в восторге, подбрасывая девушку и ловя; он мог бы нести ее на руках без устали на край света, и, хотя теперь эта девушка уже не казалась похожей на ту, другую, все равно сейчас была ему очень дорога.

Когда же он, вняв мольбам, подкрепленным увесистыми тумаками в его грудь, опустил на землю девушку, гневно-красную, с вконец растрепавшимися волосами, она сердито и смущенно огляделась вокруг и, видя, что все улыбаются, сказала:

— С чего вы взяли, что я доктор? Я зоотехник, и только.

Она с интересом посмотрела на Федьку Хмеля («Видала нахалов, но такого...») и довольно резковато, со скрытой иронией сказала еще:

— Чем лезть с поцелуями неизвестно с чего, лучше бы подумали, как нам доставить ребенка в больницу... Что у вас стряслось с машиной? Кардан полетел? Ну и шофер, видать, образцовый!.. Вы что же, рассчитываете, что я смогу увезти мальчика на этой стрекозе?

Все стали смеяться. И оттого, что действительно было смешно от ее сравнения мотоцикла со стрекозой, и оттого, что всем было приятно смотреть на эту милую энергичную девушку, и еще, главное, от того освобождения души от гнета, который еще так недавно всех давил своей тяжестью.

Уперев руки в бока, смеялась молочница так, что буйно колыхалась под белым фартуком ее мощная грудь; тихо смеялись светлоокие парни; преодолев неподвижность маски на своем стянутом шрамом лице, хохотал инвалид; подмигивая друг другу, смеялись мотористы и подталкивали Федьку Хмеля локтями... Наконец, не выдержав, рассмеялась и зоотехник. «Точно монетки посыпались...» И журналист, вздохнув, позавидовал Федьке Хмелю: «Действительно, до чего же мила!..»

Старый рыбак, оторвавшись от внука, подошел к Федьке.

— Прости меня, брат...— сказал глухо, моляще.

— Да что ты, отец!..— Голос у Федьки Хмеля был грустный, хотя глаза и сияли.— Это мне... мне в ногах у тебя, не вставая, валяться...

Праздничное чувство овладело всеми: вот, казалось, были привычными этим людям небо с легкими и прозрачными облачками, подсвеченными золотцем солнца, медленно идущая в своих берегах река, лес на той стороне, а сейчас все стало краше, ярче, милее. Люди, обычно проходившие мимо всего этого, раскрыли в удивлении глаза: вот, оказывается, сколь дивно и прекрасно вокруг!..

Закрыв блокнот, журналист с благодарностью оглядел людей, с которыми его в это летнее утро свела дорога, и, поняв его взгляд, все улыбнулись ему в ответ. Все, кроме одного.

Только он один и не принимал участия в празднике — человек с тупым, сизым и в порезах от бритья подбородком, черноусый и злой, что стоял сейчас в стороне, как уволенный с должности, всеми отвергнутый, вообще-то неведомо откуда и взявшийся на нашей земле.

НА ДЖОНКЕ ПО РЕКЕ ЛИ

Николай ДРАЧИНСКИЙ, специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

«Горы и вода в Гуйлине самые красивые на свете. Но в Янсу они еще краше».

Из старинной китайской рукописи.

ГУЙЛИНЬ

Возьмите круглое полено, поставьте его «на попа» и увеличьте в тысячу раз — вы получите более или менее точное представление о горе Дусюфынь, которая одиноко стоит в самом центре города Гуйлиня. Подняться на этот исполинский каменный пень можно лишь по ступенькам, вырубленным давным-давно в совершенно отвесных каменных боках горы. А добравшись до вершины, плоской, ровной, как круглый стол, невольно застынешь в молчаливом восхищении перед красотою.

Мир всюду прекрасен, в каждом его уголке своя прелесть и своя самобытная, суровая или ласковая красота. Но, взглянув хоть раз на Гуйлинь, уже нельзя забыть неповторимые картины, которые сотворила здесь природа-чаровница. Зеленый город, рассеченный серебристой рекой, окружен хороводом гор столь своеобразных и непривычных очертаний, что они кажутся фантастическими, перенесенными сюда с какой-то другой, неведомой планеты.

Описывать гуйлиньские пейзажи — значит вступить в соревнование с поколениями китайских поэтов, черпавших здесь вдохновение, прославивших красоту родной земли. В стихах воспеты диковинные пещеры и гроты, скалы с поэтическими именами: «Прекрасная вершина», «Пик семи звезд», «Гора полумесяца», «Свиток шелка», «Пещера возвращенного жемчуга», «Вершина живописца».

Городские власти, в соответствии с планом благоустройства, на склонах окрестных гор, откуда открываются самые красивые виды, поставили традиционные китайские беседки. Эти кружевные сооружения под золотистой глазурованной черепицей, отделанные лазурью и алым лаком, органически вплелись в пейзаж. Сюда заходят отдохнуть крестьяне, направляющиеся в город, и пионеры совершают сюда экскурсии. Особенно много горожан бывает здесь по праздникам. Одни беседки стоят только год, другие — уже несколько лет. Но на лакированных стенах вы не заметите ни одной царапины, ни одной надписи, до которых так охочи туристы. Люди берегут свое добро и ценят красоту.

Не только беседками украсился Гуйлинь за последние годы. Город быстро растет, строится. Уже две тысячи студентов учатся в новых аудиториях педагогического института, построены красивое здание геологоразведочного техникума, санаторий для рабочих, повсюду высятся новые дома. Гуйлинь становится крупным индустриальным городом на юге страны.

Работник городского народного комитета товарищ Ван Жин-у рассказал, что только за один прошедший год в Гуйлине созданы и капитально расширены одиннадцать предприятий. Среди них новый электромеханический завод, который уже выпустил две тысячи моторов и генераторов. Двадцать девять заводов и фабрик будет построено в городе за вторую пятилетку. Началось сооружение большого металлургического и станкостроительного заводов.

— Наши горы,— говорит товарищ Ван,— не только красивы, но и богаты. В них много различного минерального сырья, ценных руд, коксующихся углей.

Вместе с товарищем Ваном мы побывали на нескольких городских предприятиях, а затем он предложил осмотреть небольшую фабрику, созданную всего за десять дней, но продукцией которой уже заинтересовались французские и английские купцы в Кантоне. Фабрику создали шестьдесят рабочих, преимущественно женщин, под руководством секретаря партийной организации товарища Чен Да-синя, получив в свое распоряжение два небольших дома на берегу реки Ли. Здесь они соорудили склады для сырья, один дом переоборудовали под цех, а во втором разместились общежитие, контора и лаборатория.

— Мы бы сами не сумели сделать главный наш агрегат — печь для сухой перегонки семян,— рассказывает Чен Да-синь.— Нам помогли товарищи — металлисты с соседних заводов. Был как раз «Праздник весны» — три нерабочих дня. Вот эти дни металлисты и трудились с нами. Они клепали конструкции, сваривали листы, прокладывали трубы. А через десять дней после начала работы мы уже получили первую продукцию.

Продукция, о которой говорит товарищ Чен,—это эфирное масло. В окрестных горах, и только здесь, растут редкий кустарник и особая травка, из которых добывается это масло. Оно придает большую стойкость духам. Парижские парфюмерные фабриканты, что называется, во сне видят эту драгоценную жидкость. И вот фабрика, построенная за десять дней, по существу, без всяких затрат, уже дает для экспорта ароматические вещества.

На второй сессии восьмого съезда Компартии Китая была поставлена задача — наряду со строительством крупных, оснащенных передовой техникой заводов повсеместно создавать мелкие, полукустарные предприятия. Они не требуют больших капиталовложений, длительных сроков строительства и быстро дают нужную продукцию. Гуйлиньская «фабрика ароматов» — одна из таких точек «малой индустрии», многие тысячи которых за последний год покрыли всю страну.

Под вечер мы отправились в городской парк, к голубым озерам в зеленой раме плакучих ив и акаций. Китайские товарищи не без гордости говорят, что гуйлиньцы не только любуются природой, но и сами создают красивые пейзажи. Еще недавно на месте этих озер были овраги, зловонные болотца — убежища комаров и москитов. Сами жители в свободные от работы часы расчистили эти места, провели сюда воду горной реки, насыпали искусственные острова, посадили деревья. Глядя на все это, еще раз убеждаешься, что китайцы — отличные мастера красивого. На крошечных островах сооружены воздушные беседки, их соединили ажурными мостиками, живописно расставили деревья и, уж разумеется, развели бамбук и лотос. Только хризантема может соперничать в популярности с этими двумя любимыми растениями. В давние времена искусные китайские садоводы из обыкновенной ромашки вывели хризантему, и пошла она затем отсюда по всему свету как красивый дар людям.

ДЖОНКА ВУАН ВАН-ЧАЯ

Торжественно и красиво рождался день. Только что погасли звезды. От реки поднимался сонный прозрачный туман. Он волшебно изменил перспективу, и горы, кажется, оторвались от земли, и острые их вершины плывут куда-то вдаль, в голубую беспредельность мира. Вода тихая, ласковая, даже нежная. Солнце, заблудившееся в курчавой отаре облаков на востоке, наконец прорвалось, и на гладком шелке реки тотчас появились богатые вышивки струящегося серебра.

На реке становится все оживленнее. Быстро прошел и скрылся в излучине моторный буксир с целым выводком лодок. Плывут небольшие бамбуковые плоты, узкие, длинные, с загнутыми, как у лыж, носами. Торопятся большие грузовые джонки. Штиль, паруса спущены. На носу гребцы; четыре больших весла — восемь рук. Люди гребут стоя. Два шага вперед. «Хэй йо хэ!» Два шага назад. «Йо хо хэй!» Голоса звучат дружно, размеренно, в четком ритме гребли.

Мы отчалили из Гуйлиня еще при звездах, и утро застало нас уже в пути. На нашей джонке четыре пассажира. Товарищ Кон Гуан-юэ — переводчик из Кантона — города, который нам, пожалуй, следует именовать Гуанчжоу, как это делают сами китайцы. Глядя вокруг, он время от времени цитирует старых поэтов:

...Как острые мечи, стоят
вершины,
Опоясанные голубой рекой.

С заведующим отделом культуры и образования уездного народного комитета Янсу товарищем Кэ Нанем мы познакомились только накануне, когда он приехал по делам в Гуйлинь. Веселый, подвижной, как ртуть, Нань оказался бесценным спутником в путешествии по реке, ибо все и всех здесь знал, обо всем мог рассказать. Четвертым был молчаливый геолог, возвращавшийся к своей поисковой партии.

Остальные восемь человек в возрасте от полутора до семидесяти двух лет были одновременно семьей и экипажем судна, а лодка — их родным домом.

На юге Китая, особенно на реках, принадлежащих бассейну Жемчужной, существует своеобразное племя водных людей. Происхождение их загадочно, окутано легендами и еще не установлено учеными. Из поколения в поколение они рождались, жили и умирали в лодках на реке. Жители городов и деревень относились к ним презрительно, называли их обидными именами, их детей не принимали в школы, больницы отказывали им в помощи.

Положение этих речных изгоев

Пай Ю-фан раньше работала уборщицей в больнице. В прошлом году она пришла в цех гуйлиньского завода сельскохозяйственных машин, освоила профессию токаря и теперь стала передовой работницей предприятия.

Отличница труда гуйлиньской «фабрики ароматов» Шань Юнь-сю.

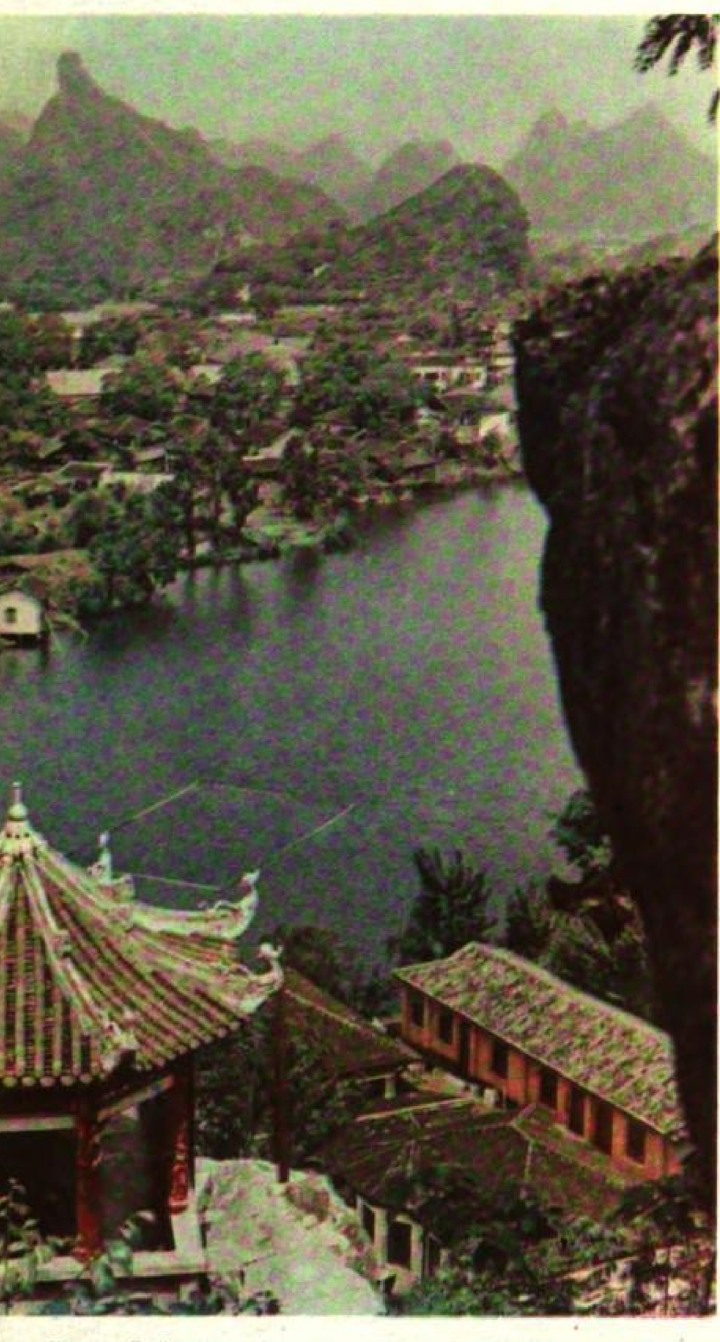

резко изменилось после победы народной революции. Для них открыты больницы и школы, многие получили работу и жилища на берегу. Но и в жизни тех, кто еще остался на воде, промышляя рыболовством и перевозкой грузов, произошли глубокие перемены.

Когда джонка движется, все взрослые члены семьи заняты делом. Хозяин лодки и глава фамилии, высокий бритоголовый Вуан Ван-чай, его младший брат Ван-ман и их жены все время гребут, орудуют длинными бамбуковыми шестами или ставят парус, если над рекой появится легкий ветер. Бабушка Фа Ни-со несет вахту у руля. Она стоит на специальном помосте, возвышаясь над полукруглым шатром лодки. Просто поразительно, с какой легкостью и сноровкой она в свои семьдесят два года безошибочно направляет баркас через быстрины и перекаты, проворно поворачивая тяжелый, громоздкий руль.

Остальные члены семьи возятся на циновках внутри джонки под бдительным надзором старшей из них, семилетней Юэ. Особенно много хлопот ей доставляет маленькая Хоо-сю. Она едва научилась ходить, а это самый опасный возраст для жителя джонки. Только что обретенная способность к передвижению в сочетании с беспредельным любопытством человека, открывающего мир, постоянно угрожает малышу опасностью оказаться за бортом. Поэтому за спиной Хоо-сю привязана большая тыква, которая должна выполнять роль спасательного круга на случай беды.

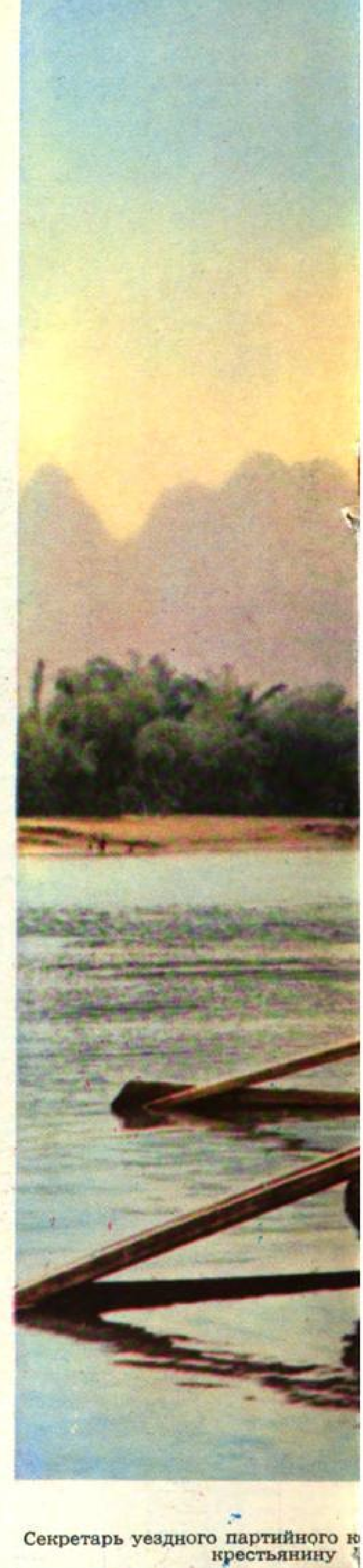
Вуан Ван-чай, взяв на руки девочку с той нежностью, с какой относятся к детям все китайцы, рассказывает, что она первый ребенок в их роду, появившийся на свет не в лодке, а на берегу, в больнице, под присмотром акушерки. Это очень хорошо, ибо раньше у водных жителей половина детей умирала, не дожив до года. Два его сына сейчас учатся в школе-интернате, и отец надеется, что они станут учителями. Почему учителями? Нужно, чтоб все люди стали образованными, а разве это может получиться без учителей! Осенью пойдет в школу дочь Юэ. Мог ли раньше лодочник мечтать, что дети его бу-

Город Гуйлинь — быстро растущий промышленный и культурный центр на юге страны.

Ребята из детского сада в Гуйлине пришли в парк не только на прогулку. Они собирают и выносят опавшие листья, с малолетства приучаясь к труду.

Секретарь уездного партийного к
крестьянину

Воспетая поэтами долина реки Ли на весь Китай славится своей красой. Так она выглядит с вершины «Горы полумесяца».

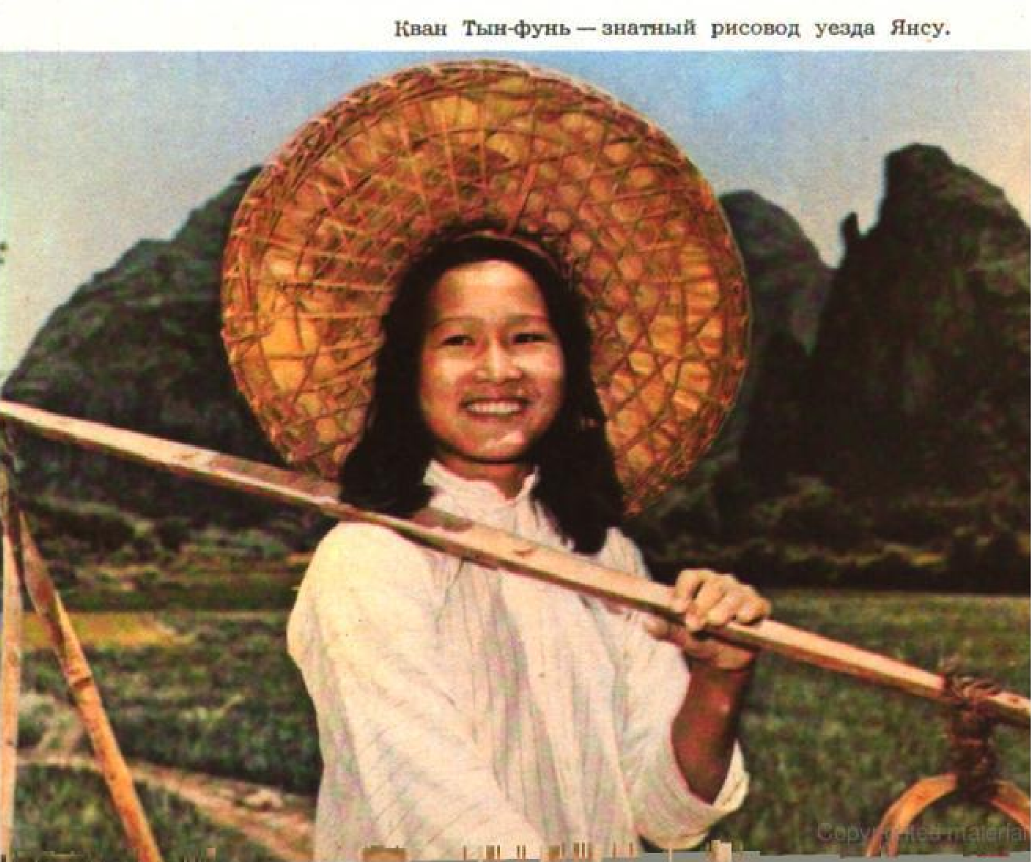

«Вода и горы в Гуйлине самые красивые на свете. Но в Янсу они еще краше»,— говорит китайская пословица.

митета Янсу товарищ Цао Фан-у на своем «опытном поле» показывает
ч Лао-эр новое приспособление для ухода за посевами риса.

Кван Тын-фунь — знатный рисовод уезда Янсу.

Под вечер в Янсу на бамбуковых плотах выходят на лов рыбаки со своими пернатыми помощниками. Дрессированные бакланы ныряют, ловят рыбу и приносят ее к корзине хозяина.

дут учиться в государственной школе на берегу!

В прошлом году Вуан вступил в транспортный кооператив, организованный лодочниками в Янсу.

— Как трудно раньше было получить работу! — рассказывает Вуан.— Между лодочниками иной раз вспыхивали драки из-за грузов. Можно было простоять без дела месяц — другой, и тогда на джонке начинался голод. Однажды в такой трудный период у меня умерла дочь. Она с голоду наелась нехорошей травы. А в кооперативе — совсем иное дело. Заказы на перевозку грузов распределяются по очереди. А если случится долго быть без заработка, кооператив выдает помощь. Но грузов много: ведь всюду на берегах идет строительство. Я вот даже хочу выступить на собрании, сказать, что лодки у нас все время заняты и не выделены дни для ремонта. А то случится так, что может выйти из дела сразу много кооперативных джонок...

Крики со встречной лодки прервали его рассказ. Когда джонки сблизились, к нам перепрыгнула невысокая энергичная женщина в большой шляпе зонтом. Она говорила так быстро, что Гуан-юэ ничего не успевал мне перевести. Женщина потрепала по щекам детей, поглядела почему-то им в уши, не умолкая при этом ни на секунду. Она продолжала говорить, когда снова перепрыгнула в свою лодку и стала толкать ее бамбуковым шестом. Уже издалека она крикнула еще что-то.

Только теперь Кон Гуан-юэ смог рассказать, что произошло. У водных жителей, как в городах и селах, есть свои квартальные и уличные комитеты. В Янсу, где много

джонок, их объединяет специальная административная единица — волость жителей на воде. Женщину звали Лу Мо-сю, она оказалась заместителем председателя народного комитета этой волости и председателем местного отделения демократического союза женщин. Повстречав лодку Вуана на реке, активная общественница Лу Мо-сю провела здесь следующую работу.

Она напомнила молодой Цао — жене Ван-мана, что та уже пропустила два занятия по ликвидации неграмотности и что к сегодняшнему дню она должна уже знать тысячу двести иероглифов. Весело побранила мужа, который не следит за культурным ростом жены. Похвалила, что все дети чисты, и напомнила, что не позже чем послезавтра их нужно отвести в амбулаторию для прививок. Справилась о здоровье бабушки Фа. Вручила Ван-ману брошюру «Экономно и трудолюбиво вести домашнее хозяйство», которую он, человек грамотный, должен прочесть женской половине населения джонки в свободное время. Поинтересовалась, регулярно ли делают здесь гимнастику, и уплыла по своим делам. Издали она напомнила о собрании женщин, которое будет в субботу.

Вечером мы остановились на ночлег у подножия гор, которые напоминали гигантские сахарные головы, поставленные в ряд вдоль берега. Женщины укладывали малышей. Ван-ман взял старую газету, кисточку, тушь и под диктовку Вуана стал писать «дацзыбао» — широко распространенную в Китае индивидуальную стенгазету. В ней лодочник критиковал председателя кооператива за пренебрежение текущим ремонтом джонок.

Бабушка Фа уселась на корме и зажгла палочки благовоний. Синие ручейки пахучего дыма заструились в неподвижном воздухе. Старуха, чуть покачиваясь, что-то шептала, изредка ударяя в маленький гонг. Затем она стала поджигать бумажки и кидала горящие листики в реку. Все это кончилось взрывом петарды. Бабушка погасила благовония и отправилась на покой.

— Что это она делала? — спросил я у Ван-мана.

Но он, занятый «дацзыбао», махнул рукой:

— Старая женщина. Предрассудки.

К ЯНСУ

Мы плывем все дальше вниз по реке.

По берегам чудесные картины одна сменяет другую, и не устаешь любоваться ими, и не угасает восторг перед живописной природой южного Китая.

— Смотрите, вон та вершина называется «Шапка чиновника», — говорит Гуан-юэ, показывая на гору, действительно похожую на шапку придворного, которую ныне можно увидеть лишь на сцене Шаосинской оперы.

— А вот и знаменитая «Гора девяти лошадей»! — продолжает Гуан-юэ.— О ней написаны такие стихи:

Девять коней вздыбились
в небо.
Красоты такой не увидишь
на свете!

В самом деле, глядишь на эту вершину, и впрямь кажется, что девять каменных лошадей, изваянных солнцем, ветром и водой, застыли в прыжке через реку. А если еще чуть-чуть напрячь воображение, то уже видятся и развевающиеся гривы, и мускулистые ноги, и хвосты.

Навстречу идут джонки под красными парусами. Товарищ Кэ иногда видит на них знакомых.

— Вон поехали учителя из волости Као-тен в город за учебниками,— говорит он.— Там крестьяне на свои средства организовали одну среднюю и тринадцать начальных школ. Ученики полдня учатся, а вторую половину работают в поле. Кооператив только шесть месяцев субсидировал их, до первого урожая. А теперь ученики и учителя уже сами обеспечивают себя. Правда, еще большие трудности с помещениями, но школы выходят из положения: приспособили под парты даже прилавки сельского рынка. Они ведь нужны лишь в базарный день, а остальное время пустуют. Главное — желание учиться. А желание у всех огромное: и у молодых и у старых.

В одном кооперативе, — рассказывает Кэ Нань,— старый крестьянин потребовал, чтоб его немедленно зачислили в группу по ликвидации неграмотности, и вот почему. Он вел учет своих трудодней, откладывая зерна кукурузы. Пробралась мышь, своровала зерна, и старик потерял счет.

Через год у нас в уезде неграмотных не будет. Это вне всякого сомнения,— говорит Кэ Нань.

Мы ненадолго остановились в деревне Синьпынь и здесь на берегу встретили секретаря уездного партийного комитета товарища Цао Фан-у, который как раз собирался возвращаться домой в Янсу. Дальше мы поплыли вместе.

Цао Фан-у — уроженец севера, он пришел в провинцию Гуанси вместе с частями Народно-освободительной армии и с тех пор остался здесь на партийной работе. Его жена и дети живут в Харбине, он не был там уже давно.

— Столько дел, и все неотложные, что невозможно оторваться,— говорит он.— Дети уже большие стали, учатся. Вот закончим сбор второго урожая, думаю, удастся съездить домой. А урожай нынче будет процентов на тридцать выше прошлогоднего.

Секретарь рассказывает, что за прошедший год крестьяне построили множество водохранилищ, в том числе четыре больших, которые орошают около ста тысяч му посевов. В каждом кооперативе идет сейчас строительство мелких заводиков искусственных удобрений. Оборудование самое примитивное — большие котлы и печи,— а польза велика.

— Главная задача — достичь повсеместного урожая в 1 000 цзиней риса с каждого му земли. Что это вполне возможно, мы доказали на своем «опытном поле».

Причалив в Янсу, мы сразу отправились посмотреть это поле. Среди пышного зеленого ковра посевов, разостланного в кольце крутобоких гор, один участок как бы вознесся над этой изумрудной равниной. Здесь рис был гуще, дородней, раза в полтора выше, чем по соседству. Фанерная таблица сообщала, что здесь «Опытное поле укома партии».

Чтоб практически показать крестьянам преимущества новой агротехники, работники укома завели это поле. Они сами его обрабатывают, применяя передовой опыт рисоводов страны. Глубоко вспахали, перевернув пласт, вырастили первосортную рассаду, внесли много удобрений, применили уплотненную и раннюю посадку. Укомовцам пришлось много потрудиться. Даже некоторые свои совещания они переносили на «опытное поле» и здесь за работой обсуждали текущие дела. Зато результат отличный: они самое малое соберут полторы тысячи цзиней риса с му. Это рекордный урожай в уезде, и крестьяне даже из дальних кооперативов приходят сюда поучиться.

Уже вечерело, когда мы, возвращаясь с «опытного поля», зашли в беседку, застывшую на высокой скале над рекой. Она называлась «Беседка свидания с нимфой». Было то предвечернее время, когда в природе наступает ласковая тишина. Тени на горах стали густыми и синими, а река казалась отлитой из зеркального стекла, и в нее молчаливо смотрелись каменные великаны, залюбовавшись собственной красотой. Одинокая джонка с алым парусом медленно таяла в дымке дальнего плеса.

— Красиво...— задумчиво сказал Цао Фан-у, глядя на реку, на горы, уже тронутые розовыми тонами заката.— Но среди этой прекрасной и щедрой природы китайский крестьянин жил в нищете и бедствиях и с тревогой думал о том, будет ли у него завтра какая-либо еда. И только теперь, после победы народной революции, став хозяином этой земли, люди вышли на широкую дорогу к всеобщему счастью.

Семья лодочника Вуан Ван-чая.

АРТИСТЫ С НАШЕГО

Зрители театра—свои, заводские люди

У студийцев есть обязанности по рабочему театру: Алла Герасименко — помощник режиссера.

Т. ТРОИЦКАЯ

Фото А. УЗЛЯНА.

Взять, например, некоторые вопросы культурного обслуживания населения. Совсем не обязательно, чтобы все они были в ведении государственных органов. Этим могут с успехом заниматься общественные организации.

Из доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС.

Начальник одного из цехов Челябинского тракторного завода (не станем называть его фамилию: сейчас он образец вежливости и такта) был груб и резок с подчиненными, бранился, кричал на них. Говорили об этом на собраниях, писали в стенной газете, рисовали карикатуры — не помогало. И вот сидел однажды этот человек на вечере самодеятельности в первом ряду. Поднялся занавес, и увидел он самого себя на сцене: шумит без нужды, грубиянит...

— Да это ж...— назвал кто-то начальника по фамилии.

Неуютно почувствовал себя «герой» маленькой сценки. Пришлось ему под общий смех и аплодисменты извиниться перед зрителями — своими, заводскими людьми.

В том и сила агитационной бригады Дворца культуры ЧТЗ, что критика ее всегда попадает в цель. А сама бригада — это только одно из звеньев заводской самодеятельности. Связывает эти многочисленные звенья рабочий театр. Александр Клещов, руководитель агитационной бригады,— воспитанник театра.

Рабочему театру челябинских тракторостроителей столько же лет, сколько заводу,— двадцать шесть.

Начиналось все с маленького драмкружка. Здесь собирались заводские рабочие — любители сцены. Десятки ролей переиграл Александр Клещов, а на одном из всесоюзных смотров художественной самодеятельности занял первое место за исполнение роли Васьки Пепла в горьковской пьесе «На дне».

Разрастался кружок, набирал силу и превратился в рабочий театр. В репертуар вошли Горький, Островский, Гольдони, Шеридан, Афиногенов, Лавренев, Корнейчук... С каждым годом крепли любовь и привязанность зрителей к своему театру. Артистов театра так и называют: «Артисты с нашего завода».

Самодеятельные актеры раза два в год выпускают новые постановки. «Театралы» ЧТЗ задолго до премьеры беспокоятся, как бы достать места получше да поближе. За один раз зрительный зал не вмещает всех желающих попасть в театр, тем более, что на представления часто приезжают зрители из самых далеких районов Челябинска.

Бывают у заводских артистов и выездные спектакли в сельские клубы, за город... Всё как в настоящем профессиональном театре. Только спектакли идут не каждый день, и деньги, которые выручают за платные представления, расходуются исключительно на театральные нужды: совершенствуется сцена, улучшается освещение, обновляется реквизит.

Теперь рабочий театр располагает всем необходимым: прекрасной костюмерной, удобными гримерными, декорациями, бутафорией. Свои же художники из студии изобразительных искусств Дворца культуры рисуют для театра эскизы костюмов и декораций. Спектакль «Без вины виноватые» целиком оформлен студийцами. Танцевальные, оркестровые, певческие коллективы предоставляют своих участников в полное распоряжение театра.

Заводские актеры тесно связаны с Челябинским драматическим театром, посещают репетиции актеров-профессионалов, а те, в свою очередь, не пропускают ни одной премьеры рабочего театра. После спектакля обсуждается каждая роль, каждая мизансцена.

Мы попали на спектакль «Свадьба в Малиновке». Он явно имел успех. Зрительный зал переполнен, слышатся смех, аплодисменты. Артисты на сцене пели, танцевали. Нам казалось, что они ничем не отличались от профессиональных исполнителей, которых мы не раз слышали и видели в этой популярной оперетте.

Мы прошли за кулисы. Загримированные артисты вели свои деловые разговоры. Кто-то радовался удачному костюму, кто-то сетовал на растрепанный парик...

Нам хотелось познакомиться с исполнителями, и мы подошли к первому встретившемуся актеру. Под гримом нельзя было разобрать, молод он или стар.

— Владимир Семенович Грабовский,— представился он.— Бригадир инструментального цеха. В самодеятельности еще недавно.

Разговорились. Грабовский, кроме театра и службы, занимается еще на курсах по подготовке в вуз.

— Как же вы успеваете? — удивились мы.— Дома, наверное, совсем не бываете? Жена сердится...

— У меня пока еще нет жены,— сказал Грабовский, смутившись.

— Искусство требует жертв! — шутливо заметил Петр Федорович

Александра Кормишина — бухгалте[р]
вины виноватые»).

Ветеран труппы Григорий Михайлович Столбушкин — слесарь-ремонтник. А вот он в роли деда Ничипора («Свадьба в Малиновке»).

Александр Максимов — старший кочегар. Сейчас мы видим его в роли Фернандо («Дуэнья»).

ЗАВОДА

Буканев, старший инженер-нормировщик.— Я вот готовил новую роль, увлекся... И вижу: сын вместо того, чтобы уроки учить, мою роль наизусть повторяет.

В разговор вступил актер Артемий Николаевич Добротин, по совместительству преподаватель грима.

Добротин шестнадцатилетним мальчиком пришел и на завод и в самодеятельность. Самой первой его ролью был какой-то старик, а потом он «помолодел» на сцене, стал играть героев. Затем ушел в армию, был на фронте. И снова вернулся в родной театр. Тут, в театре, нашел свою суженую. Так что у него теперь настоящая театральная семья.

— Идемте,— говорит Добротин,— я вас познакомлю с ветераном нашей труппы Григорием Михайловичем Столбушкиным. Он играет деда Ничипора.

Столбушкин уже отпраздновал тридцатилетний юбилей сценической деятельности. А ведь этот актер — слесарь-ремонтник — ни на один день не оставлял своего цеха.

Григорий Михайлович всегда внимательно присматривается к людям, много читает, не пропускает лекций, не говоря уж о премьерах в других театрах.

Знакомимся с бессменной актрисой театра Ириной Алексеевной Витушкиной, инженером-строителем по специальности. Сейчас, правда, у нее небольшой перерыв в сценической деятельности: родилась дочь. Но дочка растет, и скоро мать вернется на сцену.

Саша Кормишина, бухгалтер цеховой столовой, тоже давно выступает на сцене рабочего театра. Затаив дыхание, следят зрители за ее Галчихой в пьесе «Без вины виноватые». В зале плакали, тронутые естественной игрой Кормишиной в «Матери своих детей» Афиногенова.

— Но не думайте,— говорит портниха ателье Лена Прокопенко,— что так легко попасть на нашу сцену.

Для этого, оказывается, надо сначала два года проучиться в студии. А чтобы поступить в студию, приходится держать экзамен, точно такой же, как при поступлении в любую театральную школу. Потом хорошо сыграть две — три роли.

Строгая, придирчивая комиссия, в которую входят и артисты рабочего театра, принимает экзамены. Слушают стихи, прозу, басни. А потом просят спеть, станцевать, показать себя в заданных этюдах.

При каждом наборе большой конкурс, особенно среди девушек. Обычно бывает по 5—7 человек на одно место.

А потом начинаются занятия по актерскому мастерству, технике речи, гриму. И все это по вечерам, после работы. Занятия не менее напряженные, чем в любой театральной школе. Студийцам приходится много читать, изучать труды Станиславского, Вахтангова... Имеют студийцы и свои обязанности в рабочем театре. Играют «массу», иногда — маленькие роли, суфлируют, изображают различные шумы за кулисами. И, наконец, готовят «дипломный» спектакль.

Сейчас в студии ставят пьесу Арбузова «Дальняя дорога». Ставит этот спектакль А. Клещов, который теперь уже сам преподает студийцам мастерство актера. Ведущие роли в пьесе будут играть Володя Грабовский, Лена Прокопенко, Алла Герасименко. Они уже второй год занимаются в студии. И если хорошо сыграют свои роли, то после премьеры в торжественной обстановке услышат приказ о переводе в труппу театра.

В прошлом году студийцы ставили пьесу Нины Кочубей «Молодость». Н. Кочубей — бывшая участница рабочего театра. Это ее первая пьеса. В ней говорится о молодых людях тракторного, которые поехали на целину. Можно сказать, что пьеса рождалась в студии: здесь по ходу репетиций были написаны и переписаны целые сцены. Нина Кочубей серьезно прислушивалась ко всем советам и замечаниям.

...Актеры и студийцы успешно работают на производстве. Иные из них мечтают о профессиональной сцене, и не без оснований. Ведь в профессиональном театре уже работают бывшие заводские артисты — Анатолий Щербина, Борис и Октябрина Когановы. В ГИТИСе учатся Леонид Варфоломеев и Юрий Могилевцев.

Ну, а тем, кто не собирается менять свою специальность, рабочий театр тоже принес немало пользы: открыл широкие горизонты, расширил культуру, укрепил любовь к сцене.

Самое же главное — эти великолепные качества актеры рабочего театра прививают своим зрителям. Благодаря заводским артистам огромный коллектив Челябинского тракторного становится подлинным знатоком и ценителем искусства.

еховой столовой — играет Галчиху («Без

«Шум за сценой». Александр Клещов и Алла Герасименко.

ВЕК КОСМОСА

У пульта управления синхрофазотроном.

Фото Кристины Нерлих.

Репортаж

Стефан ГЕЙМ

Дубна открывает эпоху космоса

Деревья — березы и сосны — были уже стары, дороги же новые. И все остальное в городе было новым: окрашенные в светло-желтый цвет здания, уличные фонари, вывески; и еще более новыми были лаборатории, и здания, в которых теоретики просто сидят и думают, и жилые дома для все прибавляющихся жителей.

Странный город, в котором нет другой промышленности, кроме науки, использующей в качестве «сырья» невидимые частицы материи! Странный город, где в одном квартале жители говорят на добром десятке языков и где кондуктор автобуса, называя следующую остановку, кричит: «Ядерные проблемы!»

Странный город — кусок будущего, пересаженный в настоящее!

Именно здесь стоит огромный круглый храм, внутри которого помещен единственный в мире синхрофазотрон мощностью в 10 миллиардов электроновольт.

Над чем же работают в Дубне? Нет ничего секретного в этом городе, расположенном как раз в месте соединения Канала имени Москвы с рекой Волгой. Ничего секретного и быть не может, потому что ученые и исследователи из многих стран, капиталистических и социалистических, работают здесь. Из многих стран сюда приезжают посетители. И сама работа, проводимая здесь, описывается в сотнях научных публикаций, которые рассылаются ученым по всему миру и печатаются в журналах капиталистических и социалистических государств.

См. «Огонек» №№ 2, 4, 6.

Венедикт Петрович Джелепов, доктор физико-математических наук и директор лаборатории ядерных проблем в Дубне, сказал мне:

— Прежде чем могут быть созданы технические условия для возможного военного использования наших исследований, мир успеет сильно измениться.

В Дубне делают то, что немцы немного громоздко называют «грундлагенфоршунг» — исследование основ. Пытаются узнать, что́ удерживает ядра атомов от распадения на отдельные частицы и что происходит, когда они распадаются. В Дубне разгоняют частицы до скоростей, практически соответствующих скорости света. В Дубне ищут законы движения материи, отыскивают закономерность, которая существует в этом странном микромире, закономерность, подобную системе элементов Менделеева.

История всего этого начинается, конечно, не в Дубне. Она начинается далеко-далеко отсюда, в пределах нашей Галактики, или, может быть, еще дальше, в других галактиках. Вот вспыхнула сверхновая звезда, испуская при взрыве, как считают некоторые, космические лучи. В тот самый момент, когда вы читаете эти строки, они бомбардируют нашу планету. Еще никто не определил первоначальную энергию этих космических путешественников. Среди них есть группа частиц, обладающих энергией в тысячу триллионов, или 10^{15}, электроновольт. Не удивительно, что космические лучи обнаруживают глубоко под водой, и под землей, и в угольных шахтах. Большинство космических лучей тратит всю свою энергию в верхних слоях атмосферы. И если счастливому ученому удается поймать космический луч в прибор, он не может ни управлять им, ни направлять его по собственному желанию. В лучшем случае «ловля» космических лучей — это соревнование в эффективности аппаратуры. Поэтому физики-ядерники уже давно начали мечтать о «самодельных» космических лучах, которые можно было бы создавать здесь, на Земле.

Одним из тех, кто размышлял над этой проблемой, был бывший помощник электромонтера, который стал потом лаборантом в рентгеновской лаборатории Всесоюзного электротехнического научно-исследовательского института и одновременно упорно изучал физику. Если взять протон, размышлял он, и ускорять его движение, не сможет ли он выполнить роль космической частицы?

Работая днем, учась по вечерам, этот молодой человек напряженно думал. И он действительно изобрел, как ему казалось, новый ускоритель частиц, но только для того, чтобы узнать, что кто-то другой, в какой-то другой стране, уже изобрел подобный прибор.

Звали этого молодого человека Владимир Векслер.

Я хочу рассказать историю Векслера. Когда ему было семь лет, он остался сиротой. Его отец погиб в первый год первой мировой войны, а мать вскоре после этого вышла замуж. Затем пришла революция, и в 1920 году — тогда мальчику только что исполнилось тринадцать — его взяли в детский дом, являвшийся частью целого детского городка имени Коммунистического Интернационала.

Академик Владимир Иосифович Векслер, невысокого роста, худенький человек, кажется совсем маленьким в таком большом, залитом солнцем кабинете. Разговаривая, он слегка шевелит своими тонкими пальцами.

— При нашей школе был кружок юных физиков,— говорит он.— Руководитель кружка хорошо знал, как заинтересовать мальчишек такого возраста...

Но не только физика интересовала в те дни молодежь. Это были суровые дни, наполненные борьбой, которая уже в раннюю пору юности требовала умения принимать решения. Мальчик вступил в комсомол.

— Я был активным комсомольцем. Поэтому комсомольская организация послала меня на текстильную фабрику имени Свердлова в Москву. Это была большая текстильная фабрика, которая в прошлом принадлежала немецкому капиталисту Гюбнеру.

История жизни академика Векслера — это история буквально миллионов советских юношей и девушек, история целого поколения, которое теперь занимает ответственные посты в правительстве и промышленности, возглав-

ляет прогресс науки и направляет страну к берегам коммунистического общества. Это история напряженнейшей работы, постоянное самоотречение, необходимость сводить концы с концами сегодня, чтобы постигнуть науку и технику завтрашнего дня; это восемь часов у станка и еще восемь за книгой; это вечерние институты, курсы без отрыва от производства, экзамены; это рост силы, которая способна уже выполнять те задания, которые тебе поручены, и никогда не прекращающаяся учеба в дни войны и в дни мира.

Во время работы в Электротехническом институте целью поисков молодого ученого была разработка чувствительного метода обнаружения жесткого излучения — с помощью так называемого пропорционального счетчика,— впоследствии давшего ему возможность обнаружить новые явления в космических лучах. Этот прибор помог ассистенту лаборатории и в другом: он привлек внимание академика Вавилова, и тот пригласил молодого физика работать в Физическом институте имени П. Н. Лебедева Академии наук.

Это было то время, когда ядерные исследования повсюду начали выходить из младенческого возраста. Из Ленинграда в Москву приехал Д. В. Скобельцын и возглавил лабораторию атомного ядра в институте. Академик С. И. Вавилов собрал в Физическом институте когорту людей, имена которых хорошо известны всему миру: Л. И. Мандельштама, И. Е. Тамма, Д. В. Скобельцына, Н. Д. Папалекси, Г. С. Ландсберга — и группу молодых физиков, ставших учениками этих прославленных людей науки,— П. А. Черенкова, С. Н. Вернова, И. М. Франка и В. И. Векслера. Теперь Векслер всерьез занялся своими «самодельными» космическими лучами.

Идея ускорения частиц сама по

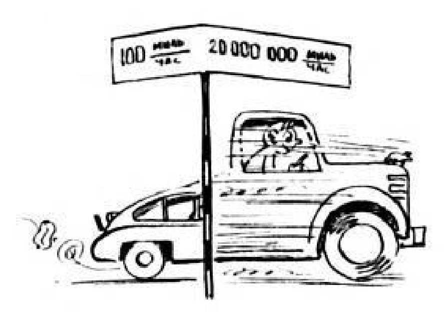

Академик В. И. Векслер.

себе была не нова. В нескольких странах уже были созданы ускорители— циклотроны и бетатроны. Е. О. Лоуренс в США заставил частицы вращаться по спирали, и в каждом витке он «подгонял» их, увеличивая их скорость, и они приобретали энергию до 10 миллионов электроновольт.

Но на этом все остановилось.

Проблема, которую нужно было преодолеть для создания искусственных космических лучей, была связана с законом, сформулированным Эйнштейном: $E = mc^2$, то есть энергия равна массе, умноженной на квадрат скорости света в вакууме. Поскольку скорость света, а следовательно, и ее квадрат есть величина, безусловно, постоянная, масса тела возрастает вместе с ростом энергии. Обычно мы не замечаем таких процессов,

потому что энергии, с которыми мы сталкиваемся в обычной жизни, не изменяют в заметной степени массы вещей, с которыми мы имеем дело. Разница между массой машины, идущей со скоростью 10 миль в час, и массой той же машины, которая движется со скоростью 100 миль в час, слишком мала, чтобы ее можно было измерить. Но если та же самая машина будет двигаться со скоростью 20 миллионов миль в час, картина станет уже совершенно другой.

Если мы посмотрим на этот процесс **очень внимательно**, то получится, будто бы вы начали поездку в небольшом четырехместном автомобиле, который по мере того, как скорость его возрастала, постепенно превращался в десятитонный грузовик. Именно это и происходило с частицами в ускорителях старого типа: они становились слишком «тяжелыми» для дальнейшего ускорения.

Векслер нашел закон, который позволял ему обойти эту трудность. В то время как частицы в синхротроне вращались, прибавляя в скорости и в массе, Векслер увеличил и силу магнитного поля, которое заставляет их вращаться по спирали, и частоту электрических импульсов, которые толкают их вперед.

Профессор Векслер объяснял мне все это **не так**. Рассказывая о себе и своей жизни, он колебался, подыскивал слова, и было ясно видно, что он чувствует себя неловко, говоря о личных делах. Но он сразу же оживился, когда разговор перешел к физике и к тому процессу, который дает науке возможность ускорять частицы до высоких энергий и до скоростей, приближающихся к скорости света,— к процессу, которому Векслер дал название «автофазировка». Он быстро поднялся со стула и подвел меня к обыкновенной черной доске, самой заметной детали обстановки кабинета, если не считать письменного стола. Его рука, держащая мел, летала по доске.

— Вы поняли все это, да? — спросил он меня, кончив.

— Да...

Я чувствовал себя не очень уверенно. Мой мозг работал вовсю, но я не мог не сознавать, что мой собеседник удалился от меня в мир символов, знаков и расчетов, где я не мог поспевать за ним.

— Профессор Векслер,— спросил я, помедлив,— скажите, сколько времени вам понадобилось, чтобы найти принцип автофазировки?

Он вернулся к своему столу.

— Я думал над этим несколько лет. Но основное, что позволило решить задачу, пришло в одну ночь.

Он опубликовал свою работу об этом в 1944 году. Около года спустя независимо от него американец Макмиллан пришел практически к той же мысли. Причуда судьбы, которая так часто бывает в науке, произошла и на этот раз: снова открытие было сделано двумя людьми. Но на этот раз приоритет принадлежал Советскому Союзу.

Было ли это нечто бо́льшее, чем совпадение? Не было ли это символичным?

Может быть. Может быть, и символичным, ибо выражало собой рост возможностей, научных и индустриальных, первой социалистической страны в мире.

Говоря об этом, профессор Векслер очень просто сказал:

— А вы сравните-ка состояние науки пятнадцать лет назад и сейчас в Соединенных Штатах и Англии, с одной стороны, и в Советском Союзе — с другой.

Во время разговора он играл большим конвертом, лежавшим на столе. Я заметил на нем американские почтовые марки и разглядел имя отправителя: Колумбийский университет, Нью-Йорк.

— Мы обмениваемся опытом,— сказал Векслер.— А вот в этом письме нас просят провести для них опыт на нашем синхрофазотроне.

— И вы его проведете?

— Почему бы нет?

Он улыбнулся.

— В некоторых областях они перегнали нас. В некоторых — возьмите, например, наши спутники — впереди мы. Но не забывайте: темп развития!.. Темп развития в нашу пользу. Это объективный фактор. Даже если правительство Соединенных Штатов вложит в исследования еще больше миллионов долларов, социалистическая наука все равно превзойдет прогресс науки в капиталистических странах. Видите ли, деньги — вещь важная, но они всего не решают. Решают люди, кадры. А в Советском Союзе есть неистощимые источники научных талантов.

— Вы сами, профессор,— сказал я,— являетесь примером развития научных талантов при социализме.

— Примером? — переспросил он.— Я не исключение. В этом-то и дело.

Дубна.

В круглом храме науки, воздвигнутом в городе Дубне, нет ничьих изображений: ни богов, ни смертных. Там в самом центре, под куполом, стоит полукруглый «алтарь». Но на нем не приносят никаких жертв, не курят фимиам, не возжигают светильников. Вместо этого на «алтаре» — сотни измерительных приборов, шкал, кнопок, переключателей. Это механизм управления волшебством, которое творит здесь человек. Над «алтарем» висит лампа. Сейчас она горит зеленым светом — вы можете чувствовать себя спокойно, вы можете оставаться здесь. Когда она загорится желтым — остерегайтесь. А когда зажжется красный свет — бегите! Красный свет значит, что все вокруг излучает невидимую угрозу — радиоактивность!

«Святая святых» в центре этого храма науки окружена кольцом, как бы беговой дорожкой протяженностью метров в двести. Но на этой дорожке не происходит гонок ни лошадей, ни собак, ни каких-либо других животных, которых зрители приветствуют криками. Дорожка находится за двойными стенами и не пропускает воздуха; пятьдесят шесть насосов непрерывно создают там вакуум. Эта беговая дорожка представляет собой огромное электромагнитное поле, напряженность которого достигает 13 тысяч эрстед; магнитное поле Земли, которое заставляет танцевать все стрелки всех наших компасов, имеет всего лишь 0,2—0,3 эрстеда.

Гонки, которые проводятся на этом «треке», происходят в мертвой тишине. Продолжаются они 3,3 секунды, и за эти 3,3 секунды крошечные участники гонок, протоны, обегают дорожку четыре с половиной миллиона раз, покрывая расстояние почти в два с половиной раза большее, чем расстояние от Земли до Луны, и до-

стигая скорости в 282 тысячи километров в секунду. Для хорошего спортсмена нужно было бы секунд двадцать пять, чтобы пробежать один круг по этому треку; протон, обладающий в конце своего пути энергией в 10 миллиардов электроновольт, пробегает последний круг меньше чем в одну миллионную долю секунды.

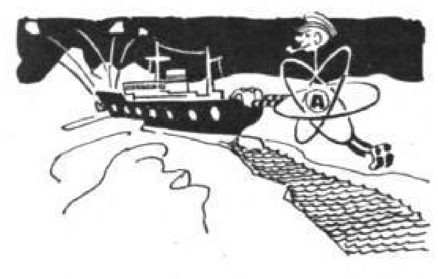
И с такой энергией он ударяет по своей цели. Настоящая космическая частица, но только созданная человеком — протон ударяет в ядро такого атома, который ученые, разместившись в отдаленном здании, захотят подвергнуть подобному воздействию. Защищенные от влияния атомной радиации, ученые на своих приборах получают данные о частицах и силах, которые являются основой всей существующей материи.

Теперь возникает вопрос: какова цель всего этого? Для чего созданы эти гигантские машины, которые стоят миллионы рублей? К чему направлены упорные усилия тысяч людей: рабочих, инженеров, ученых? Какая польза от этих мезонов, позитронов и всего прочего?

Я задавал такие вопросы не одному советскому физику. Обычным ответом было пожатие плеч. Создается впечатление, что никакого немедленного практического применения от этого не ждут.

Но они могли бы сослаться на хорошо обдуманную точку зрения профессора Д. И. Блохинцева, руководителя Дубны: никогда в истории науки ученые-физики, отправляясь в поиски по новым, неизведанным дорогам, не возвращались с пустыми руками.

И это совершенно правильно! Когда в начале XIX столетия ученые заставили отклониться стрелку компаса с помощью электрического тока, могли ли они предвидеть, что их исследования окончатся созданием электромотора? Когда в тридцатые годы XX века ученые бомбардировали ядра урана нейтронами, могли ли они предвидеть, что их опыты вызовут к жизни атомные электростанции, приводимые в движение атомной энергией ледоколы, а потом и са-

молеты и — такова уж печальная особенность нашего времени — атомные бомбы?

Профессор Векслер сказал мне:

— Мы хотим **знать**. Мы хотим изучить природу элементарных частиц. Мы хотим исследовать строение материи. Мы уже установили, что все эти частицы связаны между собой и что мы можем создавать одни частицы из других, так что возможен вывод: Вселенная представляет собой единство, единое целое.

Это уже смыкается с философией. И действительно: поскребите как следует физика — и вы обнаружите философа. Но давайте оставим на некоторое время философию в стороне. Давайте вместо этого пофантазируем: что же может случиться, если физики доберутся до самого дна того, что заставляет Вселенную жить, если они изучат законы сил, которые удерживают частицы в ядрах атома, если они смогут превращать и использовать частицы?

Все это не так уж недосягаемо. Вернемся к формуле Эйнштейна: энергия равна массе, умноженной на квадрат скорости света в вакууме. Эта формула значит, что

Профессор Б. М. Понтекорво.

крошечный «кусочек» массы представляет собой огромное количество энергии, при условии, что вы можете превратить его в другую форму энергии. Поэтому щепотка урана может дать такой большой взрыв, не говоря уже о водородной бомбе.

Вопреки представлению простого человека, совсем не вся щепотка урана целиком превращается в энергию, которую можно использовать. Хиросиму разрушила только очень незначительная часть щепотки; и только небольшая часть урана в руках мудрых людей нагревает котлы на атомной электростанции.

Что же происходит здесь на самом деле? В результате бомбардировки нейтронами ядро атома элемента урана расщепляется. Оно распадается на два ядра атомов двух других элементов, скажем, стронция и ксенона. Но если вы сложите массы ядра стронция и ядра ксенона, то вы обнаружите, что их общая масса будет немножко меньше, чем бывшего ядра урана. Что-то «исчезло», не много, но исчезло совершенно определенно. И это «что-то», эта почти неуловимая разница между ядром урана, с одной стороны, и ядрами стронция и ксенона — с другой, и есть то, что превратилось в новую форму энергии.

Предположим, однако, что вы можете превратить бóльшую часть или, может быть, всю потенциальную энергию массы ядра в тепло, свет или другую активную форму энергии, что тогда?

Какие беспредельные горизонты!

Здесь таятся источники, которые дадут человеку обладание скоростью света и понесут его к отдаленным звездам. Здесь находятся средства изменения природы, которые сделают сегодняшнюю Цимлянскую электростанцию в глазах будущих поколений тем, чем бронзовые орудия наших праотцев являются в наших глазах.

Таков первый взгляд в эпоху будущего — эпоху, которую открывает Дубна, эпоху космоса.

Перспективы

В лаборатории высоких энергий я беседовал с профессором В. А. Петуховым о различных подходах к использованию физических явлений.

— Физические явления повсюду одни и те же. Все зависит от того, кто решает, как они должны быть использованы,— заметил Петухов.

— Верно,— сказал я.— Но иногда я не могу не думать о том, что, может быть, было бы лучше оставить эти ядра атомов так, как их создала природа — нерасщепленными, невзорванными, нетронутыми...

Он покачал головой.

— «Дух» атома выпущен из бутылки, и никто не сможет загнать его обратно. Нам нужно научиться, как сдерживать его, чтобы он не создал хаос и уничтожение. И надо, кроме того, заставить его служить нам, служить людям.

Звучало это просто, но очень часто самые простые вещи сделать сложнее всего. Я рассказал профессору Петухову о группе американских физиков-атомников, которых я повстречал на вечере в Нью-Йорке в 1946 году, и о том, что мне не приходилось видеть более несчастной и мучимой совестью группы людей.

— Вы что же, находите, что и мы несчастны и что и нас должна мучить совесть?

— Нет.

— Встречались ли вы с профессором Понтекорво?

— Да.

— Так вот, профессор Понтекорво приехал к нам с Запада. Он работал в Соединенных Штатах и в Великобритании и был одним из ведущих ученых-атомщиков. Нашли ли вы, что здесь он несчастен из-за своей работы?

Я улыбнулся. Бруно Понтекорво показывал мне в Дубне старшего, но меньшего по объему, брата нынешнего синхрофазотрона. Это был синхроциклотрон. И мне даже не надо закрывать сейчас глаза, чтобы представить себе живого, с узким лицом человека, пробирающегося впереди меня по сложному лабиринту внутренностей синхроциклотрона. Он обращал мое внимание на форму машины, которая напоминает мостик боевого корабля, и восклицал на своем своеобразном английском со следами итальянского акцента: «Разве это не пре-е-екрасно!» И снова, в другой комнате того же здания, где в толстой стене прорезано небольшое отверстие, чтобы дать дорогу частицам, и где странные приспособления, стальные блоки и щиты из бетона раскиданы повсюду, словно ими только что играл какой-то молодой Гаргантюа: «Разве это не пре-е-екрасно!»

Да, это был счастливый человек! Счастливый своей работой, гордый этим огромным механизмом, довольный своими товарищами.

Я спросил профессора Понтекорво, почему он оставил Запад, где он был уважаем как ученый, как ведущий специалист в области ядерной физики и где он, вероятно, пользовался всеми благами комфорта, который дает таким людям капитализм.

Юношеский энтузиазм, который, казалось, был главной чертой характера Понтекорво, неожиданно угас, как только я задал этот вопрос. Его лицо стало мрачным.

— Хиросима уже была достаточно грязным делом,— сказал он.— И с каждым днем оно становилось все грязнее...

А как грязно оно сейчас! И какие трагические вещи происходят из-за этого с учеными, имеющими совесть!

27 июня 1958 года агентство «Юнайтед пресс» сообщило из Чикаго:

«Математик Дональд А. Фландерс, 57 лет, брат сенатора-республиканца Ральфа Е. Фландерса из Вермонта, был найден сегодня мертвым в своем доме. Причиной смерти, очевидно, послужила большая доза снотворного. Фландерс, чей математический гений помог в Лос-Аламосе, Нью-Мексико созданию атомной бомбы во время войны, был директором отдела прикладной математики в Национальной лаборатории Аргонна вблизи Чикаго, принадлежащей комиссии по атомной энергии. Его жена Сара нашла написанную им от руки записку на листке бумаги, в которой, в частности, говорится: «Я не могу больше ходить в лабораторию. Там слишком многое решается, но я чувствую, что не в состоянии участвовать в этом... Прости меня за то, что я сделал, но я должен был сделать это».

Профессор Петухов подвел итог:

— Я не думаю, что вы найдете здесь кого-либо, кто испытывал бы из-за своей работы в области ядерной физики такие же чувства, какие должны испытывать наши коллеги-ученые в условиях капитализма, когда они пытаются заглянуть в свои сердца. Причина этого, я думаю, в том, что цели нашей научной работы находятся в гармонии с целями всего общества.

— Иными словами,— сказал я,— вы, как кажется, не страдаете от тех конфликтов и противоречий, которые возникают, когда один класс населения создает все ценности, а другой класс присваивает их?

— Разумеется, ведь у нас нет капиталистов,— подтвердил он.

— Очевидно,— сказал я,— было бы желательно создать повсюду такое положение вещей, при котором капиталисты не могли бы использовать силы, развязанные физиками, чтобы шантажировать народы и угрожать им новой и еще более ужасной Хиросимой. Но это потребует времени. Миллионам людей придется осознать все на собственном опыте, чтобы прийти к правильным выводам.

— Мои коллеги там,— профессор Петухов показал рукой в том направлении, где закатившееся солнце еще окрашивало небо красным цветом,— делают все, чтобы поскорее пробудить это сознание.

Я взглянул на него. Было непохоже, чтобы он шутил.

— Физическая наука,— спокойно сказал он,— будет содействовать ускорению падения капиталистической системы.

Из новой книги

Андрей **МАЛЫШКО**

Рисунки Ю. КОПЕЙКО.

* * *

Я видал его лишь на портрете,
Когда в школу прибегал юнцом.
В старой кепке, проще всех на свете,
С просветленным он стоял лицом.

В радости, в печали был он с нами,
Так тогда все в нашей жизни шло.
Залп «Авроры», революций пламя
Озаряли Ленина чело.

В человеческом, сердечном взоре
Каждый видел путь далекий свой,
Дни свободы на родном просторе,
На земле, отныне молодой.

Все я помню: и снега, и ночи,
И портрет тот в школе на стене,
И живые ленинские очи
Прямо в душу вечно смотрят мне.

* * *

Я не прожил свой век в тишине, за глухою стеною,
Буду вам говорить то, что в сердце записано мною.
Слышал я, как в лугах на днепровском приволье широком
Прорастала трава, налитая живительным соком,
Видел птицы полет ввысь, к весенним стремительным тучам,
С нею в думах тревожных летел я, как с другом могучим,
Слушал ветви дубов, что в ночи против бури стояли.
Видел росчерки молний, что в сумраке хмуром сияли.
Кто ж мне скажет теперь, что я жил за глухою стеною?
Буду вам говорить то, что в сердце записано мною!
Знал я верных друзей, тех, что дружбу, не хвастаясь, ценят,
Похвальба — это прах, а друзья никогда не изменят.
Я их думами жил, и они мои думы любили,
Я им сил придавал, и они мою силу растили.
Я к ним в дом приходил, как в отцовскую хату родную,
И они в мою хату топтали дорожку прямую.
И была их сердечность и хлебом и солью богата,
И стояли мы в дружбе, как брат возле кровного брата.
Кто ж мне смеет сказать, что я жил за глухою стеною?
Буду вам говорить все, что в сердце записано мною!
Над заросшей тропинкой встречал я любимые очи,
И они мне в дороге светили, как звезды средь ночи,
Поцелуи любимой, объятий ее полыханье —
Как любимой земли, как родной Украины дыханье.
Может, в эти года, дорогие мои побратимы,
Я кому-то помог и душою и песней родимой.
Пусть откликнулась песня, быть может, чуть слышной струною,
Ведь не все еще в сердце сегодня записано мною!

ДЕТСТВО

Да, я тут жил и в тех бродил местах,
Где из окна лучи летели в очи,
Где новый век вставал из мрака ночи
Среди дорог в еще пустых полях.

Нет, не от сытости я пух в те годы
И в двадцать первом хлеб жевал сырой!
Теперь, когда и хлеб и соль со мной,
Я вспоминаю прошлые невзгоды.

А что их вспоминать? Была пора...
В тифу сыпном лежала детвора
В каморке дедовской бедняцкой хаты,
Где окна — в землю, а на двери — кляп,
Где мокли тряпки в мисочке щербатой
И капли все роняли — кап да кап.

Все кап да кап... А батька ел конину,
Сбирал в лесу бруснику да малину,
Ел можжевельник, лебеду, мякину.
И богачей молил он без конца
Иль хлеба одолжить, или пшенца.

Они же отвечали: — Хлеба нету!
Коль денег нет, копи себе монету!
И шли дожди среди осенних нив...
Так я и жил, кругом все исходив.

Но все же выжил я для жизни новой,
Брожу опять среди крутых дорог
Лишь потому, что той порой суровой
Сам Ленин поглядел на наш порог.

В тот горький год, в том сумраке глубоком,
Когда одни страданья ночь несет,
И обо мне, голодном, одиноком,
Ильич подумал средь своих забот.

И выжил я под тем суровым небом
Лишь потому, что верно, честно рос.
Для жизни мне тогда краюху хлеба
От Ленина буденовец принес.

Перевел с украинского
Вс. Рождественский.

* * *

Я тебе ничего приготовить не смог —
Ни роскошной квартиры, ни мягкой постели,
Только дум неусыпных огонь и веселье,
Только дальние дали бескрайних дорог.

Я с гонцами тебе не пошлю свой привет,
Ведь в отряде моем порасседланы кони,
Только клекоты сердца в бессонном разгоне,
Как всегда, полонят твой безоблачный свет.

Я давно не пишу тебе писем, прости,
Ведь бумага сгорает от нашей разлуки!
А мечтанья мои и разлив этой муки
Не берутся на почте к тебе донести.

Может быть, мне в дорогу послать соловья?
Пусть летит он, счастливый, в родные края!
Пусть поет он в раздолье, там, на тополе в поле,
Под окном, как надежда моя!

Перевел Б. Кежун.

* * *

Лугов осенних теплая краса,
Бой перепелок, сенокос, веселье
И даль дорог в глазах стоят доселе,
Звучат полей родные голоса.

И ты храни и унеси с собой
Вот это небо с тучкой голубой,
Напев девичий, песню хоть простую,
Но для души твоей всегда живую.

Чем я бы стал и что бы сделать мог
Без тех людей, без ясных тех дорог
И без огней у полевого стана,
Где хлопцы-трактористы утром рано,

Пропахшие автолом и бензином,
Вагончик свой покинув кочевой,
Уходят вдаль, чтоб по полям равнинным
Вести мотор заботливой рукой?

Храни в душе все эти голоса,
Пусть радуют тебя на вольной воле
Лугов осенних теплая краса
И песнь девичья в предвечернем поле.

О песнь девичья в предвечернем поле,
Лугов осенних теплая краса!

Перевел Вс. Рождественский.

* * *

Чья-то каска в полях лежала,
В борозде весенней земли.
Темно-бурой окисью ржавой
Две пробоины обросли.
Может, очередь автомата
Зацепила ее в бою
И последняя в жизни дата
Смертью выбита на краю?
Может, падал солдат в разгоне
Боевых незабвенных лет,
Крепко стискивая в ладони,
Словно жизнь свою, партбилет?
Свет померк в очах его синих,
Словно сеть, порвались года,
Лишь звезды огонь негасимый
Не туманится никогда.
Засверкала пятью углами
Сквозь цветение вешних дней:
Это нашей Отчизны пламя
Навсегда загорелось в ней.
Прямо к солнцу летит без страха,
Алой птицей в небе паря,
Над железа истлевшим прахом,
Правду всем в лицо говоря.

* * *

Хлеба по широкому полю,
Как золота слитки, блестят.
Над ними в небесном приволье
Созвездия тихо летят.

А встанут девчата на стане,
Хлеба, пробудясь ото сна,
Колышут кистями в тумане,
К копне подступает копна.

Любой колосок золотистый
Янтарным зерном озарен
И слышится медленный, чистый
Колосьев торжественный звон.

И копны, что шлемы подъемлют,
Касаются края зари,
Как в битве за отчую землю
Отважные богатыри.

И с песней своею звенящей
Девчата идут по земле,
И месяца серпик горящий
Висит за комбайном во мгле.

Перевел Б. Кежун.

Новости искусства

Спектакль о юной Банат

Казахстан — это героика и романтика сегодняшнего дня. Это — преодоление трудностей. Это — подвиги молодежи на целине. Это — сотни миллионов пудов хлеба... И именно поэтому восстаем мы особенно резко против цепких пережитков прошлого, мешающих жизни молодого, нового Казахстана.

...Юную казашку Банат продала ее бабка Улжан старику Каратаю. Банат не посмела ослушаться приказа своей единственной родственницы, старшей в семье, и пошла замуж за нелюбимого. Потянулись дни, полные попреков и унижений. Сила неписаных законов, утверждающих на всю жизнь власть мужа над женой, еще жива здесь, в далеких юртах, говорит нам пьеса В. Пистоленко «Неписаный закон». Мы видим, что эти неписаные законы еще способны отравить жизнь людям, изуродовать их судьбу. Но эти законы осуждены на слом. На целину приходят новые люди, новые законы.

Сцена из спектакля Театра имени Евг. Вахтангова «Неписаный закон». Банат — Ю. Борисова, Каратай — И. Толчанов.

Фото М. Чернова.

Новое в нашей жизни и утверждает спектакль, идущий на сцене Театра имени Евг. Вахтангова.

Постановщик Р. Симонов, режиссер А. Граве, художник И. Рабинович стремились к созданию зрелища героино-романтического, в котором тема новых человеческих отношений, любви светлой, оптимистической звучала бы даже в трагических коллизиях. Передовое и уходящее, отсталое в спектакле резко разграничены. Постановщиками и актерами подчеркнуты контрасты света и тени.

Прелестный образ Банат создает Ю. Борисова. Он изящен, но значителен, почти трагедиен и в то же время полон детской наивности, комической трогательности. А какую силу темных и жестоких страстей раскрывает Каратай — И. Толчанов!

Борьба с тяжелыми пережитками, предрассудками, неписаными законами старой морали идет в нашей жизни активно и небезобидно. На пути к счастью много трудностей и преград. Их надо преодолевать! Нельзя мириться с ними, нельзя проходить мимо, когда человек оказывается в беде!.. Такова главная мысль спектакля.

Вл. ПИМЕНОВ

ВАНЯ ВЫХОДИТ В ЛЮДИ

На экраны вышел фильм Свердловской киностудии «Ваня» (сценарий О. Стукалова, удостоенный третьей премии на Всесоюзном конкурсе; оператор — И. Лукин).

Для режиссеров А. Дудорова и А. Шульмана это первый художественный фильм. Для Л. Жукова, воспитанника Ленинградского театрального института имени А. Островского, роль Вани — первая роль в кино. Для студентки ВГИКа Н. Защипиной, известной зрителю по картинам «Жила-была девочка», «Слон и веревочка», «Первоклассница»,— первая взрослая роль.

Кинокартину «Ваня» аудитория встречает с пристальным вниманием. Здесь идет речь о нашем современнике, о становлении человека, о судьбе рано осиротевшего паренька, которому помогла выйти в люди большая и дружная семья рабочих автозавода.

Ваня, герой картины, сразу же завоевывает наше сердце. Сквозь все невзгоды и испытания проносит он незапятнанными самые драгоценные человеческие качества: нравственную чистоту, стремление трудиться на благо людей, искреннюю веру в товарищей. А между тем путь его далеко не усеян розами. Осиротевший паренек попал под влияние уголовника и, ложно обвиненный в краже, даже побывал в заключении.

Ваня — артист Л. Жуков.

Обаяние фильма в том, что авторы рассказывают непритязательную жизненную историю не с умилительной жалостью к бедному Ване, а с хорошей гордостью за человека, сумевшего выдержать тяжелые испытания. Зритель понимает, что такого, как Ваня, никакая беда не пригнет к земле.

Мы ощущаем всю глубину человеческого обаяния, силу души и большую любовь к людям у парторга завода Крыльцова (актер И. Дмитриев). Он не митингует, не произносит назидательных речей, а просто старается сделать счастливее и лучше жизнь людей.

И все же авторы фильма не всегда отказываются от соблазна побродить по исхоженным тропам, подчас они поддаются искушениям кинематографического штампа. Тогда в картину прокрадывается фальшь.

Досадно, например, что киноапартаменты, где живет парторг Крыльцов с дочерью Леной (Н. Защипина), которую полюбил Ваня, пышно задрапированы тюлем, заставлены богатой полированной мебелью. От этих кадров веет каким-то барским благополучием, той «устроенностью», которая плохо вяжется с беспокойным характером человека, постоянно думающего не о себе, а о других.

Ф. МАРКОВА

В БЕСЕДЕ С ЖЕРАРОМ ФИЛИПОМ

Жерар Филип в роли князя Мышкина.

Во многих интересных фильмах видели советские зрители одного из самых популярных артистов французского кино, Жерара Филипа.

«Фанфан-Тюльпан», «Красное и черное», «Тиль Уленшпигель» — во всех этих картинах артист исполняет главные роли.

Мы попросили Жерара Филипа поделиться с читателями «Огонька» своими творческими планами.

— С большим вдохновением,— сказал он,— я продолжаю работать в Национальном народном театре. Из всех сыгранных мною ролей больше всего люблю Сида, Лорензаччо, Рюи Блаза в одноименных пьесах Корнеля, Мюссе, Гюго. Очень хочется поработать над пьесами Горького и Чехова. Мы, артисты Франции, хорошо знакомы с творчеством этих больших художников России.

В кино я дебютировал в 1943 году. За шестнадцать лет пришлось сниматься много раз. Наиболее удачной работой в кино считаю роль князя Мышкина в экранизации романа Достоевского «Идиот».

В марте я поеду в Мексику, где снимается большой фильм «Горная лихорадка». Буду играть секретаря губернатора — слабого и безвольного человека. Случайная встреча с девушкой переворачивает все его мировоззрение. Теперь он во имя любви и высоких идеалов борется против установленных порядков, требуя улучшения жизни для свободолюбивого мексиканского народа. Карьера моего героя рушится. Он вынужден бежать. Но на границе его хватают по указанию губернатора. Он беззащитен. Он убит...

Эта картина должна появиться осенью.

Большим праздником для любителей кино был вечер в парижском клубе «Синематека», посвященный творчеству величайшего режиссера мира — Сергея Эйзенштейна. С большим вниманием смотрели мы его картину «Иван Грозный», классическое произведение русского режиссера-философа. Все были также очень рады творческим и дружеским встречам с нашим большим другом, советским кинорежиссером Сергеем Юткевичем.

Пользуюсь случаем передать советским зрителям сердечный привет и наилучшие пожелания.

ЖИЗНЕРАДОСТНОЕ ТВОРЧЕСТВО ХУДОЖНИКОВ ВЬЕТНАМА

Природа щедро одарила народ Вьетнама художественным талантом. Недаром в одной песне поется:

Нет ничего выше, чем человек,
Нет ничего прекраснее, чем его умелые руки...

Вьетнамская девочка с семи лет начинает учиться вышивать. Ее изумительно тонкие цветные шелковые узоры на платьях всегда отличаются от вышивок подруг. А девушки умеют искусно ткать, затем на домотканые материи они накладывают рисунки огромных цветов, чудесных, с яркой чешуей рыбок, птиц с веерообразными длинными хвостами.

Отец передает сыну умение работать по розовому, черному, красному и сандаловому дереву. Но вьетнамский народ особенно ценит умельца, который делает лаком декоративные росписи на деревянных изделиях. К нему относятся с большим уважением и почтительно его называют хоа-си — художник. И действительно, каким совершенством должен овладеть человек, чтобы научиться накладывать краски на деревянные доски, ни разу не переделывая и ни разу не повторив рисунки другого мастера!

Всем этим владели древние мастера. Для росписи они использовали смолу лакового дерева, которая обладает удивительным свойством окрашиваться во все цвета. Цветным лаком покрывали блюда, чашки, подносы, шкатулки, коробки. Получались не только исключительно легкие, красивые вещи, но и практичные: лак сохраняет дерево от сырости, а во Вьетнаме более шести месяцев идут проливные тропические ливни.

Высока техника современных художников, обогащенная новыми приемами в решении объема, колорита, композиции, передачи света и тени. Насыщенная новым содержанием, живопись лаком подчиняется единому художественному замыслу. Каждая картина представляет ценность как законченное художественное произведение.

Окончилась война, жизнь на севере Вьетнама приобрела новые черты, мир и труд воцарились на свободной земле. Тема созидания занимает ведущее место в творчестве многих современных художников Вьетнама.

Вьетнамский крестьянин — сейчас хозяин земли. Вот радость коллективного труда в «Бригаде взаимопомощи за посадкой риса» работы Хоанг Тик Тю. Напоенное жаром синее небо. С необыкновенной грациозностью и легкостью крестьянки сажают рис. Как в танце, ритмичны их движения. Безупречный рисунок и живописная тонкость у Хоанг Тик Тю, продолжающего традиции старых мастеров!

Фан Кэ Ан, автор картины «Пограничные ворота дружбы Мук Нам Куан», дважды за последние годы удостаивался первых премий на всевьетнамских выставках за свои превосходные карикатуры и графические работы, созданные на фронтах в годы войны.

Лаки Чан Динь Тхо отличаются оригинальной композицией, богатством выдумки.

Его шедевр «Бамбук» — сочетание блестящей художественной техники с реалистическим методом передачи натуры. На ярко-красном фоне тщательно выписаны тоненькие золотистые побеги. Выразительность формы заставляет нас забывать об условности, и картина воспринимается как произведение реальное, живое, полное особой национальной красоты.

Обаятелен замечательный по колориту и тонкости выполнения «Ночной поход» Нгуен Хиема. Все залито лунным светом. Он окутывает деревья и реку с ее зеркальной гладью, на которой виднеются одинокая лодка и тени солдат Народной армии, идущих по тонкой бамбуковой шаткой жерди. Вся картина пронизана единым ритмом неудержимого движения вперед.

Точно драгоценная раковина со дна моря, играет сказочными цветами и картина на холсте студента-художника Ле Тхань Дыка «Лодки в морском заливе». Из изумрудно-зеленой воды выросли, словно гигантские чудовища, скалы, подернутые голубой дымкой. На фоне бирюзового марева на переднем плане лодки, длинные, узкие, выдолбленные из целого древесного ствола, с ребристыми парусами, похожими на крылья бабочек. Они переливаются перламутром.

Кроме живописи лаком и картин маслом на холсте, на выставке представлены и акварель и графические рисунки. В годы Сопротивления трудно было создавать скульптуры, живопись лаком. Интересно отметить, что именно в военной обстановке возрождаются эстампы в духе народного лубка, наброски, зарисовки, акварель в национальной манере, но с новым содержанием.

Очень популярны произведения одного из выдающихся современных художников Вьетнама, То Нгок Вана, героически погибшего в годы войны.

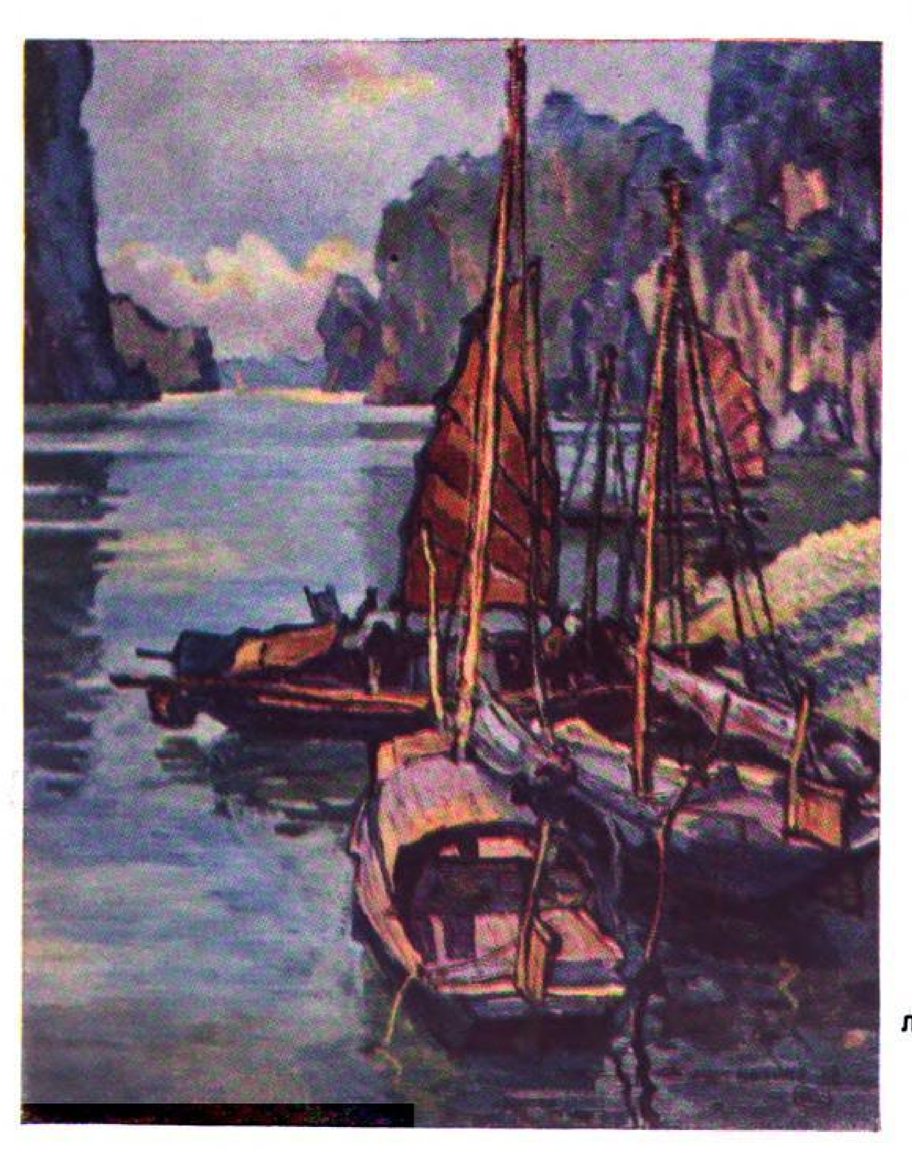
Искусство Вьетнама, наследующее богатые традиции прошлого, продолжает развиваться.

МУН СО НЭЙ

Нгуен Хием (Вьетнам). НОЧНОЙ ПОХОД. 1957 год.

Хоанг Тик Тю (Вьетнам). БРИГАДА ВЗАИМОПОМОЩИ ЗА ПОСАДКОЙ РИСА. 1958 год.

Фан Кэ Ан (Вьетнам). ПОГРАНИЧНЫЕ ВОРОТА МУК НАМ КУАН. 1958 год.

Ле Тхань Дык (Вьетнам). ЛОДКИ В МОРСКОМ ЗАЛИВЕ. 1958 год.

ФОРМАЛЬНОСТЬ

Азиз НЕСИН

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

Азиз Несин — известный турецкий писатель-юморист, автор сборников рассказов «Какая партия победит?», «Сумасшедший на крыше», «Собачьи хвосты», «Запасные части» и др. Активно сотрудничает в стамбульском юмористическом журнале «Акбаба». В 1957 году в Италии на конкурсе, организованном Международной ассоциацией писателей-юмористов, Азиз Несин получил первую премию за сборник рассказов «Торжество по случаю установки котла».

Публикуемый рассказ взят из сборника «Какая партия победит?».

Дом находился в самом центре Сары-йера [1]. Я порядком устал, пока добрался до него. Это был особняк, окруженный большим садом.

Ялчин — друг моего детства.

— У вас здесь чудесно! — сказал я.

— Это особняк моей тетки Гюхер.

Я приехал познакомиться с библиотекой Ялчина. Он привел меня в просторную комнату — настоящее книжное царство. Я даже растерялся, не зная, с какой полки начать.

— Мы и чай здесь выпьем,— сказал Ялчин.

Я принялся листать толстые фолианты. Вдруг откуда-то сверху раздался крик:

— Направление — сосновая роща!.. Шагом марш!.. Раз-два, левой!..

Голос был сиплый, дребезжащий.

Я на миг замер, не понимая в чем дело, но тут же снова увлекся книгами. Через минуту хриплый голос на втором этаже опять заставил меня вздрогнуть:

— Напра-во!.. Шаго-о-ом марш! Впе-ре-е-ед марш!..

Я хотел обратиться за разъяснением к Ялчину, но постеснялся. Будь это детский голос, не осталось бы сомнений, что какой-нибудь малыш играет в войну.

Развалившись в широких мягких креслах, мы пили чай. И опять за стеной кто-то прокричал:

— Направление — русло реки! Шагом марш!

Затем раздался грохот. Дверь распахнулась, и в комнату влетело существо (не то мужчина, не то женщина) в умопомрачительном наряде. На поясе — сабля. На голове — военная шапка, какие носили в незапамятные времена. Из-под шапки выбивались длинные седые волосы. Грудь увешана орденами и медалями. На ногах — короткие шаровары, поверх натянуты старые шелковые женские чулки.

Если судить по волосам и лицу, это была женщина, по костюму — мужчина.

Я тотчас вскочил. Ялчин удержал меня за руку.

— Познакомься, мой дядя Гюхер.

«Ага,— подумал я,— значит, это мужчина!»

— Как дела, молодой человек? — поинтересовалось странное существо.

— Благодарю вас, эфенди,— ответил я.

— Ефрейтору не говорят «благодарю». Надо отвечать: «Здравия желаю!» — И Ялчину: — Для артиллерийских битюгов требуется сено!

Существо опять воскликнуло: «Шагом марш!» — и выбежало из комнаты.

Я растерянно захлопал глазами.

Ялчин спросил:

— Разве я не рассказывал тебе про тетушку Гюхер?

— Нет. Но сначала скажи: это твоя тетка или дядя?

— И то и другое... Вот слушай, сейчас расскажу. Тетушка Гюхер жила в этом большом особняке с двумя приемными дочерьми. При ней постоянно воспитывались очередные две сиротки. Она растила их, потом выдавала старшую замуж и снова брала девочку на воспитание. Когда отца перевели в Стамбул, мы некоторое время жили в гостинице и никак не могли найти себе подходящего дома. Тетушка Гюхер предложила: «Переезжайте ко мне, будем жить вместе. Особняк большой. Одной скучно». Мать моя была намного моложе своей сестры и во всем ее слушалась. Мы переехали, зажили под одной крышей. Старший сын тетки Гюхер находился в то время в Америке, младший — в Измире, а дочь, примерно того же возраста, что и моя мать, жила с мужем в Мачке.

Так прошло несколько лет.

Однажды утром (мы с отцом еще не успели уйти на работу) я надевал в передней туфли. С улицы постучали. Открываю — на пороге полицейский с портфелем в руках. Спрашивает: «Здесь проживает Гюхер?»

Мне не понравилась фамильярность полицейского. Тетушке только что исполнилось семьдесят два года. Это была всеми уважаемая стамбульская ханым-эфенди. В Сары-йере ее величали не иначе, как «Гюхер ханым-эфенди» и «уважаемая ханым-эфенди». Ее знали почти все. А те, кто и не знал по имени, все равно говорили почтительно: «Сад уважаемой ханым-эфенди», «Дом нашей ханым-эфенди». И каждый понимал: речь идет о Гюхер ханым.

Я ответил полицейскому: «Да, здесь. А вам зачем?» «Позовите. Надо...»

К тому времени тетушка почти не вставала со своего кресла. Она любила покой и тишину. Возраст и полнота превратили ее в полулежачую больную.

«Это невозможно,— сказал я.— Что вам угодно? Передайте через меня...»

На голос вышел отец. «Да, да, она не может спуститься вниз»,— поддержал он меня. «Почему это не может? — удивился полицейский.— Мы-то знаем, как надо выносить людей...» «Несите, посмотрим...» — пожал плечами отец. «То есть вы идете против закона?» «Не-е-ет... Просто человек из-за полноты не может спуститься на первый этаж».

Глаза полицейского округлились: «Молодой парень — и такой полный? Не может спуститься вниз по лестнице?.. Невероятно!» «Молодой парень? Какой молодой парень? Ей за семьдесят...»

Полицейский еще больше вытаращил глаза и уставился в бумагу, которую держал в руке. «Тут сказано: двадцать два года. Хорошо... Но как он до семидесяти лет не отбыл воинскую повинность?» «Кто?» «Гюхер». «Что вы говорите? Гюхер ханым — женщина». «Аллах, аллах! Военный отдел разыскивает дезертира. Может, это какой-нибудь другой Гюхер?»

Моя мать родилась и выросла в Сары-йере. «По имени Гюхер здесь больше никого нет»,— заявила она.

Полицейский еще раз сверил адрес — никакой ошибки. Лицо его выразило недоверие. «Нет, очень прошу вас, пусть Гюхер спустится вниз. В конце концов, это ведь долг перед родиной. Все мы служили. Пришлось... От армии отвиливать не годится. Рука государства везде настигнет. Схватят, куда бы ни убежал...»

Полицейский и дальше продолжал бы свои наставления, но отец перебил его: «Она вниз не спустится. Пожалуйте наверх. Удостоверьтесь...»

Вмешалась мать: «Прошу прощения, будьте любезны, снимите здесь ваши ботинки. Гюхер ханым очень раздражительна. Может поднять скандал...»

Полицейский долго стаскивал с ног ботинки и гетры. Наконец мы поднялись наверх.

Тетушка Гюхер полулежала в кресле, колени ее были укутаны пледом. Полицейский так и застыл на месте.

Мы думали, тетушка рассердится, узнав, что ее разыскивают как дезертира. Но она только засмеялась, обратила все в шутку.

Полицейский опять заглянул в свою бумагу. «Ваше имя?» «Гюхер». «Верно. Фамилия?» «Егеноглу». «Тоже верно. Ваш отец?» «Министр Халим-паша, начальник арсенала»... «Правильно. Здесь тоже Халим... Ваша мать?» «Весамед»...

Полицейский: «Аллах, аллах! Все сходится. Но возраст и то, что вы не мужчина, портят дело. Следуя всей форме, сударыня, вы должны принести нам копию метрики, после чего мы напишем отношение в военный отдел».

Как сказал полицейский, мы, «следуя всей форме», сняли с тетушкиной метрики копию и отослали в полицейский участок. Не прошло

---

[1] Сары-йер — местечко в предместьях Стамбула.

двух недель, опять заявляется тот же полицейский, а с ним комиссар полиции. Оказалось, этот комиссар долгое время жил в Сары-йере и хорошо знал тетушку Гюхер.

«Мы составим протокол, ханым-эфенди»,— сказал он. «Помилуйте! — воскликнула тетушка.— Зачем же протокол, раз вы меня знаете?» «Формальность...» — объяснил комиссар.

Был составлен протокол, в котором говорилось, что тетушка Гюхер не мужчина, а женщина. Вместе с комиссаром и полицейским под протоколом подписались и мы. Прошло еще дней десять. И вдруг в особняк являются два солдата и один полицейский. Комиссар прислал сообщить: «Следуя всей форме, Гюхер ханым-эфенди должна явиться в военный отдел».

Мы запротестовали: «Да что это такое?» Лицо у полицейского подобрело. «Это же формальность, господа...»

По тому, как все произносили это слово, смысл его был таков: «Чепуха, пустяки, не стоит придавать значения, нет никакой ответственности... Хотя все-таки надо сделать».

Тетушка Гюхер вздохнула: «Э, ну раз такова формальность, что ж, поедем, посмотрим...» Легко сказать: поедем!

Мы на руках спустили ее в кресле вниз, усадили в экипаж, привезли в военный отдел. Начальник отдела, подполковник, что-то спросил у тетушки. Она ответила: «Мой муж был генерал. Вот уже двадцать лет, как он умер... Что же это получается?.. Вы хотите забрать в солдаты меня, семидесятидвухлетнюю старуху? Я жена Мемдух-паши».

Не успела она произнести это имя, как подполковник воскликнул: «Ах, моя дорогая ханым-эфенди!» Затем вскочил с места и принялся целовать тетушкины руки.

Оказалось, молоденьким лейтенантом он служил в подчинении Мемдух-паши и помнил тетушку Гюхер еще цветущей женщиной.

«Ах, ханым-эфенди!.. Неужто вы меня не узнаете? Мемдух-паша — мой благодетель».

Мы обрадовались: начальник военного отдела — наш близкий знакомый! Значит, можно считать, что тетушка Гюхер спаслась от ужасного обвинения в дезертирстве.

«Не огорчайтесь, ханым-эфенди! — успокаивал подполковник.— Подобные ошибки случаются часто. Но... у меня есть к вам одна просьба: по всей форме вам надо исправить свою метрическую запись. И все».

Тетушка рассердилась: «Дорогой мой, что за ерунда получается? В полицейском участке известно, что я женщина, и все-таки они посылают к вам. Вы тоже знаете меня еще со времен молодости, но, тем не менее, направляете в отдел регистрации актов гражданского состояния!» «Формальность, ханым-эфенди, формальность!» — улыбнулся подполковник.

Я обратил внимание: у каждого, кто произносил слово «формальность», лицо как-то добрело.

Мы вышли из военного отдела.

И вот чуть ли не каждый день к нам начали приходить солдаты, стражники, полицейские...

Сообщили: «Отдел регистрации актов гражданского состояния год рождения не подтверждает. Если ошибку не исправят, будем вынуждены забрать вас в солдаты».

Мы ударились в панику. Семидесятидвухлетнюю, толстую, как бочка, Гюхер ханым самым серьезным образом собирались призвать в армию!

Первыми на помощь примчались из Мачки тетушкина дочь с мужем. Мы все вместе отправились в управление отделов регистрации актов гражданского состояния. На наше счастье, начальником управления оказался школьный товарищ тетушкиного зятя. Больше того, он раза два был у нас в доме и прикладывался к ручке Гюхер ханым.

«Как же, я вас хорошо знаю!»—подтвердил он. Мы облегченно вздохнули.

Начальник не перепоручил нашего дела чиновникам. Занялся им лично. Встал и принес в кабинет регистрационные папки, заказал для всех чаю, принялся листать тетради.

«Да...— сказал он наконец.— Произошла ошибка. Неправильно указали год рождения. Надо было написать: 1301 год, а тут 1351[1]. Вот и получается, что Гюхер ханым-эфенди сейчас не семьдесят два года, а только двадцать два. И имя «Гюхер» ошибочно приняли за мужское».

Мы засмеялись. Наконец-то ошибка найдена! Провожая нас, начальник сказал: «Теперь, ханым-эфенди, чтобы исправить эту нелепость, вам надо обратиться в суд». «Какой еще суд, господи?!» «Формальность, ханым-эфенди. Суд — это пустая формальность. Однако без решения суда мы не можем ничего исправлять». «Голубчик, но при чем здесь я? Пусть в суд обращается тот, кто виновен в этой ошибке». «Ханым-эфенди, да ведь суд — это просто так, формальность...»

Мы вернулись домой.

Полицейские, солдаты продолжали осаждать особняк. Вот-вот тетушку заберут в армию. Видя, что все наши усилия ни к чему не привели, мы телеграфировали в Измир ее сыну: «Немедленно приезжай. Маму забирают в солдаты».

Он тотчас прикатил. Привез с собой жену и детей. А мы уже в страхе, что тетушку Гюхер заберут в солдаты, начали укрывать ее по знакомым: если старуху найдут, непременно погонят на призывной пункт.

Тетушка собрала нас всех и сказала:

«Дело нешуточное! Говорят: «Формальности, формальности...»,— а вот возьмут и забреют... Срочно принимайте меры!»

Приехавший из Измира младший сын тетушки Гюхер нанял известного адвоката.

Неожиданно нам повезло. Судья, которому предстояло разбирать тетушкино дело, оказался нашим знакомым. Он родился в Сарыйере и вырос у Гюхер ханым на руках. В детстве он почти не выходил из теткиного особняка.

Настал день суда. Тетушка Гюхер, поддерживаемая с двух сторон под руки, заняла место подсудимого.

Адвокат начал свою речь: «Уважаемый господин судья, взгляните на светлое чело моей подзащитной...» Он старался доказать, что тетушка Гюхер не дезертир, что она женщина, что ей семьдесят два года.

После двух заседаний суд вынес решение заслушать свидетелей. Дело отложили. Мы тотчас кинулись к судье домой. Судья поцеловал руки Гюхер ханым. Она вспыхнула, как порох: «Бессовестный! Да разве ты меня не знаешь? Какие тебе еще нужны свидетели?..» «Помилуйте, тетечка,—возразил судья,— это же формальность. Мы должны формально заслушать свидетелей. Найдите двух свидетелей, и хватит... Пустяковая формальность...»

После того, как все усилия родственников — сына, зятя, племянника, сестры, невестки — не дали результатов, мы авиапочтой отправили в Америку письмо старшему сыну тетушки: «Выезжай немедленно. Мать забирают в солдаты». Не прошло недели, получаем ответ: «Вы с ума спятили?» Пишем вторично: «Бросай все. Мать забирают в армию».

Старший сын с женой и детьми приехал из Америки. Узнав подробности дела, он пришел в страшную ярость. И на нас прикрикнул: «Простофили!»

Начали искать свидетелей. Требовалось, чтобы человек, подтверждающий возраст Гюхер ханым, сам имел минимум девяносто лет. К кому ни пойдем, никто не соглашается.

«Я,— говорит один,— не могу свидетельствовать. Семьдесят два года назад не то что я — мой отец еще на свет не родился». «Дорогой,— отвечаем,— ведь это формальность... Скажи, не семьдесят два, скажи, семьдесят, скажи, шестьдесят, даже пятьдесят... Скажи что угодно! Это же формальность...»

---

[1] В докемалистской Турции летосчисление велось по мусульманскому календарю. 1301 год хиджры (мусульманской эры) соответствует 1883 году христианской эры, а 1351 год — 1933 году.

Другой говорит: «На небе есть аллах. Можно ли свидетельствовать о том, чего не знаешь?»

Третий ему в тон: «Узнают — беды не оберешься. За лжесвидетельство наказывают строго».

С большим трудом удалось найти двух свидетелей: одному шестьдесят пять лет, другому — шестьдесят. Были заслушаны их показания, после чего судья принял решение направить тетушку Гюхер на медицинское освидетельствование за заключением, подтверждающим, что она действительно женщина. В момент, когда зачитывалось это решение, в зале суда присутствовали дочь тетушки, два сына и восемь внуков.

Пришлось опять идти к судье домой. Однако никакие уговоры не возымели действия.

«Родные мои,— отвечал судья,— я сам знаю, что тетушка Гюхер — женщина. Я же родился и вырос у нее на руках. Но что поделаешь, если такова формальность? Нужно медицинское подтверждение. Формальная вещь...»

Мы бы рады выполнить все эти формальности, но на нас со всех сторон наседают: «Заберем вашу тетку в солдаты!» «Позвольте...» — говорим.

«Чего там позволять? Сколько месяцев уже прошло?»

А тетушка Гюхер заупрямилась: «В моем-то возрасте?! Не позволю себя осматривать!..» Мы начали ее уговаривать: «Тетушка, милая, ведь осмотр — пустая формальность! Это же формальный осмотр! Не настоящий... формальность...»

Освидетельствование должно было происходить в официальной обстановке, в казенной больнице. И вдруг, на наше счастье, гинеколог, которому предстояло осматривать старушку, оказался близким другом старшего сына тетки. Он часто бывал у нас в гостях. И главный врач больницы, как выяснилось, видел немало добра от тетушкиного мужа Мемдух-паши, который даже в свое время определил его учиться в военно-медицинскую школу.

Мы привели тетушку Гюхер в больницу. Врач-гинеколог поцеловал у нее руку и сказал: «Сегодня нельзя». «Почему?» — удивились мы. «Сегодня, дорогие, не комиссионный день. Одного моего свидетельства недостаточно. Должна решать комиссия...» «Слушай, да какая там комиссия? — возмутился старший сын тетушки.— Разве ты не знаешь, братец, что моя мать — женщина?» «Как не знать, братец? Знаю. Но это же формальный осмотр. Хотя я и говорю, что решать должна комиссия, но ведь это не настоящий осмотр... Простая формальность...»

Всем было известно, что тетушка Гюхер не мужчина, а женщина, что ей не двадцать два, а семьдесят два года, но каждый старался спровадить это дело другому. Нам никак не удавалось доказать, что семидесятидвухлетняя старушка, имеющая троих детей и восемь внучат,— женщина.

Наконец тетушка Гюхер предстала перед медицинской комиссией. Ни один врач не дотронулся до ее руки, не пощупал пульса. Свидетельство за подписями семи членов комиссии, подтвердивших принадлежность тетушки к женскому полу, было получено. Предстояло еще раз обратиться в суд.

А солдаты и полицейские по-прежнему осаждают наш дом: хотят забрать тетушку Гюхер в армию.

Настал день суда. Кроме нас, близких родных, в зале заседания присутствовали все дальние родственники, знакомые, малознакомые, знакомые знакомых, просто любопытствующие и вовсе не знакомые люди. Газеты давно уже растрезвонили о призыве тетушки Гюхер в армию, а из-за формальностей дело затянулось на целый год, поэтому в городе не оставалось человека, который бы не был в курсе этого происшествия.

На суде зачитали акт медицинской комиссии. И наконец судья начал оглашать решение.

Вдруг тетушка Гюхер как крикнет: «Я мужчина!..»

Сначала все растерялись. Потом послышался смех. Тетушку Гюхер как подменили.

«Да, да,— кричит,— формально я мужчина! Ухожу в армию. Свидетели, медицинские справки — все это ложь!»

Суд постановил считать тетушку Гюхер женщиной. Но сама она с того дня величает себя ефрейтором. Приказывает всем домашним называть ее дядюшкой Гюхер. Достала из сундука форму покойного мужа Мемдух-паши, облачилась в нее, нацепила саблю и с утра до вечера проводит занятия со своим отделением.

Сверху опять донесся хриплый старческий голос:

— Направление — отдельно стоящее дерево! Шаго-о-ом марш!.. Раз-два!.. Раз-два!.. Раз-два!..

Перевел с турецкого И. ПЕЧЕНЕВ.

Писатели и книги

Поэзия партийной работы

Вскоре после избрания Анны Калининой парторгом ее вызвал к себе секретарь горкома партии. Город был только что освобожден от немцев, помещения отапливались плохо. Они сидели друг против друга, высокий, сутулый, с клочковатым румянцем на впалых щеках секретарь горкома и молодой парторг.

— Ну, а люди что думают, что говорят? Какие у ткачей претензии к Советской власти? Выкладывайте напрямки. Нам с вами процеженная, подслащенная правда вредна, у нас должность такая — партийный работник.

В этих словах — позиция не только партийных работников, изображенных в новом романе Бориса Полевого «Глубокий тыл», но и позиция самого писателя-коммуниста, воскресившего в романе период первых лет Отечественной войны.

Пожалуй, среди множества вопросов, поднятых Полевым, один — о партийном руководстве массами — главенствует в романе. Мы видим, как коммунисты оказывают ощутимое, не всегда на первый взгляд заметное влияние на судьбы десятков и сотен работников ткацкой фабрики, на ход событий, больших и малых, изображенных в романе.

В романе есть одно важное качество, которое привлекает и делает интересным все повествование. Полевому удалось показать поэзию партийной работы, кропотливое, неустанное, повседневное творчество сынов и дочерей партии.

Под влиянием этого творчества слабые становятся сильными, надломленные горем люди выпрямляются, а труд миллионов работников, направленный к единой цели, творит чудеса.

Еще трудно было в первую военную зиму со снабжением населения электроэнергией, продуктами, рабочие еще ютились в уцелевших после оккупации домишках, но когда встал вопрос о борьбе с наводнением, грозившим затопить фабрику, усталые, плохо одетые люди самоотверженно три дня сдерживали натиск водной стихии. Только знание рабочей души и громадная вера в нее подсказали Анне Калининой ответ на вопрос: бороться со стихией или отступить? Анна решила бороться и ответила: «За ткачей я ручаюсь!»

Читая роман, вы видите, как взгляды и нормы поведения коммунистов, мировоззрение партии стали достоянием, нормами этики и морали миллионов советских тружеников, организационно не связанных с партией, но преданных ее делу до конца.

В центре романа рабочая династия ткачих Калининых во главе со старой большевичкой Варварой Алексеевной — ее дочери Анна, Ксения, Татьяна, ее внуки и внучки Галка и Женя, Марат и Юнона и другие представители славной фамилии.

В семье Калининых свои законы. Калинины умеют отдыхать и веселиться. Анна вспоминает довоенные торжества: «Играл семейный оркестр Калининых: Степан Михайлович — на старом баяне, муж Марии Калининой Арсений Куров лихо рокотал на гитаре, младший брат Анны, летчик Николай, играл на мандолине, муж Ксении Калининой Филимон — на балалайке. Звуки наполняли квартиру, вырывались в открытые окна. «Люди, стоя на улице, смотрели вверх, улыбались: Калинины гуляют». Но во всем, что касается дела, Калинины руководствуются суровыми понятиями чести, совести и справедливости. В принципиальных вопросах Калинины непримиримы.

Нелегко было Ксении Степановне, депутату Верховного Совета, члену райкома партии, выступать на комсомольском собрании против своей любимой дочери Юноны, которую критиковали комсомольцы. Старая прядильщица все же нашла в себе силы признать, что не сумела передать дочери революционную эстафету своего поколения. «Ну, ничего,— с трудом говорила Ксения Степановна,— такая у нас страна: мать прозевает — люди ребенку попасть под колеса не дадут».

Такое же семейное влияние, которое выступает здесь как влияние, по существу, партийное, испытывает на себе и Анна Калинина, когда ее старая мать советует Анне отвести свою кандидатуру на выборном партийном собрании.

Настоящая, непроцеженная правда двигала пером писателя на многих страницах романа. Ведь и последний сюжетный поворот романа тоже продиктован правдой: даже Анна, сильная, искренняя Анна Калинина, любимая всеми ткачихами фабрики, ничего не смогла поделать с людской сплетней, пущенной по ее адресу злым языком, и вынуждена уехать из города комиссаром санитарного поезда.

Роман Полевого очень прост. В нем нет рассчитанных на обывательский вкус «остреньких» высказываний, ситуаций. Любителям искусственных пряностей и надуманных «изысков» роман Полевого, наверно, покажется пресноватым. Борис Полевой любит писать о простых, нравственно здоровых людях. Именно о них пишет романист. И для них. Поэтому «Глубокий тыл» находит живой отклик советских читателей.

Анатолий ЕЛКИН

Борис Полевой. Глубокий тыл. Роман. «Знамя» №№ 9—12. 1958.

ИСТОКИ ПОБЕДЫ

События, о которых рассказывает новая повесть Ивана Стаднюка «Человек не сдается», принадлежат суровой истории Великой Отечественной войны. Это июнь 1941 года...

Молодой коммунист Петр Маринин, призванный в армию за два года до нападения немецко-фашистских захватчиков на Советский Союз, в канун войны завершает учебу в военном училище и прибывает в дивизию, расквартированную у нашей западной границы. Младший политрук Маринин, посланный в дивизионную газету, готовит себя к боевой работе в случае войны.

Через всю книгу, как самая дорогая святыня, проходит образ боевого знамени дивизии. Знамя — символ непобедимости бойцов, символ их веры в торжество нашего дела. Ярко и обстоятельно выписан автором образ комиссара Маслюкова. Личные боевые качества Маслюкова, его революционная прозорливость и высокое сознание своего долга воодушевляют

бойцов в самые критические минуты первых дней войны.

В маленькой по объему повести Стаднюк показал и простых людей Белоруссии, оказавшихся под игом оккупации, их духовное благородство, сплоченность и самоотверженность.

Мих. ВЕРШИНИН

Иван Стаднюк. Человек не сдается. Повесть. Воениздат. Москва. 1958. 151 стр.

Волк с подбитой лапой злобно воет на снижающийся вертолет.

Косолапый улепетывает во все лопатки.

Фото А. Васильева.

ОТ КРАЯ

На вертолете за волками

В радиограмме, полученной Мурманским облисполкомом от главного государственного инспектора по охоте А. Б. Васильева, говорилось: «Нужен вертолет. Высылайте скорее».

В Ловозерском районе, куда несколько дней назад выехал Васильев, оленеводческие колхозы сильно страдали от волков. Серые разбойнники нападали на стада, задирали и разгоняли животных. Немало домашних оленей убегало в тундру, там дичало и больше уже не возвращалось домой.

Васильев поднял на борьбу с волками местных охотников. Но волки уходили от облав, скрываясь в местах, труднодоступных для человека.

И вот было решено организовать охоту с воздуха.

Вертолет прибыл из Мурманска в тот же день.

— Не без волнения я занял место в кабине рядом с пилотом Строевым,— рассказывал по возвращении в Мурманск Алексей Борисович.— Впервые лечу на вертолете. Удобно ли будет стрелять? С непривычки недолго и промазать. Но все оказалось проще, чем думалось.

Наш вертолет взмыл вверх. Берем курс на восток, к верховьям реки Лосинги, где накануне с самолета были обнаружены волки. Надо быть начеку. Звери могут показаться в любой момент.

Справа на горизонте различаю черную точку.

— Похоже, что медведь,— кричу в самое ухо Строеву. Но из-за грохота мотора он меня не слышит. Показываю рукой. И вот послушная пилоту машина поворачивает вправо.

Я не ошибся. Мы быстро нагоняем большого медведя. Мишка улепетывает от вертолета во все лопатки. Но не тут-то было: первая же пуля сразила зверя. Засекли место: подберем на обратном пути.

Вскоре мы обнаружили и свежие следы волков. А вот и сам хищник. Я подбил у него переднюю лапу. Присев, зверь злобно завыл на снижающийся вертолет.

— Что, серый разбойник, туго приходится? Ну, посиди еще немножко, пока я тебя сфотографирую.

И я запечатлел с высоты кадр, который мне никогда не удалось бы снять во время обычной наземной охоты. С высоты пятнадцати метров я добил волка.

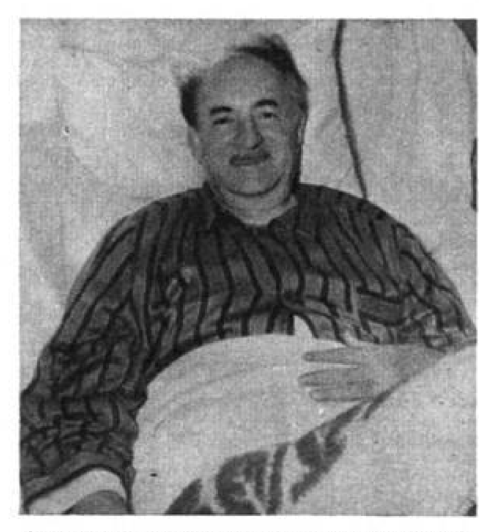
Мы разыскали по следам, подняли с лежек и убили еще четырех волков. Как ни старались хищники скрыться от вертолета, он повсюду настигал их. Георгий Андреевич Строев мастерски управлял машиной, создавал мне удобные положения для стрельбы.

Шесть уничтоженных хищников за один вылет — прекрасный результат воздушной охоты!

Снова и снова вертолет кружит над тундрой. Охотник бьет без промаха.

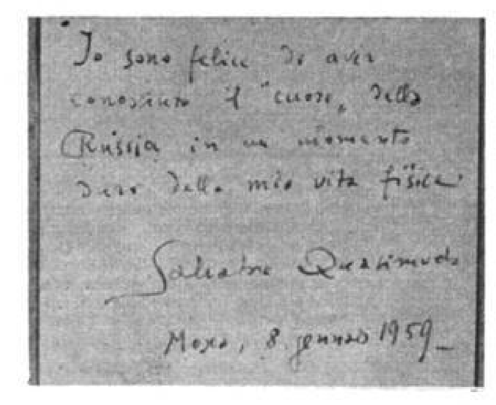
В. БОРОНИН

Пациенты Боткинской больницы

Сальваторе Квазимодо в больнице имени С. П. Боткина.
Фото Р. Лихач.

Автограф Квазимодо.

Io sono felice di aver conosciuto il "cuore" della Russia in un momento duro della mia vita fisica

Salvatore Quasimodo

Mosca, 8 gennaio 1959

«Я верю, что люди Советской страны всегда будут преданы делу мира и прогресса. Передайте читателям журнала «Огонек»,— попросил Сальваторе Квазимодо, известный итальянский поэт,— что я счастлив узнать сердце России в трудные дни моей жизни».

Этой осенью С. Квазимодо вместе с несколькими своими товарищами-литераторами приехал из Италии в Москву в гости к советским писателям. Но тяжелый инфаркт изменил все планы поэта. Квазимодо поместили в больницу. И вот после длительного лечения здоровье его настолько улучшилось, что уже можно собираться обратно на родину.

В городской клинической больнице имени С. П. Боткина лечатся гости из многих стран, со всех частей света. Афганский юноша Саид Мангал после сложной операции, сделанной профессором А. Н. Шабановым, поправился и недавно вернулся в Кабул.

От австралийской учительницы Дорис Макрей часто получает письма лечившая ее врач Г. И. Козлова. Дорис пишет, что здорова, делится своими мыслями, рассказывает о новостях. «Мы радовались запуску советских ракет. «Спутник» — теперь обычное слово в нашем обиходе»,— пишет она.

За медицинскую помощь, оказанную Герберту Арнольду из ГДР, благодарит врачей, сестер и санитарок его семья. Из Эквадора шлет приветы Пабло Дуке, лечившийся недавно в Боткинской больнице.

На письмах, которые приходят в адрес больницы, почтовые штампы Китая, Новой Зеландии, Индии, Чехословакии, Венгрии, Японии. Со всех концов света идут сюда слова признательности.

Е. ОСИПОВ

ВОДНАЯ МАГИСТРАЛЬ В КАРАКУМАХ

На самой крупной ирригационной стройке страны произошло радостное событие: завершено сооружение первой очереди Каракумского канала — от Аму-Дарьи до Мургаба. Искусственная артерия протяженностью в 400 километров связала две реки Средней Азии.

Теперь можно орошать около ста тысяч гектаров земель, наладить водоснабжение отгонных пастбищ Туркмении. Канал вместе с тем и транспортный путь. На нем уже началось судоходство.

Строители трудятся в самом жарком и трудном для жизни крае «Черных песков». На протяжении почти трехсот километров в Юго-Восточных Каракумах они не встретили ни одного населенного пункта, ни единого родника. Нет тут и месторождений камня, гравия. Каракумский песок, мелкий и пылевидный, считался до сих пор непригодным для гидротехнического строительства. Нам удалось на практике опровергнуть такое мнение, широко используя этот новый стройматериал.

Наступление на Каракумы велось с двух сторон. Два отряда строителей двигались навстречу друг другу: от Аму-Дарьи — на запад, от железнодорожной станции Захмет — на восток. Своеобразен был труд и быт строителей в пустыне. На канале, окруженном песками, действовали плавучие электростанции и механические мастерские, передвигались плавучие общежития.

В Каракумах выполнено более ста миллионов кубометров земляных работ — переработано гораздо больше грунта, чем на стройках Беломорско-Балтийского и Большого Ферганского каналов, вместе взятых. Сооружены крупные гидроузлы, два железнодорожных моста. Вдоль канала насаждается лесозащитная полоса.

Вслед за живительной влагой в пустыню приходят полнокровная жизнь, изобилие. В дни Всесоюзной переписи населения на трассе канала было зарегистрировано двенадцать рабочих поселков, еще не отмеченных на географических картах.

— Пуск канала Аму-Дарья — Мургаб отнюдь не означает, что строителям пора покидать пустыню,— сказал управляющий трестом «Туркменгидрострой» С. К. Калижнюк.— Мы ждем сигнала к началу строительства второй очереди, к штурму Южных Каракумов. Пройдет несколько лет — и водная трасса проляжет еще дальше — в междуречье Мургаба и Теджена.

В. РУБЧИКОВ,
Ан. ВЕТРОВ

Самоходные баржи на сто восемьдесят восьмом километре Каракумского канала.
Фото К. Томашевского (ТАСС).

ДО КРАЯ

Они идут под лед

Водолаз-спасатель И. Шинаев уходит под лед. На льду (справа налево): И. Белохвостов, В. Малинин, Р. Тевосян.

Фото А. Бочинина.

— Дежурной смене приготовиться к погружению! — Отдав команду, начальник Тушинской спасательной станции Д. И. Костин взглянул на часы.

Вырубленная во льду майна выглядит точно квадрат из вороненой стали — так темна, неподвижна студеная вода.

Игорь Шинаев — водолаз-спасатель — готов к погружению. На нем водолазное обмундирование весом в 14 килограммов, за спиной аппарат «Подводник-1».

Вот холодная вода сомкнулась над головой Шинаева. Вначале пузырьки воздуха вскипают на поверхности, потом поверхность майны снова неподвижна. С внешним миром водолаза связывают подводный телефон и сигнальный пеньковый трос, укрепленный на поясе.

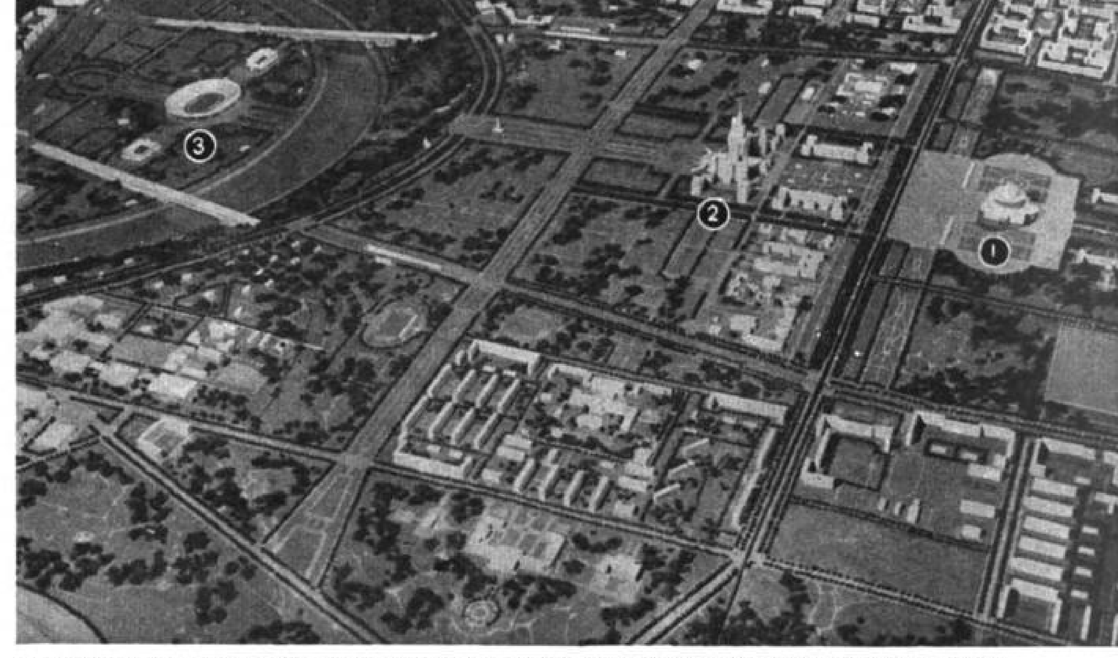
В руках старшего водолаза Ивана Белохвостова, стоящего на краю проруби, сигнальный конец и телефонный кабель. Белохвостов руководит погружением. Рядом с ним Рубен Тевосян — страхующий водолаз в полном снаряжении. Если товарищ подо льдом попадет в затруднительное положение, он сразу же придет на помощь.

Так выполняется показательное погружение под лед для участников учебного сбора инструкторов легководолазного дела. На сбор съехались спасатели Ленинграда, Тулы, Костромы, Ташкента, Нукуса, Ургенча, Архангельска, Львова, Киева — более чем из 20 городов. Опытные преподаватели обучают их, как пользоваться новым водолазным аппаратом «Подводник-1».

— Устройство «Подводника-1», — рассказывает руководитель сбора начальник Московской областной спасательной службы И. В. Попов, — весьма удобно. В его баллонах не кислород, как в старых конструкциях, а сжатый воздух. Это позволяет широко применять «Подводник-1» не только водолазам-профессионалам, но и спортсменам — любителям подводного плавания.

С новым водолазным прибором можно находиться под водой в течение часа и опускаться на глубины до 40 метров.

А. ГОЛИКОВ

На этом макете показано, как расположены Дворец Советов (1), Московский университет (2) и Центральный стадион имени В. И. Ленина (3).

ПРОЕКТЫ ДВОРЦА СОВЕТОВ

Первый тур соревнования на лучший проект Дворца Советов состоял из двух конкурсов. В закрытом конкурсе — заказном — приняли участие известные зодчие; открытый привлек сотни архитекторов из разных городов страны. Немало интересных, оригинальных, смелых проектов предложили соискатели. Однако ни один из проектов не мог быть положен в основу строительства.

Рассматривая схемы, чертежи, фотографии, жюри высказало ряд принципиальных соображений, важных для дальнейшей работы. Так были начисто отвергнуты те проекты, где имелись элементы архаики, где ложная величественность вступала в конфликт с требованиями современности, с экономичностью. Основное требование, выдвинутое перед авторами проектов, — применение наиболее прогрессивных конструкций и строительных материалов.

Чтобы выбрать лучший проект, объявлен второй тур соревнования. Уточнены площадь и кубатура Дворца, его рабочих и парадных залов. Прежде предлагались на выбор два участка. Оба они лежат, как выражаются архитекторы, «на оси» высотного здания МГУ на Ленинских горах — один в полукилометре, другой примерно в трех километрах. Теперь окончательно решено строить Дворец Советов на ближнем к университету участке.

Новые проекты будут разработаны детально в тесном содружестве архитекторов с инженерами-конструкторами, специалистами по электрооборудованию, озеленителями, дорожниками.

Из числа участников заказного и открытого конкурсов первого тура сформированы шесть творческих бригад. В каждую включены проектировщики, чей стиль, манера, «архитектурный почерк» дополняют друг друга.

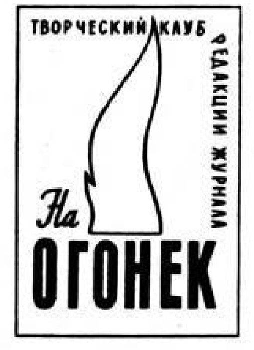
Срок представления проектов — 30 июня.

В Союзе архитекторов, в Академии строительства и архитектуры, в мастерских, за чертежными досками сейчас думают, толкуют, спорят о Дворце.

Различные научно-исследовательские учреждения и предприятия объединят свои усилия, чтобы сделать Дворец удобным, красивым.

Топографы и геодезисты уже составили подробный план местности. И недалек тот день, когда развернутся работы на площадке Дворца Советов. Поднимутся мощные башенные краны, распахнутся ворота, пропуская эшелоны с грузами.

Б. ЛЬВОВ

На последнем заседании творческого клуба «На огонек» работники редакции принимали у себя в гостях артистов Театра имени Вахтангова, композитора Б. Мокроусова, певца В. Нечаева и заслуженного мастера парашютного спорта Ю. Иванова.

2 330 прыжков совершил испытатель парашютов Ю. Иванов. Познакомив собравшихся с развитием техники советского парашютостроения, он говорил об интересных случаях из собственной практики, о работе своих товарищей — их смелости и отваге.

Выступлению артистов Театра имени Вахтангова предшествовало вступительное слово народного артиста РСФСР И. М. Толчанова.

Впервые в Советском Союзе театр поставил пьесу греческого прогрессивного драматурга Георгоса Севастикоглу «Ангела». В заглавной роли выступала молодая актриса Валерия Разинкова, окончившая весной 1958 года училище при театре. Матроса Ламброса играет тоже выпускник студии — Василий Лановой, в роли Стратоса — М. Ульянов.

О работе театра над пьесой «Неписаный закон» драматурга В. Пистоленко подробно рассказал режиссер А. Граве. Затем актеры Юлия Борисова, И. М. Толчанов, М. Д. Синельникова, В. Шалевич, Н. Тимофеев и И. Каширин показали отрывки из этого спектакля, которому в сегодняшнем номере посвящена корреспонденция В. Пименова «Спектакль о юной Банат» (см. стр. 24).

Актеры Л. Пашкова, М. Ульянов и М. Греков сыграли сцены из спектакля «Город на заре» А. Арбузова.

Композитор Б. А. Мокроусов познакомил собравшихся со своими новыми песнями. Их исполнил солист Всесоюзного радио В. Нечаев; аккомпанировал М. Брохес.

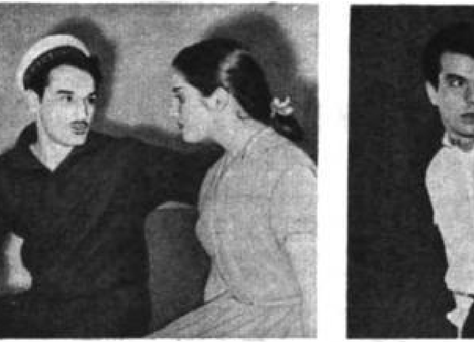
Все выступления прошли с большим успехом.

Заслуженный мастер парашютного спорта Ю. Иванов.

Сцена из «Ангелы». В роли Ангелы — В. Разинкова. Матрос Ламброс — В. Лановой.

В. Шалевич играет свою первую роль — Оспана — в спектакле «Неписаный закон».

Сцена из спектакля «Город на заре». Белоус — М. Ульянов, Оксана — Л. Пашкова, Зяблик — М. Греков.

Вахтанговцы рассказывают... Режиссер А. Граве, народный артист РСФСР И. М. Толчанов, заведующий репертуарной частью театра М. С. Зилов.

Б. Мокроусов, В. Нечаев и М. Брохес.

В лунную ночь 196... года.
Рисунок Кайана.

— Не правда ли, Пиштика может побыть у вас, пока мы придем из театра?
Рисунок Шандора.

— Почему эта команда так грубо играет?!
Рисунок Рускаи.

— Ты меня слышишь?
— Да!
— А видишь?
— Вижу!
— Значит, стена хорошая!
↓ **Рисунок Эндреди.**

У НАС В ГОСТЯХ КАРИ

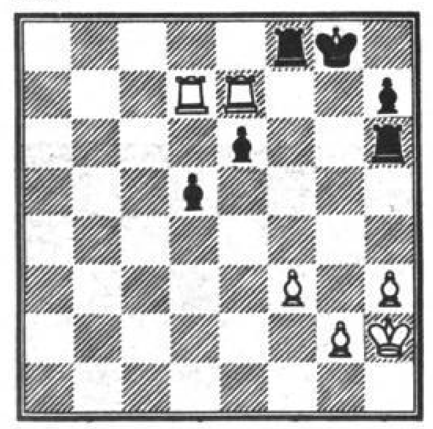

Под редакцией международного гроссмейстера Сало ФЛОРА

НОВАЯ ПОЗИЦИЯ В ЛАДЕЙНОМ ЭНДШПИЛЕ

М. БОТВИННИК,
чемпион мира

На диаграмме изображена отложенная позиция из партии Ботвинник — Помар (Мюнхен, 1958 год). Ход 41. Ла7—d7 был белыми записан.

Казалось бы, партия белых легко выиграна: их ладьи безраздельно владеют седьмой горизонталью, одна ладья черных должна дежурить на линии h, охраняя пешку h7, другая — на линии f, оберегая короля от мата, пешка е6 очень слаба... Анализ, однако, показал, что в случае пассивной обороны черных (Лf8—f6—f8—f6 и т. д.) белым не так-то уж просто усилить позицию!

Вся суть состоит в том, что белые пешки не могут двинуться вперед. Правда, как только начался анализ неоконченной партии, С. Флор предложил немедленную жертву пешки f3, а именно: 41... Лff6 42. g4 Л : f3 43. Крg2 Лf8 44. Крg3 с последующим Лg7+ и g4 — g5, но вскоре было найдено, что, продолжая 43... Лhf6! 44. Лg7+ Крf8 45. Л : h7 Лf7!, черные могут вполне удовлетворительно защищаться.

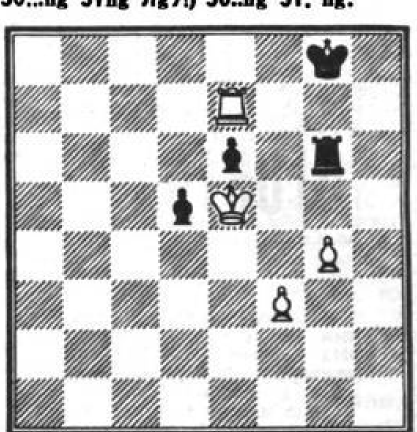
Примерно около 12 часов ночи я нашел нечто вроде цугцванга, но мои компаньоны по анализу П. Керес, А. Котов, С. Флор быстро рассеяли все иллюзии. Когда стало ясно, что при четырех ладьях белые ничего реального добиться не могут, были исследованы позиции с одной парой ладей. Лишь около 4 (!) часов утра я наконец догадался, что одна из них удивительным, хотя и простым образом выиграна. В 5 часов почти все было ясно, и можно было лечь спать, но в 7 утра уже возобновилась генеральная консультация с гроссмейстером Флором... Анализы были одобрены, и нас занимала лишь практическая сторона дела: как психологически построить доигрывание, чтобы наиболее верным способом завоевать столь важное для команды очко?

Было решено доигрывание разбить на три стадии: 1) «потоптаться» сначала на месте, чтобы у партнера создалось впечатление, будто план выигрыша вообще не найден, 2) затем незаметно попытаться создать упомянутую позицию фиктивного цугцванга и, наконец, если ничего положительного не будет достигнуто, то 3) как бы отчаявшись в успехе, разменять одну пару ладей и перейти к истинному выигрывающему плану — при такой тактике черные были бы максимально дезориентированы и ошибка с их стороны была бы весьма вероятной!

Когда в 10 часов началось доигрывание, испанский мастер, конечно, и не подозревал о коварном «заговоре»: Помар играл быстро и уверенно:
41... Лff6 42. Лg7 + Крh8 43. Ле7 (итак, повторение ходов — первая стадия плана реализуется!) 43. ...Крg8 44. Крg1 Лf8 45. Крf2 Лff6 46. Лd8+ (и это не имеет реальной силы) 46... Лf8 47. Лd6 Лff6 48. Лb6 Крf8 49. Лd7 Крg8 50. Ла6.

Незаметно белые перешли ко второй части плана — им удалось создать цугцванг, увы, лишь кажущийся! Но черным нельзя уже по шаблону продолжать 50... Лf8, ввиду 51. Л:d5; нельзя играть и 50... Лhg6 из-за 51. Ла8+. Однако путем 50... Лh5! (было указано Кересом) черные могли вынудить белых раскрыть свои карты и перейти к истинному плану выигрыша. «Ну так что же в конце концов произошло?» — вправе спросить нетерпеливый читатель. Да, к сожалению, у талантливого испанца не оказалось достаточного опыта — он не устоял перед хитроумной тактикой, изобретенной двумя гроссмейстерами, суммарный международный стаж которых уже перевалил за полвека... Здесь Помар призадумался, но, «усыпленный» маловразумительными маневрами белых, так и не разглядел всех опасностей. Последовало 50... Лhg6 51. Ла8 + Лf8 52. Л : f8 + Кр : f8 53. Л : h7, и даже упорное, если не героическое, сопротивление не могло спасти черных — они капитулировали на 78-м (!) ходу... Но как же могли белые выиграть партию, если бы черные защищались по всем правилам?

Вот он, верный план. 41... Лff6 42. Крg1 Лf8 43. Крf2 Лff6 44. Крe3 Лf8 (или 44... Лhg6 45. g4 Лh6. 46. g5...) 45. Лg7 + ! (надо занять линию g — пешка g2 должна быть защищена) 45... Крh8 46. Крd4 Лg8 (иначе белые безнаказанно усиливают позицию своего короля) 47. Л : g8+ Кр : g8 48. Крe5 Лg6 49. g4 h5 (или 49... Лh6 50. f4 Л : h3 51. Кр : e6) 50. Ле7!! (Грешным делом, во время анализа я считал, что достаточно для выигрыша и 50. Ла7, но уже после окончания партии М. Таль нашел, что в этом случае белые ничего не достигали ввиду 50...hg 51hg Лg7!) 50..hg 51. hg.

Замечательная позиция! Несмотря на материальное равенство и ограниченный материал, черные беспомощны. В случае 51... Крf8 белые легко выигрывают, переводя ладью на поле h5 (например 51... Крf8 52. Лh7 Крg8 53. Лh5 Крg7 54. g5 Крg8 55. f4 Крg7 56. Лh1 Крg8 57. Ла1 Крf7 58. Крd6 Крg7 59. Крe7 Крh7 60. Крf7), а в случае 51... Крh8 решает 52. Л : e6! Л : e6 53. Кр:e6 d4. 54. Крf7!! d3 55. g5 d2 56. g6 d1Ф (Черные получили нового ферзя на два хода раньше белых, но результат партии очевиден!) 57. g7 + Крh7 58. g8Ф + Крh6 59. Фg6×...

Разумеется, не в командном соревновании белые сразу бы пошли на этот эндшпиль. Но на турнире наций, когда наша команда отставала от югославской, нельзя было пренебрегать никаким, даже попутным шансом!

— Ну, делай свой ход, а то мой отпуск кончается.

Рисунок Каллуша.

Врач на рыбалке.

— Скажи: «А-а»...

— Товарищ директор, зачем вы так много танцевали?

— Сначала я хотел танцевать только с моей секретаршей, но не мог же я обидеть остальных 178 сотрудников!

Рисунок Сегэ.

— К сожалению, к кусочку мяса надо положить маленькую косточку.

Рисунок Погани.

— Как прекрасен этот пейзаж! Ты согласна?

Рисунок Сегэ.

Такт...

Рисунок Варнаи.

КАТУРИСТЫ БУДАПЕШТА

XXVI шахматный чемпионат СССР

Т. ПЕТРОСЯН—ЧЕМПИОН СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Сало ФЛОР, специальный корреспондент «Огонька»

Даже видавшие виды гроссмейстеры и болельщики не помнят такого шахматного ажиотажа и не скоро забудут последние дни тбилисского турнира. Следует сказать, что интерес к чемпионату в Тбилиси был чрезвычайно велик, во всяком случае, большим, чем в избалованной шахматами Москве.

В дни финиша в Тбилиси билет на шахматный чемпионат котируется выше, чем билет на «Отелло» с участием Вахтанга Чабукиани.

В Тбилиси — редкий гость — выпал снег. Но это не охлаждает темперамента болельщиков. Большими группами они стоят с утра и ждут, «нет ли лишнего билетика», а вечерами в ожидании результатов «оккупируют» все выходы, коридоры, лестницы театра и концертного зала Руставели. Милиционеры под предлогом «наведения порядка» торопятся в зал и таким образом совмещают приятное с полезным.

В дни финиша образовалось два лагеря болельщиков: один за Тиграна Петросяна, другой — за Михаила Таля. После каждого тура болельщики провожают своих любимцев до гостиницы, даже до самого лифта. Это, так сказать, небольшие репетиции перед окончательной победой. А там, видимо, понесут их на руках. В Тбилиси верят в Петросяна, но много поклонников и у Таля. Есть болельщики и у Спасского, Кереса, Тайманова, но те в соответствии с успехами своих кумиров ведут себя более скромно.

Последние три тура прошли под вопросом: Петросян или Таль? Таль получил ободряющую телеграмму: «Догнать Петросяна. Весь проспект Руставели и проспект Плеханова с вами».

Последний свой выходной день некоторые участники турнира провели в селе Цинандали. Соблазнов было много, но режим вынуждал к спокойному созерцанию бутылок с янтарной жидкостью... И когда Д. Бронштейн в партии с Н. Крогиусом обогатил шахматную теорию новым вариантом сицилианской защиты, он сразу предложил назвать эту новинку «цинандальским вариантом».

У Б. Спасского на пути к первому месту был последний шанс: победить Петросяна. Но лидер чемпионата легко остановил наступление и свел партию к ничьей, которая вполне его устраивала.

Таль так остроумно и интересно вел партию с А. Никитиным, что никакая судейская коллегия, никакие дежурные представители милиции не смогли остановить шумно и темпераментно реагирующих зрителей. Таль победил в блестящем стиле. Разрыв между ним и лидером стал минимальным — пол-очка.

Страшный разгром П. Кересу учинил Р. Холмов. Говорят, что у Холмова все шансы получить за эту партию приз за красоту. Кроме того, он получит приз за лучший результат в партиях с гроссмейстерами, за наибольшее количество побед черными и... даже гроссмейстерский балл.

В этот вечер М. Тайманову преподнесли ко дню его рождения букет цветов. К ним вежливый Е. Геллер прибавил Тайманову еще целое очко.

Часто у гроссмейстера находится партнер, с которым ему играть трудно. Так, Талю очень тяжело играть с Корчным. Он неоднократно ему проигрывал. Последний раз это случилось в Риге в прошлом году. И на этот раз в 18-м туре игра у Таля как-то не ладилась. В то время как у Петросяна было небольшое преимущество в партии против Никитина, уже в 8 часов вечера стало ясно, что Талю нужно бороться за ничью.

На следующий день — в день доигрывания — Таль не смог спасти партию и потерпел неприятное, третье в этом турнире поражение. Это было тяжелое по своим последствиям поражение, которое равнялось потере звания чемпиона. Петросян сыграл вничью с Никитиным. Разрыв вырос до очка. У Петросяна было 13, а у Таля и Спасского — по 12.

В последнем туре все партии закончились мирным исходом, все участники к своим итогам добавили по пол-очка. Догнать лидера никому не удалось.

Итак, чемпионом СССР впервые стал Тигран Петросян. Он своей ровной «железной» игрой заставил наших гроссмейстеров уступить ему очередь.

Петросяна неоднократно упрекали за ничейную тактику. Проигрывать он не любит и не умеет, что, между прочим, показал и турнир в Тбилиси. Что же оставалось ему делать? Только выигрывать. Так он и поступал: выигрывал одну партию за другой, а на ничьих успешно прошел финишную ленту победителя.

Победа Петросяна, несомненно, убедительна, заслуженна и закономерна. Она имеет для него большое значение: он поверил в то, что может побеждать. Теперь он будет играть агрессивнее и в других турнирах.

Нельзя сказать, что Таль покидает Тбилиси побежденным. Он завоевал много симпатий у зрителей своей смелой игрой, но его проигрыши Юхтману и Гуфельду были слишком уж большой форой. Кто-то шутил после его партии с Корчным: «Если Таль не может уже выиграть даже у гроссмейстеров, то дела его плохи».

Борис Спасский очень активно провел турнир. Однако в его игре был «провал», когда он из трех партий завоевал всего пол-очка. Это серьезно испортило шансы на победу.

Думаю, что нет смысла особенно рассуждать о неудачах Кереса, Тайманова, Бронштейна. Если бы у них был успех, то не было бы его у Петросяна. Желающих много, а первое место одно.

Чемпионом СССР стал талантливый претендент на первенство мира Тигран Петросян. Его надо искренне приветствовать и поздравить с заслуженной победой.

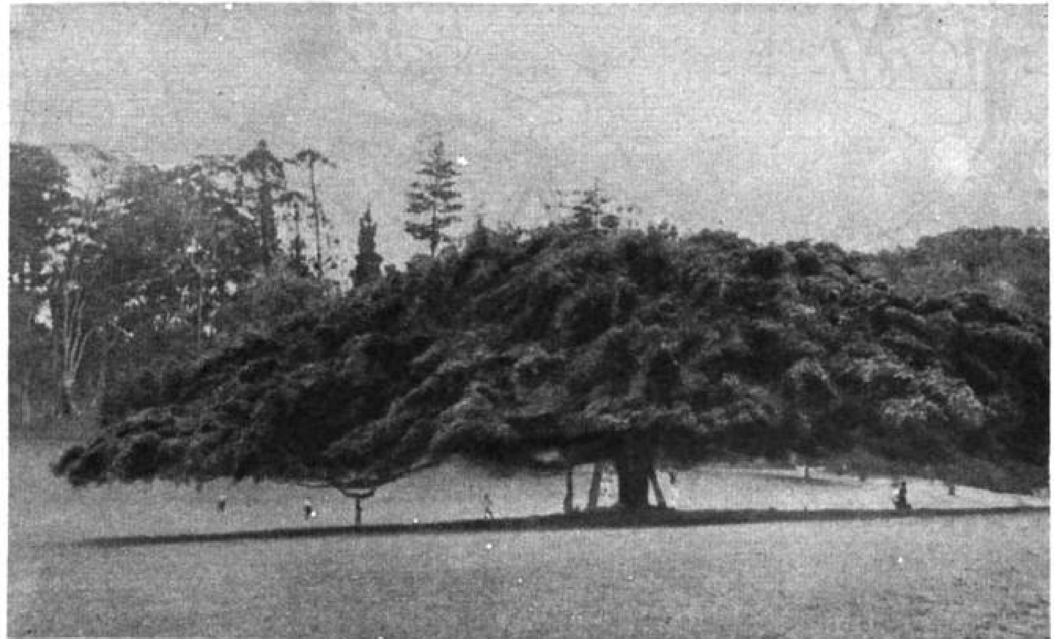
Улеглись страсти болельщиков в Тбилиси. Вы думаете, что они рады концу турнира? Нет. Многие здесь говорят: «О, как жаль, что гости разъезжаются! Еще хотя бы месяц!»

Нет, это было бы слишком много. Замечательно, радушно, гостеприимно приняли шахматистов в старинном Тбилиси. Но настала пора немного отдохнуть после исключительно напряженной борьбы.

Фото В. Джейранова.

Цейлонские растения

Дерево-роща

Баньян, который мне пришлось видеть на Цейлоне, заменяет целую рощу: его крона расстилается над землей на 130 метров. От нее вниз спускаются воздушные корни, которые, укрепляясь в земле, превращаются в более или менее толстые стволы. Они служат подпорками для обширной и тяжелой кроны. Под таким деревом иногда может поместиться небольшое селение.

Свое развитие баньян начинает с прикрепления к ветвям какого-либо дерева, куда его семена заносятся птицами. Развиваясь, баньян раскидывает свою крону над кроной хозяина, лишает его света и губит. Тонкий центральный ствол баньяна и многочисленные воздушные корни, свешиваясь вниз, доходят до земли и укореняются в ней.

Баньян принадлежит к фикусам, видов которых насчитывается около тысячи. Один такой вид — фиговое дерево, инжир,— хорошо известен своими плодами — винными ягодами. Некоторые фикусы разводятся у нас как комнатные растения.

Дурьян

Красивый крупный плод весом около 3 килограммов принадлежит тропическому дереву дурьян. Мякоть плода очень сочная, сладкая, и хотя имеет неприятный запах, многие находят вкус дурьяна прекрасным.

Н. Н. СУШКИНА,
доктор биологических наук,
профессор МГУ.

Фото профессора Л. М. Черепнина.

Дары тропиков

Хлебные деревья распространены повсюду в тропиках. Это ценный источник питания населения. Один вид деревьев имеет плоды величиною с небольшую дыню. Другой называется джак, или джек-дерево. Его огромные плоды весят до 20—25 килограммов. Они образуются на стволах и на толстых, старых ветках дерева.

Такой способ развития плодов встречается у многих тропических растений и известен в ботанике под названием каулифлория. Урожая одного хлебного дерева достаточно для того, чтобы прокормить в течение года двух — трех человек. Плоды богаты крахмалом. Их едят вареными или поджаренными. Если дать им забродить, они превращаются в вязкую массу, напоминающую тесто, из которого можно изготовлять лепешки. Отсюда, видимо, произошло название хлебного дерева.

На Цейлоне плоды джак-дерева входят в меню почти каждого обеда или ужина.

Отвечаем читателям

ОТМЕТКИ В ШКОЛАХ

«Какие отметки для оценки успеваемости учащихся применяются в других странах?» — спрашивают читатели Н. Быканов из Арзамаса, В. Николаенко из Казани, москвичка А. Сергеева и другие.

— Во многих странах существуют издавна сложившиеся системы оценки успеваемости учащихся,— рассказала нашему корреспонденту старшая научная сотрудница Института теории и истории педагогики Академии педагогических наук РСФСР Генриетта Александровна Касвин.— Так, например, если в нашей стране принята в школах пятибалльная система и высшей оценкой считается пятерка, то в школах Чехословакии тоже применяется эта система, но несколько иначе: отличной отметкой считается единица. В Болгарии для оценок успеваемости служит шестибалльная система. В Китае применяют две системы: пятибалльную и стобалльную. В стобалльной отличными отметками считаются от 100 до 90, очень хорошими — от 89 до 80, хорошими — от 79 до 70, удовлетворительными — от 69 до 60, а ниже идут плохие и очень плохие отметки. Эта система оценок постепенно заменяется пятибалльной.

Во Франции применяют двадцатибалльную систему. Отметка 20 идеальная, ее почти никогда не ставят. Она напоминает ту «десятку», которую почти никогда не может получить спортсмен, скажем, гимнаст, хотя жюри изредка выставляет 9,99 наиболее отличившимся. Вслед за 20 у французов идут 19, 18 и 17 как очень хорошие отметки и так далее. Отметка 10 — все равно что у нас тройка с минусом, а ниже 10 — плохо и очень плохо. В США преподаватели пользуются несколькими системами оценок успеваемости: алфавитной, стобалльной, процентной и другими. В алфавитной системе буква «а» означает отлично, буква «b»—хорошо, «c»—удовлетворительно, а «f» — от начальной буквы слова «failure» (неудача)—плохо.

КИТАЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Сила лошади познается в далеком пути, сердце человека — с течением времени.

Если стоишь прямо, не бойся, что тень ляжет на землю косо.

Если днем ничего плохого не делаешь, то в полночь не испугаешься стука в дверь.

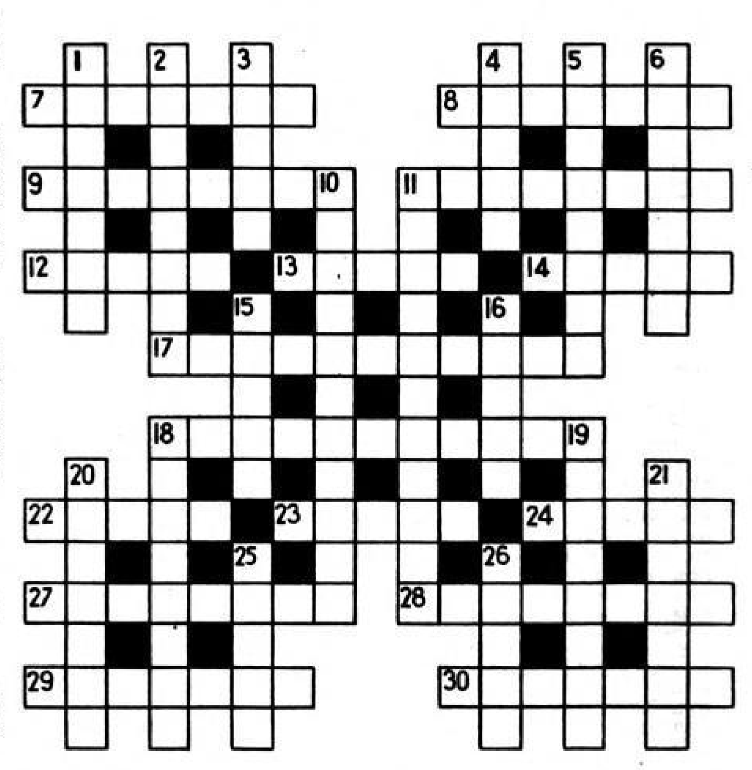
Когда пьешь воду из ручья, подумай, откуда он течет.

Не заберешься в логовище тигра—не поймаешь тигренка.

Перевел Фань Ли-сянь.

Шанхай.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Остров в Балтийском море. 8. Гриб. 9. Преувеличенная, восторженная похвала. 11. Растение семейства розовых. 12. Североамериканский дикий бык. 13. Электронная лампа. 14. Автомобиль с грузо-пассажирским кузовом. 17. Большие физкультурные соревнования. 18. Сельскохозяйственная работа. 22. Растительный мир. 23. Персонаж оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 24. Двучлен. 27. Автор древнейшего труда по астрономии. 28. Гигиеническое и освежающее средство. 29. Плодовое дерево. 30. Советский писатель.

По вертикали:

1. Расположение фигур в шахматной игре. 2. Приток Миссисипи. 3. Стихотворение А. С. Пушкина. 4. Мера бумаги. 5. Оружие, применяемое при охоте на медведя. 6. Грузоподъемный механизм. 10. Русский поэт XIX века. 11. Автор оперы «Паяцы». 15. Птица северных побережий. 16. Шарф. 18. Вид скульптуры. 19. Действующее лицо пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». 20. Ледник. 21. Склон горы, холма. 25. Город на Украине. 26. Один из организаторов Товарищества передвижников.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

1. Самостоятельность. 5. Бирма. 7. Статика. 8. Ледокол. 10. Август. 12. Строка. 15. Романтизм. 17. Кито. 18. Гора. 19. Стаж. 22. Коса. 24. Полковник. 25. Янтарь. 28. Аравия. 31. Опера. 32. «Бочка». 33. «Гений».

По вертикали:

2. Мука. 3. Турне. 4. Срок. 5. Барс. 6. Альт. 7. Сюртук. 9. Люстра. 10. Австралия. 11. Уток. 13. Роза. 14. Агрономия. 16. Ньютон. 19. Сторно. 20. Ложа. 21. Виза. 23. Апогей. 26. Трап. 27. Рубо. 29. Риал. 30. Вага.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

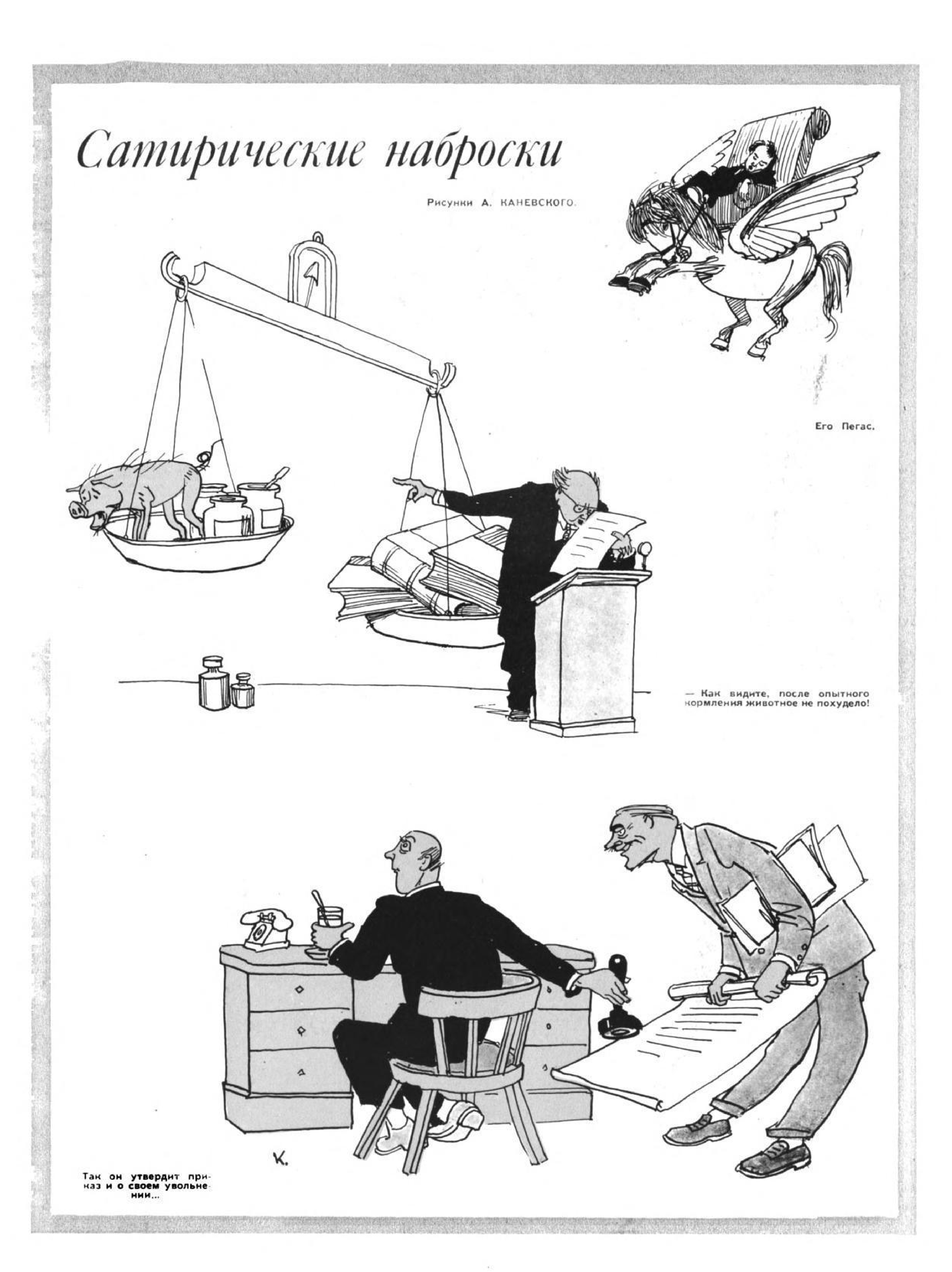
Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00626. Подписано к печати 11/II 1959 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 137. Заказ 184.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Сатирические наброски

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

Его Пегас.

— Как видите, после опытного кормления животное не похудело!

Так он утвердит приказ и о своем увольнении...

Чан Динь Тхо (Вьетнам). БАМБУК. 1957 год.

Выставка произведений изобразительного искусства социалистических стран.

Цена номера 3 руб.

